
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА
№ 3 ЯНВАРЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2428)

12 ЯНВАРЯ 1974

«Центральный Комитет КПСС убежден, что советские люди еще выше поднимут знамя всенародного социалистического соревнования и своим самоотверженным, ударным трудом обеспечат досрочное выполнение плановых заданий и социалистических обязательств в 1974 году.

Пролетарии все...

Коммунистическая партия Советс...

ПРАВ...

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Ком...

№ 4 (20243) • Пятница, 4 января 1974

О Б Р А Щ...

Центрального Ко... к партии, к совет...

Дорогие товарищи!

...Центрального Комитета партии подвел итоги ... рассмотрел и одобрил проект ... Совет Союза ССР ...

...портные средства, запасные части, выработано сверх плана более миллиона тонн минеральных удобрений. В этом вновь проявилась могучая сила нерушимого союза рабочего класса и крестьянства, великая дружба наших народов.

В итоге получен рекордный урожай. Валовой сбор ... более 222 млн. тонн. В закрома государ... млн. тонн, или 5,5 млрд. ... закупок зер...

лей. До... житы н... кучеств... воение... пользу... Словом... бы у ... чтобы... на но... хозяй...

К новым трудовым победам, дорогие товарищи, к новым трудовым подвигам во имя дальнейшего укрепления могущества нашей Родины, коммунистического строительства в нашей стране!»

Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.

...тран, соединяйтесь!

...ого Союза

...ДА

...тета КПСС

...г. • Цена 3 коп.

К новым трудовым победам, дорогие товарищи, к новым трудовым подвигам во имя дальнейшего укрепления могущества нашей Родины, коммунистического строительства в нашей стране!

...ЕНИЕ
...митета КПСС
...скому народу

...каются потери сырья и материалов, не из...шения трудовой дисциплины, велика еще те...бочей силы. Затягивается нередко ввод и ос...изводственных мощностей, недостаточно ис...я новейшие достижения науки и техники. ...ам нужно еще многое сделать для того, что...не было отстающих предприятий и участков, ...бота всех трудовых коллективов была поднята ... более высокий уровень социалистического ...ования.

...ие товарищи!

...итоги 1973 года создают необходи... ...работы в четвертом ...окие тем-...

сверхплановой продукции из сэкономленных материальных ресурсов.

Решение стоящих перед нами задач требует поднять на более высокий уровень всю работу по руководству экономикой. Министерства и ведомства, плановые, снабженческие и финансовые органы должны создавать все необходимые условия для выполнения трудящимися встречных планов, взятых социалистических обязательств. Они призваны обеспечить улучшение системы управления, совершенствование планирования, организации труда и экономического стимулирования производства во всех его звеньях.

Успеху дела будет способствовать еще более широкое вовлечение трудящихся в управление экономикой, повышение ответственности и требовательности к кад...

...его мы добьемся зав... ...советско...

Воронеж, 4 января. Рабочие и служащие Нововоронежской атомной электростанции имени 50-летия СССР поддержали и одобрили Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу. На снимке: оператор АЭС В. Зубакин, заместитель начальника смены В. Жуков и инженер О. Клепиков обсуждают Обращение ЦК КПСС.

Фото В. Кожевникова (ТАСС).

ГЕРОИ — РОДИНЕ!

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС К ПАРТИИ, К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ ВЫЗВАЛО ГОРЯЧИЙ ОТКЛИК В СЕРДЦАХ ВСЕХ КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ, В СЕРДЦАХ РАБОЧИХ, КОЛХОЗНИКОВ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. В ЭТИ ДНИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» ПОБЕСЕДОВАЛИ С ПЕРЕДОВИКАМИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, ПОПРОСИЛИ ИХ РАССКАЗАТЬ О СВОИХ ПЛАНАХ НА ЧЕТВЕРТЫЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ.

Участники юбилейной плавки: Герои Социалистического Труда В. Волков, Г. Горбань, В. Никитенко и почетный металлург А. Исайко.
Фото Л. Самсонова (ТАСС).

УКРАИНА

ЕСТЬ РЕКОРД!

— 25 декабря, — рассказывает Герой Социалистического Труда, сталевар завода «Азовсталь» Григорий Яковлевич Горбань, — металлурги Украины выплавили пятидесятимиллионную с начала года тонну стали. На нашем заводе ее сварила бригада, в которую входили представители нескольких предприятий. И мне было радостно узнать, что один из них — Виктор Никитенко с Макеевского завода имени Кирова — за два часа до Нового года установил новый мировой рекорд, сварив со своими товарищами на печи № 1 606 120 тонн стали за год. В канун Нового года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Мартеновский цех «Азовстали» — ровесник первой пятилетки. За сорок лет почасовая производительность каждого мартена возросла втрое! Немалая заслуга в этом сталеваров, достигших высокого мастерства, научившихся находить все новые резервы производительности труда. Все это в сочетании с совершенствованием оборудования и технологии будет тем фундаментом, опираясь на который мы станем работать в четвертом году пятилетки еще успешнее, так, как призывает нас Обращение ЦК КПСС.

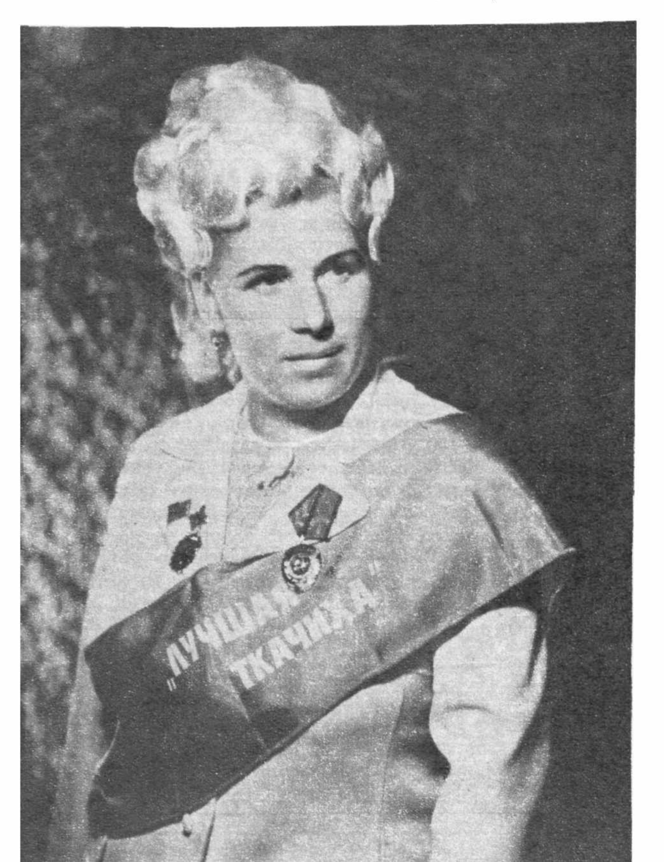
ЛЕНИНГРАД

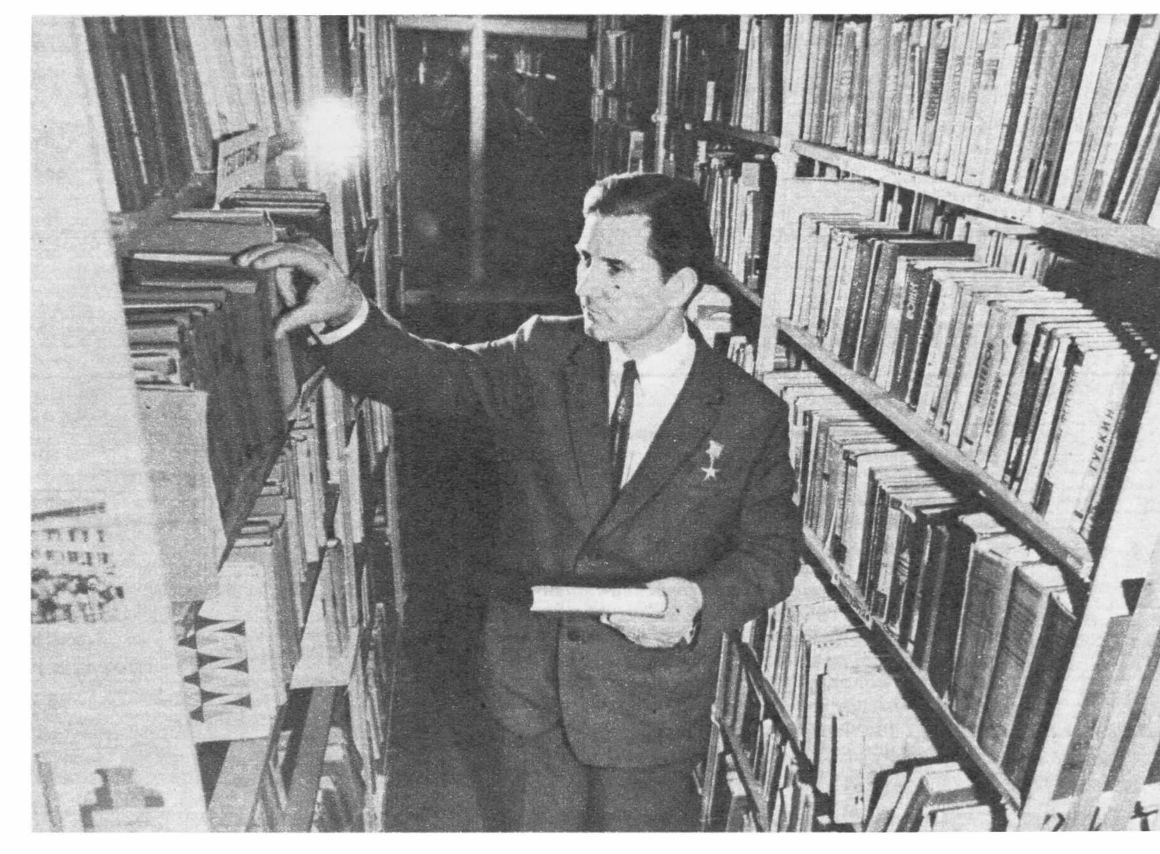
НА УРОВНЕ МИРОВЫХ ОБРАЗЦОВ

В канун Нового года в жизни ткачихи ленинградской фабрики «Рабочий» Екатерины Яковлевны Демидовой произошли два радостных события: она досрочно завершила девятую пятилетку, выработав только за прошлый год 40 тысяч метров сверхплановых тканей. По методу Героя Социалистического Труда Демидовой сейчас работают более восемнадцати тысяч ленинградских текстильщиков.

— В ответ на Обращение ЦК КПСС и высокую награду Родины,— говорит Екатерина Яковлевна,— я решила в 1974 году выработать тканей в два раза больше, чем предусматривает мой личный план, и приложу все свое старание, чтобы ткани эти не уступали лучшим мировым образцам.

Ленинградская ткачиха Е. Я. Демидова.
Фото Л. Шерстенникова.

Главный агроном колхоза «Комсомолец» Н. М. Мочалов. Фото К. Тарусова (ТАСС).

СТАВРОПОЛЬ

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ—УДАРНЫЙ!

Год минувший для ставропольца Героя Социалистического Труда Николая Михайловича Мочалова стал знаменательным: в феврале его назначили главным агрономом колхоза «Комсомолец». И вот итоги года: колхоз вышел в районе на призовое место по урожайности зерна — 27,5 центнера с гектара на круг.

— Нынешний год будет для нас очень важным,— сказал нашему корреспонденту Николай Мочалов. — Мы ударным трудом ответим на Обращение Центрального Комитета нашей партии. У нас в колхозе сейчас разрабатывается новая система организации и оплаты труда механизаторов, которая в сочетании с моральными стимулами поможет в четвертом году пятилетки добиться еще более высоких показателей, так, чтобы каждый день в году был ударным.

УЗБЕКИСТАН

ДОСТОЙНЫЕ СОПЕРНИКИ

— В своем Обращении Центральный Комитет нашей партии дал высокую оценку труду узбекских хлопкоробов, — говорит заведующий первым отделением целинного совхоза имени Буденного, Шерабадского района, Сурхандарьинской области, Герой Социалистического Труда Абдусаттар Курбанов. — Четыре миллиона девятьсот восемь тысяч тонн хлопка дал Узбекистан стране. Откликаясь на призыв партии, наше отделение приняло встречный план — вырастить и собрать 40 центнеров хлопка с каждого из 450 гектаров, при государственном плане 22 центнера. Мое личное обязательство — собрать 1 200 тонн, это на 196 тонн больше, чем в году минувшем. В народе говорят, что стать первым можно, только имея достойного соперника. Вот и вызвал я на соревнование заведующего четвертым отделением, знатного хлопкороба республики Джиянкула Рустамова.

Хлопкороб А. Курбанов с дочерью.

Фото В. Лейзеровича (ТАСС).

МОСКВА

ТАЛАНТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Владимир Таланников. Фото А. Бочинина.

...Опытный машинист! Владимир Таланников так не называет себя, хотя в свои тридцать четыре года он вполне заслуживает этого титула. Дело здесь не в излишней скромности, а в огромном уважении к своей профессии. Я убедился в этом, когда Владимир рассказал о прожитом. Он родился в семье машиниста, дом их стоял у самой платформы Москва-Каланчевская. Впрочем, тысячи людей живут вблизи от вокзалов и станций, растут в семьях железнодорожников, но далеко не все идут в машинисты. Отец Володи, прославленный машинист, хорошо это понимал и бережно готовил сына к выбору профессии. Сначала рассказывал интересные истории о паровозах, потом «случайно» захватил сына в депо, наконец, посадил к себе в кабину...

— Главное, чувствовалась в нем какая-то, я бы сказал, святость в отношении к своему делу,— рассказывает Владимир.— Это, наверное, особый талант — быть настоящим человеком. Я видел, что в паровозе для него заключена вся жизнь, а такой пример не может не увлечь. Учился в школе я хорошо, но после десятого класса пошел... в кочегары. Все удивились: неужели отец, депутат Верховного Совета, кавалер двух орденов Ленина, не мог избавить сына от грязной работы? А отец был на моей стороне, и мать не возражала... В общем, трудился я год на паровозе, стал помощником машиниста, потом изучил тепловозы, электровозы, сам вот вожу составы...

Сейчас Таланников-младший, наверное, так же популярен в депо Москва-Сортировочная, как некогда был популярен здесь его отец. Владимир — машинист первого класса, передовик в социалистическом соревновании. На его счету в прошлом году было свыше двадцати тысяч киловатт-часов сэкономленной электроэнергии. Это очень весомый вклад в успех его комсомольско-молодежной колонны имени XXII съезда партии, которая только в 1973 году пять раз занимала первое место в социалистическом соревновании. И когда мы заговорили с Владимиром о том, какой отклик в коллективе депо нашло Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, народу, машинист нашел самые нужные слова:

— У нас в депо каждый говорит, что документ этот будто бы обращен непосредственно к нему. В самом деле, все, что у нас есть сегодня и чего мы добьемся завтра, зависит от нас самих. Наша локомотивная бригада — мой помощник и я — взяла на 1974 год высокий встречный план. Думаю, что именно к таким ответам и призывает нас Обращение. И, знаете, как ведь получается,— улыбнулся Таланников,— высокие обязательства взяли у нас в депо многие, но для меня напряженный план был делом особой, фамильной чести. Почему? Иначе мне просто нельзя. Никто в депо не работает дольше Таланниковых... Ровно сто лет назад мой дед стал работать медником в только что открытом депо, потом его сменил отец, теперь вот я.

Б. СМИРНОВ

В торжественном открытии выставки «Советская социалистическая Сибирь» приняли участие: советская делегация во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцевым, принц и принцесса Мокаса, видные общественные и политические деятели Японии.

«СИБИРЬ В ТОКИО»

Вадим КАССИС

В канун Нового года в Токио состоялось открытие большой выставки «Советская социалистическая Сибирь». В этом событии приняла участие прибывшая в Японию советская делегация во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцевым.

Выступая на церемонии открытия, глава советской делегации М. С. Соломенцев выразил надежду, что эта выставка послужит углублению взаимопонимания и сотрудничества между СССР и Японией, дальнейшему развитию экономических, культурных и других связей. М. С. Соломенцев зачитал приветствие Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, в котором подчеркивается, что выставка позволит на примере Сибири ознакомиться с достижениями социалистического и коммунистического строительства в нашей стране. Она продемонстрирует возможности, которые имеются у СССР и Японии в деле взаимовыгодного экономического сотрудничества.

По случаю открытия выставки приветственное послание направил премьер-министр Японии К. Танака. В нем указывается, что Япония и Советский Союз не только близкие соседи, но и такие страны, экономика которых взаимно дополняет друг друга. Во время моей недавней поездки в СССР, отмечается далее в послании К. Танаки, в ходе переговоров с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным была достигнута договоренность о форсировании японо-советского экономического сотрудничества. Премьер-министр пожелал выставке успехов.

Эта выставка задумывалась ее устроителями — инициатором выступила Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами — для того, чтобы рассказать японцам об огромных преобразовательных процессах, происходящих в Советской Сибири. Открытию предшествовала кропотливая работа по отбору экспонатов, сооружению и оформлению главного павильона. Интересные беседы провела с читателями газета «Майнити». «Сибирь в Токио! Как это интересно и необычно,— пишет газета.— Какой огромный размах! Только по площади сибирские просторы в 35 раз превосходят японский архипелаг».

Выставка имеет несколько разделов. Она позволяет увидеть не только то, что делается в Сибири сегодня, но и заглянуть в завтрашний день, познакомиться с подземными кладовыми полезных ископаемых, увидеть природу, быт, культуру, искусство народов, ее населяющих, и, наконец, некоторые страницы развития советско-японских отношений. С большим интересом посетители знакомятся с удивительной историей двух японцев. Это произошло в начале XVIII века. Торговый корабль попал в шторм и погиб вместе с командой. Спаслись двое: купец Соза и десятилетний парнишка, сын корабельного штурмана Гонза. Прошло несколько лет, и в 1733 году губернатор Сибири отправил Созу и Гонзу в Петербург. До них в российской столице японцев никогда не бывало. Познакомиться с необычными гостями выразила пожелание сама императрица Анна Иоанновна. Она же поручила своим верноподданным «проявлять о них заботу». Вскоре японцы приняли крещение: Созу нарекли Кузьмой, а Гонзу — Демьяном. Демьян два года учился в гимназии русскому языку, а когда 25 мая 1736 года при Академии наук открылась школа японского языка, Кузьма и Демьян стали в ней первыми преподавателями. Демьяну-Гонзе принадлежит и первый русско-японский словарь, который недавно переиздан в Японии.

Немалый интерес вызывает в павильоне «текущая» Ангара, «живой» Байкал и, конечно же, чучело мамонта, найденного в сибирской тайге. Торговая фирма Ямагути выпустила в продажу игрушку — копию этого гиганта. Она называется «Мамонт Иванович» и пользуется огромной популярностью у ребятишек.

Двери выставки широко распахнулись перед посетителями. Среди них школьники, рабочие, машиностроители, железнодорожники Токио. Экспозиция рассчитана на длительный период — до начала мая. Срок достаточный, чтобы с ней успели познакомиться тысячи и тысячи жителей столицы и ее гости.

Токио — Москва.

ШВИТУРИС — ЭТО МАЯК

Говорят: по силе крыльев и полет. Любимый литовцами «Швитурис» вот уже четверть века в полете: он родился в январе 1949 года, этот общественно-политический и литературно-художественный журнал.

Крылья у журнала оказались крепкими, надежными: с высоты своих идейных позиций он охватывает всю панораму жизни Советской Литвы, обращается ко всем сферам деятельности ее народа. В журнале выступают видные партийные и общественные деятели, рабочие, колхозники, ученые, писатели и поэты публикуют здесь свои новые произведения. Многих известных ныне литераторов вырастил этот журнал. Вместе со всей печатью республики «Швитурис» помогает партии в деле коммунистического воспитания трудящихся, мобилизует их на творческие свершения. Он стал одним из самых популярных в Литве журналов — журналом для всех. На его страницах широко освещается жизнь литовского народа — трудовые будни и отдых, народные традиции, развлечения.

Недавно, например, редакция организовала конкурс национальных блюд, она проводила дни ремесел — гончаров, кузнецов, ткачей, мастеров по обработке дерева...

За четверть века тираж «Швитуриса» — по-русски это означает «Маяк» — вырос с семи до ста десяти тысяч. Впечатляющая цифра для республики с населением в три миллиона человек.

«Огонек» желает своему собрату и впредь светить так же ярко, как и подобает светить каждому маяку, указывающему путь кораблям, идущим в большое плавание.

ЧТО ЗНАЧИТ

Юрий СИНЯКОВ

На страницах газет и журналов вы наверняка встречали такие названия — «Интерметалл», «Интерподшипник», «Интерхим», «Интератоминструмент».

Как работают международные организации социалистических стран? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте совершим путешествие по маршруту Будапешт — Галле (ГДР) — Варшава...

СТАЛЬНАЯ БИРЖА

— Директор бюро, доктор Георг Зюптитц, уехал на родину, в ГДР,— ответили мне по телефону.— Вас примет его заместитель товарищ Франтишек Хоудек из Чехословакии.

Пять минут в будапештском трамвае — и вот я у трехэтажного особняка. Вывеска на двух языках — венгерском и русском: «Интерметалл».

— Еще неделю назад директор бюро был в Будапеште,— говорит товарищ Хоудек,— но едва ли вы смогли бы увидеться. Здесь, в штаб-квартире «Интерметалла», проходила традиционная «стальная биржа», другими словами, совещания по взаимным поставкам. Каждые три месяца сюда съезжаются представители фирм, заводов, министерств, внешнеторговых объединений из шести стран — членов нашей организации — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР и Чехословакии. В работе организации участвуют представители югославских металлургических заводов и румынского «Металлоимпорта». Торговля между социалистическими странами, в том числе и торговля металлами, ведется на основе долгосрочных договоров. А если в той или иной стране внезапно появились новые экспортные или импортные возможности, на помощь приходит «Интерметалл».

Чтобы провести «стальную биржу», нужна обширная информация. Прежде всего бюро выясняет: каковы излишки металлопродукции в одних странах, каков дефицит в других? Наконец все вопросы решены, разосланы приглашения. На несколько дней служебные кабинеты штаб-квартиры «Интерметалла» становятся местом дискуссий и переговоров.

И вот результаты. Франтишек Хоудек протягивает мне солидный по размерам документ — «Протокол по взаимным поставкам». Он ляжет в основу двусторонних договоров между странами — членами «Интерметалла».

Наугад открываю страницу протокола. Читаю заголовок: «Двусторонние переговоры между делегациями ГДР и ПНР». Дальше цифры: в обмен на 13 видов металлопродукции, изготовленной в ГДР, Польша представит 16 типов изделий из стали.

Новая страница — новые партнеры. Здесь результаты переговоров между СССР и Чехословакией. Затем — рассказ о встрече делегаций Венгрии и Болгарии.

Проведение бирж — одна из задач бюро — постоянного исполнительного органа «Интерметалла». В трех его отделах — техническом, экономическом, по кооперации и производству — работают специалисты из всех государств-участников.

— На примере Венгрии я хотел бы показать, как решается проблема развития черной металлургии в малых странах,— говорит Франтишек Хоудек.— Прогнозы показывают: через двадцать лет ежегодная потребность ВНР в стали составит примерно 7 миллионов тонн. К тому времени сталелитейные заводы смогут дать лишь 4 миллиона тонн. Республике будет недоставать 3 миллиона. Предприятие такой мощности сейчас строить невыгодно. Где же выход?

Он записан в Комплексной программе социалистической экономической интеграции: совместное строительство заинтересованными странами — членами СЭВ крупного металлургического завода в СССР.

Идея совместного строительства комбината на базе железорудных месторождений Курской магнитной аномалии впервые родилась в «Интерметалле». Об этом мне с гордостью говорили его сотрудники. Предприятие намечено оборудовать по последнему слову техники: мощные доменные печи, конверторы, установки для непрерывной разливки стали.

Еще одно предложение, разработанное в «Интерметалле», предусматривает создание объединенными усилиями Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши завода по производству высококачественного трансформаторного листа. Его, вероятно, построят в Польше.

Некий западный журналист сравнил «Интерметалл» с «железным занавесом» — им, мол, «восточный блок» отгораживается от контактов с капиталистическим миром. Вздорность подобного высказывания очевидна. Ни о каком сокращении внешнеторговых связей стран СЭВ с капиталистическими государствами не шла речь в «Интерметалле». Иное дело — совместная закупка металлургических изделий на капиталистическом рынке. Чем она была вызвана?

На капиталистическом рынке, и в частности на рынке черных металлов, сейчас создаются картели по сбыту. Их цель — обеспечить стабильно высокие цены и решить за счет потребителей трудности, связанные с перепроизводством. В ответ на это внешнеторговые организации социалистических стран решили проводить совместные закупки таких дефицитных изделий, как, например, белая жесть, трансформаторная лента и лист. Ежегодно на их импорт страны «Интерметалла» расходовали около 30 миллионов долларов. Выступая на рынке сообща, социалистические государства закупают сразу большое количество изделий. Таким образом они добиваются снижения оптовых цен и избегают доплаты за малотоннажные партии. В итоге — экономия средств. Пятьшесть долларов на каждой закупленной тонне, а ведь речь идет о тысячетонных закупках.

В официальном отчете о деятельности «Интерметалла» я прочел такие строки: «Учитывая эффективность первых шагов «Интерметалла» в организации совместных действий, следует более широко проводить аналогичные операции».

ЗАБОТЫ «МАЛОЙ ХИМИИ»

В центральной части города Галле, на площади имени Эрнста Тельмана, высится монумент: из каменной глыбы вздымаются вверх руки в знаменитом приветствии немецких революционеров: «Рот Фронт!» На граните высечены даты. Они отмечают памятные страницы в истории немецкого рабочего движения.

Вокруг памятника — современные здания. В одном из них расположена штаб-квартира «Интерхима» — международной организации по сотрудничеству в области малотоннажной химии. «Интерхим» основан в 1969 году Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Советским Союзом и Чехословакией. Позже членом объединения стала Румыния.

Что такое малотоннажная химия? Это и средства защиты растений, и синтетические красители, и вспомогательные вещества для текстильной, кожевенной, бумажной промышленности. Без нужной, хотя и малой дозы этих продуктов нельзя достичь высокого качества изделий: ткань не приобретет яркую расцветку, кожа не будет добротной, а резина — долговечной.

Потребность в таких продуктах обычно небольшая, и поэтому невыгодно отдельным государствам создавать крупные заводы. «Интерхим» и объединяет «малую химию» семи социалистических стран.

— С помощью электронно-вычислительных машин из Советского Союза и ГДР составили единый баланс необходимых производственных мощностей для выпуска изделий «малой химии»,— рассказывает Карл Шпургат. (Четверть века назад он начал свой трудовой путь рабочим на химическом заводе, а ныне возглавляет международную организацию).— На основе его «Интерхим» решает, какие виды продукции будет выпускать та или иная страна, где построить новые заводы, как рационально использовать уже действующие.

Другая цель организации — научно-техническое сотрудничество. «Интерхим» налаживает обмен научно-технической информацией, изучает мировые достижения. По договорам, заключенным с «Интерхимом», крупнейшие институты социалистических стран проводят исследования в области «малой химии». Учреждения стран-членов могут заказать в «Интерхиме» на договорных началах разработку тех или иных проблем.

Изучение конъюнктуры мирового рынка, подготовка предложений по закупке и продаже лицензий в третьих странах — это также задачи объединения. «Интерхиму» может быть поручено выполнение коммерческих функций: от имени семи стран он имеет право купить или продать отдельные виды продукции.

Пока «Интерхим» существует на средства стран-участников. Предусмотрен постепенный переход к оплате услуг, выполненных «Интерхимом» по заказам министерств, ведомств, предприятий, институтов. В дальнейшем «Интерхим» станет хозрасчетной международной организацией.

Немецкий город Галле, расположенный в 20 километрах от Лейпцига, избран столицей «Интерхима». В округе Галле находятся известные далеко за пределами ГДР предприятия: химический комбинат имени Вальтера Ульбрихта, электрохимический комбинат «Биттерфельд», завод синтетического каучука «Буна». Их цехи стали как бы опытной лабораторией социалистической экономической интеграции

СЛУЖБА МИРНОГО АТОМА

Центральная магистраль Варшавы — улица Маршалковская. Рядом — высокое серое здание. Это этажи «Интератоминструмента», штаб-квартиры международного научно-производственного объединения, созданного в 1972 году Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Советским Союзом и Чехословакией. В него вошли 11 хозрасчетных организаций и предприятий шести стран, занятых производством средств ядерной техники.

В чем главная особенность новой организации?

Создавая приборы и устройства атомной техники, «Интератоминструмент» занимается также и научно-технической и торговой деятельностью. Впервые в рамки одного международного объединения входит полный цикл производства. Переход к таким формам сотрудничества — более высокая ступень социалистической интеграции. В эпоху научно-технической революции преимущества международного социалистического разделения труда могут быть наиболее полно использованы в научно-производственных объединениях, подчеркивается в Комплексной программе.

Не случайно, что такое объединение возникло прежде всего в области ядерного приборостроения — одной из наиболее динамичных отраслей современной индустрии. Ядерное приборостроение тесно связано с развитием атомной энергетики, а ей, как известно, в странах СЭВ уделяется очень большое внимание.

— Ныне трудно отыскать отрасль, где бы не применялся мирный атом,— говорит главный директор объединения З. Твардонь.— В промышленности Польши, например, действует сейчас десять тысяч изотопных установок. Подсчитано: их использование экономит республике ежегодно более миллиарда злотых.

Чтобы шире применять мирный атом, требуется наладить целую отрасль — атомное машиностроение и приборостроение. Можно считать, что «Интератоминструмент» и есть начало создания совместными усилиями такой отрасли.

— Наша задача,— подчеркивает директор,— обеспечить промышленность братских стран приборами, которые содействуют научно-техническому прогрессу и отвечают мировому уровню.

С этой целью мы разрабатываем новые приборы и устройства, делаем прогнозы развития техники мирного атома. Примечательная черта «ИАИ»: объединение строит свою деятельность на принципах хозяйственного расчета. Переход на полную самоокупаемость предполагается осуществить в течение трех лет. В дальнейшем «Интератоминструмент» будет развиваться за счет собственной прибыли.

* * *

«Интерметалл», «Интерхим», «Интератоминструмент». В разных городах и странах действуют они. В разных отраслях индустрии созданы, по-разному управляются. Но есть в их названии общее — «интернационализм». Выражением этого главного принципа идеологии рабочего класса и является деятельность международных организаций стран социалистического содружества.

ГРАНИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Сергей ЛОСЕВ

Независимо от колебаний температуры нынешняя зима будет в Соединенных Штатах, Западной Европе и Японии долгой и холодной. Давно назревавший энергетический кризис, ускоренный октябрьской войной на Ближнем Востоке, где сосредоточено примерно две трети разведанных мировых запасов нефти, стал реальностью и угрожает жесточайшими потрясениями экономике капиталистического мира.

Согласно прогнозам американской прессы, если эмбарго на поставки арабской нефти США не будет снято в ближайшее время, то к середине года безработица в стране удвоится, а валовой национальный продукт упадет на десятки миллиардов долларов.

Американцы уже воспринимают как само собой разумеющееся погасшие огни неоновых реклам и неосвещенную лужайку перед Белым домом, плохое отопление жилья и оффисов, сокращение деловых и семейных поездок на автомашинах и последний «крик моды» — переход вашингтонского чиновничества с белых сорочек на теплые свитеры. Однако речь идет о более серьезных лишениях: свертывание производства на автомобильных заводах «Форда» и «Дженерал моторс», в химической, пластмассовой, алюминиевой и других отраслях промышленности.

Англия из-за нехватки топлива вынуждена перейти на принудительную трехдневную рабочую неделю и, если верить рождественскому посланию премьер-министра Э. Хита, переживает самые трудные времена с момента окончания второй мировой войны.

Органы буржуазной пропаганды стремятся настроить мировое общественное мнение против арабских государств, возложить на них ответственность за невзгоды, переживаемые населением. Раздаются авантюристические призывы к «энергичным контрмерам», включая оккупацию арабских нефтепромыслов вооруженными силами. Эти призывы исходят от тех империалистических кругов в США, которые на протяжении десятилетий применяли экономический шантаж, блокаду и махинации с ценами на рынках сырья и промышленного оборудования как орудие беспардонного вмешательства во внутренние дела других стран. Прекращение поставок американского зерна и продовольствия Египту в 1957 году, экономические санкции США против Чили, подготовившие почву для свержения правительства Народного единства военно-фашистской кликой, попытки закрепить дискриминацию в торговле с СССР, непрекращающаяся экономическая блокада Кубы Соединенными Штатами — наглядные тому примеры. «Если США проводят политику отказа от торговли с Кубой,— резонно замечает американский обозреватель Джеймс Рестон,— то как мы, американцы, сможем убедить арабов в том, что неправильно вводить эмбарго на продажу нефти США, чьи поставки оружия в Израиль считаются враждебными интересам арабов?»

Сионистское лобби, действуя через подставных лиц в конгрессе, злонамеренно обвиняет в возникновении энергетического кризиса... Советский Союз (?!). Сенатор Швейкер даже успел внести законопроект, призывающий правительство США прекратить всякую торговлю с нашей страной, поскольку-де «Кремль подстрекал своих арабских союзников» на применение нефтяного эмбарго против тех государств, которые поддерживают нынешнюю политику израильского правительства. Враги улучшения советско-американских отношений выдвигают эти вздорные утверждения, превосходно зная, что самым активным участником, если не инициатором запрета на поставки нефти США и Голландии является Саудовская Аравия. С ней СССР не имеет и дипломатических отношений, в то время как США сохраняют теснейшие связи в экономической, политической и военной областях. Что сказали бы сенатор Швейкер и ему подобные, если бы европейские страны «Общего рынка» и Япония, которые страдают от сокращения поставок арабской нефти гораздо больше, чем США, обвинили Вашингтон в организации нынешних комбинаций с нефтью?

Истины ради следует отметить, что октябрьский вооруженный конфликт не был первопричиной энергетического кризиса, он лишь обострил его. Главной же причиной является длительная хищническая неоколониалистская эксплуатация нефтяных ресурсов империалистическими монополиями, пагубные последствия которой стали очевидны теперь, когда спрос на горючее растет неимоверно и существенно превышает предложение. Развитие атомной энергетики, восстановление роли угля в топливном балансе, проекты разработки нефтяных месторождений континентального шельфа не меняют того факта, что в обозримом будущем Ближний Восток останется главным поставщиком такого ценного сырья, как нефть. Арабские страны, естественно, не желают мириться с тем, чтобы нефть — их основное национальное богатство — служила и впредь источником баснословных прибылей западных монополий. В условиях международного валютно-финансового кризиса арабов не привлекает и дальнейший рост валютных резервов за счет поступлений от нефти, учитывая, что из-за девальвации доллара, английского фунта и других западных валют арабские вклады в западных банках за последние два года обесценились на 500—800 миллионов долларов.

Однако нынешняя острота энергетического кризиса может быть снята. Непосредственная цель применения Арабским Востоком «нефтяного оружия» заключается в том, чтобы добиться вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и восстановления законных прав арабского народа Палестины.

«Бороться за повышение эффективности производства — значит быстрее вводить и осваивать проектные мощности новых производств, повышать их фондоотдачу».

Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.

НАЧАЛО

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

К телефону долго никто не подходил. Наконец тоненькие, слабые гудки прекратились, кто-то взял трубку и, узнав, что мы собираемся выехать, далеким, будто с другой планеты голосом, заспешил отговорить: «Не советую. Буран у нас. За окном ничего не видно. Опасно». И все же мы поехали.

Все было как у Пушкина: «В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло... Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным»... И мы не могли за стеклом автомашины ничего различить, «кроме мутного кружения метели». Дорога наша пролегала по левому берегу древнего Яика, в Дедурово, что километрах в двадцати пяти от Оренбурга. Автострада, заметенная поземкой, то пропадала вовсе, то обозначалась еле уловимым пунктиром. Однако мы добрались счастливо, хотя и, усердно борясь с юзом, продвигались черепашьей скоростью.

В поредевшей белыни будто кто-то сдвинул невидимой рукой непроницаемое покрывало,— вдруг засветился в Дедурове оранжевый шар — факел оренбургского газа. Первый факел нового газового района.

Оренбургский газ... Веками славилось Оренбуржье пшеницей, известной высоким содержанием клейковины и стекловидностью зерна. В советское время в пейзаж степного края вписались домны и буровые. И вот уже в совсем недавние дни геологи открыли миру еще одно сокровище оренбургской земли. 6 ноября 1966 года выдала мощную струю газа скважина № 13. Ажурно-серебристая модель ее стала достоянием краеведческого музея. Сегодня на месте разведочных скважин встали эксплуатационные — десятки алых крестовин с задвижками обнесены аккуратными решетками, газ пошел на сборные пункты Дедуровского промысла.

Запасы газа оказались богатейшими. Семь лет назад они определялись довольно скромной цифрой — 650 миллиардов кубических метров, но и тогда они превышали мощность знаменитого Газлинского месторождения в Средней Азии. Мне радостно было узнать, что эти сведения, вошедшие в последнее издание Большой Советской Энциклопедии, уже устарели. Работа разведчиков недр внесла весьма существенную поправку: не 650 миллиардов, а в два с половиной раза больше — 1 триллион 660 миллиардов кубов, — хватит по крайней мере на полвека. «Это, вероятно, все?» — переспрашивала я главного геолога по газу Оренбургского территориального управления Андрея Артемьевича Воробьева.— «Отнюдь,— отвечал он.— Начало. Доразведка и уточнение могут прибавить еще один триллион. Теперь мы идем вглубь. Дело в том, что под основной залежью, так называемым Оренбургским валом, протянувшимся на сто километров вдоль реки Урал, расположена другая, не менее перспективная. Для эксплуатации это очень удобно».

Менее чем за десятилетие Оренбургская область выдвинулась на одно из ведущих мест среди всех газоносных районов страны. Новое месторождение уступает фантастическим богатствам Уренгоя, использование которых еще не началось. А если учесть его уникальность — у этого газа много спутников, и в их числе жидкие фракции,— то нетрудно постичь значение оренбургского газоконденсата в наши дни.

Оренбургский газ... Он напомнил мне химический букет, созданный природой, на незаглядных тайниках земли, в карбонатных отложениях. И стоило лишь прикоснуться к нему руке человека, как он раскрылся во всей своей пышности и буйной неукротимости.

Обычно природный газ встречается в месторождениях сам по себе в более или менее «чистом» виде. Оренбургский газ особенный — рождается в пестрой компании спутников с разными характерами. Рядом с хорошо знакомым метаном, — это он горит голубым огоньком в наших кухнях, — другие газы. Рядом с конденсатом, ценным сырьем для моторных топлив и химической промышленности, удушающе-ядовитый агрессивный сероводород, причем в большом количестве. В таком своеобразии неповторимость оренбургского месторождения, его отличие от Елшанки и Дашавы, эксплуатация которых началась вскоре после окончания Великой Отечественной войны, Ставрополя, Шебелинки, Бухары... Опыта обращения с подобным «букетом» в нашей стране не было, и первая же попытка взять его закончилась не совсем удачно.

В 1971 году неочищенный газ был подан с Дедуровского промысла на Заинскую ГРЭС под Набережными Челнами. Очень скоро пятисоткилометровый газопровод начал выходить из строя. Разрывы, трещины по швам. Сероводород разрушал сварные стыки. Широкая стальная труба — диаметр ее 1 020 миллиметров — оказалась беспомощной в единоборстве со столь агрессивной средой. Трубу «подштопали», и газопровод переключили на другой промысел, где газ не содержит сероводорода.

Этот эпизод, беспрецедентный в отечественной практике сооружения дальних магистралей, показал: оренбургский газ требует совершенно иного инженерно-технического подхода.

Прежде всего встала проблема — как транспортировать газ с промысла на завод для очистки и полного извлечения всех компонентов, каждый из которых, в том числе и сероводород, представляет огромную ценность для народного хозяйства. Дедуровский промысел расположен в Азии, на левом берегу Урала; завод — в Европе, на правом берегу Урала примерно в сорока километрах, в Каргале. Какими должны быть трубы? Из какой стали? Где их взять? Снова поиски и расчеты, к сожалению, запоздалые. Ничто не может возместить потерю упущенного времени, вложенного труда, затраченных средств. Справедливости ради уместно сказать, что поиски следовало бы вести, предусмотрев возможные последствия, заблаговременно.

Проектанты обратились к зарубежному опыту. Во Франции, в предгорьях Пиренеев, имеется Лакское месторождение газа с высоким содержанием сероводорода. Французские фирмы, с которыми уже был заключен договор на поставку оборудования для оренбурского газоперерабатывающего комплекса, охотно пошли навстречу: согласились поставить трубы нужного нам большого диаметра. Нигде в мире не применяются такие трубы для сероводородного газа.

Казалось бы, проблема исчерпала себя. На самом деле ОНА ТОЛЬКО НАЧИНАЛАСЬ. На примере решения этой одной проблемы видно, какие неожиданные трудности и осложнения подстерегали строителей и монтажников, шедших непроторенной дорогой, и какие потребовались усилия, чтобы их преодолеть. К чести их будет сказано: подобных проблем Оренбургское газоконденсатное месторождение поставило немало. Тут все внове. Что ни шаг, то не повторение пройденного, а прыжок в неизведанное, и люди смело шли навстречу новому.

Невелика трасса Дедурово — Каргала. Всего лишь несколько десятков километров. Три нитки по сорок. Но эти три коротких нитки равноценны иным тысячам километров. Об этом рассказывали мне партийные работники, монтажники, руководители управлений, и постепенно, строчка за строчкой, будто на линотипе, заполнялась одна из самых драматических по своей напряженности страниц истории рождения оренбургского комплекса. Нет, не только оренбургского, а новая страница газодобывающей и газоперерабатывающей индустрии нашей страны.

Воспроизвожу только самое главное.

В. Н. БЕЛОВ, начальник техотдела «Главнефтегазспецстроя»:

— ВНИИ по строительству магистральных трубопроводов и ВНИИГАЗ на основании кропотливых и долгих исследований разработали методику и новые ужесточенные технические условия на сооружение газопровода. На это ушло более года. Слишком долго!

Ф. П. ПОЛИЩУК, секретарь Оренбургского горкома партии:

— Из Франции трубы пришли такими, как выпускают их фирмы,— необработанные термически. В области нет ни одного трубопроизводящего предприятия. Где обрабатывают их? Как?

Этими вопросами занимался областной комитет партии, секретарь обкома Алексей Михайлович Воронов. Решили поручить ответственную операцию металлургам Орско-Халиловского комбината. Работа эта не предусматривалась никакими планами, и надо было видеть, как металлурги горячо взялись за нее. Трудностей было много — труба теряла свою круг-

Р. Нурмухаметов (Уфа). БУРМАСТЕР ПАЛИЛОВ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

Ю. Анохин (Москва). РУССКАЯ ЗИМА.

Художественная выставка «По родной стране».

лую форму. Директор Юрий Антонович Седач и начальник сортопрокатного цеха Олег Леонтьевич Гурфинкель решали эти проблемы. В результате был создан основательный задел труб для газовиков.

В. В. ЖИВУШКИН, заместитель начальника СУ № 5:

— К нам трубы из Новотроицка, с металлургического комбината, стали поступать в начале августа прошлого года. Никто не умел их сваривать по новой, только что разработанной инструкции. Поручили это бригаде Лукьянова. Василий Константинович из Надыма тогда прилетел. Вообще народ у нас квалифицированнейший. Из Башкирии и Татарии, даже из Тюменской области асы этого дела собрались. С первой экспериментальной плетью возились целую неделю. Рядом на полях комбайны хлеб убирали, у земледельцев была страда, и у нас — своя страда.

В. К. ЛУКЬЯНОВ, бригадир монтажников:

— Двадцать с лишним лет работаю на сварке трубопроводов: какие только трубы не варил — для нефти, газа, химии разной. Но с такими требованиями, как здесь, столкнулся впервые. Тут шов должен быть ровным и плотным, чтоб и комар носа не подточил. Попадет росинка при дожде, пыль — надо переделывать. Или трещинка махонькая, ее и глазом не увидишь, игла бисерная войти может только — ну, что от этого будет? Нефть пройдет, обычный газ пройдет, а сероводород уцепится — развалит всю трубу. Контролеры не пропустят дырочку. Сами они, конечно, не заметят. Приборы есть у них гамма-лучевые и дефектоскопы, с каждого стыка делается круговой снимок, все равно как легкие просвечиваются. Подчеркните себе — с каждого шва, а не выборочно, чтоб не вышло ни одной промашки. Стопроцентный контроль! В общем, нянчимся с этими трубами, как с малым ребенком.

Я спросила Василия Константиновича, где его дом, большая ли у него семья.

— В Альметьевске,— отвечал Лукьянов,— отдельная квартира. Жена — инженер, работает в управлении, дочь в десятом классе учится, сын в техникуме. Где живу тут? В общежитии, полтора года уже. На праздники к своим домой ездил. По дому стосковался, конечно. Но раз надо — так надо! Потерпим.

М. Г. САБИРОВ, управляющий трестом «Востокмонтажгаз»:

— Говорили вам что-нибудь о термистах? Нет? Оператор-термист — совершенно новая профессия в Советском Союзе. На сооружении газовых и нефтяных магистралей ее никогда не было. Родилась эта профессия здесь, на промыслах оренбургского газа, и ей всего четыре месяца. Сварить трубу — полдела, а по времени, вероятно, не больше четверти. После сварки каждый стык, каждый самый малый шов необходимо термически обработать в полевых условиях, на трассе, в дождь, в снег — в любую погоду. Тяжело у нас это внедрялось. Опыта — ноль, учиться не у кого. Техника далеко не идеальная. Ведь для термической обработки нужна электрическая печь, а значит, и электростанция. Маленькая подвижная ГРЭС. А для нее нужно дизельное топливо. Попробуйте все это доставить в распутицу! 18 октября, очень хорошо помню этот ненастный день, поднялся буран. Раньше снег повалил, прямо как в пушкинские времена, природа тут, можно сказать, не изменилась, а потом снег с дождем. Нельзя было выбраться на трассу. Работали сутками. Герои наши люди! Потом учтите, на термообработку одного стыка затрачивается шесть часов — почти целая смена. Такими темпами нам работать нельзя, термисты держат всю стройку! Ученым надо придумать что-то для нас более эффективное. Сравните: газопровод Оренбург — Куйбышев 378 километров длиной построили за два с лишним месяца, строители укладывали в день по шесть-семь километров труб. А мы шесть часов один стык обрабатываем. И все же был у нас праздник вскоре после того бурана, о котором я говорил. 27 октября в 17 часов был подан газ к заводу. Лучшим передовикам комплекса и стройки было доверено зажечь его. Первый факел в Каргале!

Нелегко, непросто — дорогой ценой зажигаются факелы на стройке. Непогожий, пуржистый день, в который мы добирались на промыслы, невольно навеявший нам сцены из «Капитанской дочки», дал наглядное представление о том, в какой обстановке живут и трудятся те, кто усмиряет оренбургский газ. Провисли, потяжелели от инея линии электропередач, застыли под белыми шапками, будто вздремнули автобусы в ожидании людей возле конторы. А вдалеке, на белой целине, рассеченной траншеей, упруго бились слепящие вспышки. Наш «газик» двинулся по следу, недавно проложенному трубоукладчиком. Он привел к вагончикам. Молоденький оператор, не старше двадцати лет, разбросал снег, и тогда мы увидели на черном корпусе трубы тугую белую повязку, будто это была вовсе не труба, а поврежденная, забинтованная нога. От повязки к домику протянулось множество разноцветных проводов. Так укутывается слоем асбестовых утеплителей электропечь, горячим, в 600 градусов, кольцом охватывающая стык. Работа продолжалась.

Начав знакомство с газоперерабатывающим комплексом с его истоков — скважин и пунктов сборов газа, мы завершили его в устье, в Каргале, где сооружается завод по переработке газа и конденсата. Расположен завод в трех десятках километров от Оренбурга, неподалеку от железнодорожной станции. Место для него выбрано не случайно. Было бы удобнее построить ближе к промыслам или непосредственно там же. Но в Дедурове — тучные черноземы. В Оренбуржье они измеряются не столько гектарами, сколько центнерами великолепной пшеницы. В Каргале же земля беднее, поэтому и решили строить там завод.

Ю. Ф. Вышеславцев, начальник объединения «Оренбурггазпром», который руководит всем огромным, разбросанным на десятки километров комплексом, предложил подвезти нас на завод. В пути похода давал комментарии: «Этот путепровод построили недавно, он спрямил и укоротил дорогу на завод. Открыли перед октябрьскими праздниками»... «Автомагистраль, видите, на бетонном основании. Хоть самолеты принимай. Кстати, аэропорт у нас такой, что садятся машины только в хорошую, тихую погоду, но будет расширен. Газ помог, ускорил»... «Из Черноречья, оно слева от нас, проложили к заводской ТЭЦ водовод. Все тут пушкинские места. Черноречье рядом с Белогорской крепостью, как утверждают историографы, поэт переименовал Татищево в Белогорье. С водой у нас в степи очень плохо. Нет воды. Пришлось бурить у реки глубокие скважины». «Поселок «Холодные Ключи». Тут мы много корпусов построили. Здесь живут строители, монтажники, рабочие. У нас несколько поселков уже возникло. В Степном живет тридцать тысяч человек. Будет восемьдесят тысяч. Поселки приросли к городу. Дома пятиэтажные, в дальнейшем будут девяти- и двенадцатиэтажные. Старинный, приземистый Оренбург изменит свой силуэт»...

— Как же добираются люди на работу?

— Автобусами. Рабочими поездами. Сотни автобусов обслуживают стройку. Потом будет электричка.

Завод прочертился справа от шоссе. Три тонкие иглы, вырвавшись из снега, подперли белый, такой же, как снег, облачный небосвод. Тем контрастнее на однообразном, бесцветном фоне ярко-оранжевые, космические (точь-в-точь цвета костюмов первых космонавтов, которые демонстрируются на ВДНХ) емкости. Серебристые башни ночью в гирляндах огней выглядят особенно эффектно, напоминают гигантские светильники. И трубы, трубы, трубы... голубые, белые, серебристые.

Понять, что происходит во всех аппаратах и установках, так же сложно, как и разобраться в устройстве современной электронно-вычислительной машины второго или третьего поколения. Химия — а все процессы, протекающие в этих аппаратах, подчинены ее законам — владычица чудесных превращений, большей частью невидимых для глаз. Простейшая схема работы завода выглядит так: три главных цеха. В первом происходит очистка и осушка газа; во втором — очистка и стабилизация конденсата, точнее, газового бензина; в третьем — получение серы из сероводорода. Причем какой серы! Элементарной, очень высокого качества, лишенной всяких примесей, — словом, чище самородной. Из цеха по эстакаде она будет подаваться прямо в вагоны. Ну, а на что идет сера — общеизвестно: на получение прежде всего главного продукта химической промышленности — серной кислоты (а это минеральные удобрения), вулканизации каучука, изготовления спичек, многих лекарств и т. д. Вот на что употребится зловредный сероводород, причинивший столько неприятностей и хлопот промысловикам и строителям газопроводов.

Экономический эффект производства будет очень высок. Подсчитано, что завод за первые полтора-два года работы полностью окупит средства, пошедшие на его сооружение.

Проектом завода предусмотрено предельно автоматизировать все технологические процессы. Мы были на центральной операторной в момент ее полной готовности, ее называют здесь мозгом завода. В отдельном здании — огромный светлый зал со щитом и пультом управления, напомнивший нам диспетчерские пункты крупных энергетических систем. В придачу ему будут установлены электронно-вычислительные машины. Начальник цеха контрольно-измерительных приборов и автоматики Вячеслав Максимович Думинов молод. Воспитанник Московского института имени Губкина. Приехал из Салавата, работал на нефтехимическом комбинате. Из Салавата и Геннадий Степанович Чернов, начальник цеха по очистке газа, особо ответственного на заводе. Он тоже молод, ему всего тридцать три года. Только что вернулся из Франции. В составе группы специалистов — инженеров и операторов — был три месяца на стажировке на Лакском заводе.

— На французском заводе установки меньшей мощности, чем у нас, в два раза,— рассказывал мне Чернов.— Более благоприятны у них и условия: газ идет из земли горячим, у нас с очень низкой, минусовой температурой, что усложняет весь процесс. В трубе образуются снег, кристаллы льда, препятствующие выходу газа. В Лаке нам повезло. При нас происходил пуск и наладка оборудования после ремонта. Вот и мы сейчас пускаем первую очередь в Каргале. Заводы подобного типа никогда еще не вступали в строй зимой.

Пуск! Скоро пуск! Эти слова на устах каждого строителя и монтажника, заводчанина и промысловика. Им подчинено сейчас все: работа и жизнь людей, отодвинувших в эти дни свой отдых и личные планы.

Я очень хорошо помню позднее совещание, его не назовешь ни совещанием, ни заседанием в полном смысле этого слова. Скорее оперативный совет. Происходил он в сыром, недостроенном здании заводоуправления, к которому не были еще расчищены и подходы,— приходилось прыгать по доскам и грудам кирпича. На втором этаже, в единственной большой нетопленной, освещенной двумя громадными лампами на подвесном шнуре комнате, в которую подвели связь и даже линию междугородного телефона, собрались те, кто стоит у штурвала операции «пуск»: начальники многочисленных строительных управлений и трестов, руководители главков министерств, строящих комплекс, и работники завода. В торце длинного стола сидел Юрий Васильевич Зайцев, заместитель министра газовой промышленности СССР, человек, прошедший великолепную школу в Баку на нефтепромыслах. В чертах его молодого лица была усталость.

— Что у вас на завтра?— обращался он к сидящему за столом собеседнику и, выслушав, уточнял и дополнял, что надо сделать конкретно — пустить, например, насосную перекачки парового конденсата. Предупреждал, что поскорее надо подтянуть тылы — сооружение подземных коммуникаций, с ними и так невероятно застрял «Оренбургэнергострой»...

Потом вместе со строителями Зайцев прикидывал, сколько не хватает людей и каких профессий, главным образом термистов, сварщиков, отделочников, и думал, где их взять.

— Придется переходить на трехсменную работу,— заключил он.— Вы думаете, почему Орско-халиловская домна сдана была на сорок дней раньше срока? В том числе и потому, что работали там круглосуточно, в три смены.

...Было десять часов вечера, по московскому времени — восемь. До города, до гостиницы еще около часа езды. Попыталась воспользоваться случаем, чтобы при таком остром дефиците времени поговорить с заместителем министра. Но он и в машине вызывал по рации то диспетчеров, то промысловиков, распоряжался, с кем его соединить в Москве по приезде в гостиницу.

— Строек, подобных газоперерабатывающему комплексу, в нашей области еще не бы-

ло,— такую оценку комплексу дал член ЦК КПСС, первый секретарь Оренбургского обкома партии Герой Социалистического Труда Александр Власович КОВАЛЕНКО.— Создавался Гайский горно-обогатительный комбинат, бурно росла черная металлургия, нефтедобывающая промышленность, сейчас строится Киембаевский асбестовый комбинат — это уже по плану сотрудничества стран СЭВа. Но ни один из объектов не потребовал такой мобилизации ресурсов, как этот. Летом, в период «пик» строительно-монтажных работ, осваивалось до 800 тысяч рублей в день — почти что предпусковой уровень на сооружении такого гиганта, как Волжский автомобильный завод в Тольятти. Достигнут он был за очень короткий промежуток времени. За два года объем работы вырос в семь раз: если в 1971 году было освоено всего 8 миллионов рублей, то в 1973-м — 58 миллионов. Все зачиналось на пустом месте, в степи. Не было строительной базы и строительной организации. Нашим соседям — куйбышевцам и челябинцам — легче. Они располагают такими мощными, давно сложившимися традиционными коллективами, как «Магнитострой» и «Куйбышевгидрострой». В Оренбуржье одна из первых строительных организаций — трест «Оренбургэнергострой» — возникла как филиал куйбышевской. Мы создали свой трест «Оренбурггазстрой». К генподрядчикам подключилось много субподрядчиков от разных министерств. Начинали строить 800 человек, теперь на сооружении комплекса работает 20 тысяч, а в отдельные месяцы работало до 24 тысяч человек.

Областной комитет партии с первых же дней уделял стройке девятой пятилетки большое внимание. Два пленума обкома партии были посвящены специально освоению оренбургского газа. Создан партийный штаб. Он возглавил политическую и организационную работу. Сложился и хорошо проявил себя институт парторганизаторов и пропагандистов, посланных на все участки. Партийные организации осуществляют повседневный контроль над вопросами общественного питания, бытового обслуживания и жилья строителей.

Сегодня мы подходим к финишу. Начались пуско-наладочные работы на первой очереди газоперерабатывающего комплекса на 15 миллиардов кубических метров газа в год. Кроме того, завод даст около 400 тысяч тонн серы и свыше 700 тысяч тонн конденсата. Мы рассматриваем первую очередь комплекса, к пуску которой мы готовимся, как начало, первый этап в освоении месторождения. Вторая очередь комплекса будет такой же производительности. В дальнейшем намечается довести производство газа до 60 миллиардов кубических метров в год. Оренбургский завод не будет иметь себе равных в мире. Такой концентрации мощностей в одном месте, на одной газоконденсатной залежи еще не достигалось нигде.

Газ Оренбуржья пришел в Татарию, поступит в Куйбышев и будет подключен к системе Средняя Азия — Центр. Предполагается сооружение еще одного крупного газопровода — Оренбург — Александров Гай — Острогожск, Воронежской области. Изыскатели и проектировщики разрабатывают проект выхода газа через Харьков и Киев на трассу газовой магистрали «Братство». Таким образом, оренбургский газ займет видное место в топливном балансе страны.

Лариса ЛАТЫНИНА

Рисунки И. БЛИОХА.

Глава II

ТРАВА ПАМЯТИ

Ранним сентябрьским утром я вышла на балкон в нашем с Линой номере. Отель назывался «Вестфалия». Он примостился рядом с дворцом, в котором нам предстояло выступать. Дворец — Вестфаллен-халле. И, наверное, для того, чтобы ни у кого не оставалось ни малейших сомнений в том, где он находится, огромный парк неподалеку назывался Вестфаллен-парк. Да, мы жили в центре земли Северный Рейн — Вестфалия, в сердце Рура.

Не знаю, как назывался тот сад, деревья и кусты которого сейчас разбежались в утренней дымке справа от меня. Еще правее — большой стадион. В дни игр он гудел, как сопло гигантской ракеты. Сейчас только автобус из Дюссельдорфа тихонечко фыркал около трибун.

Я посмотрела на небо. Серебристые облака высоко над Дортмундом. Откуда пришли они? Из Бельгии, из Франции, а может быть, из знакомого Киля? Они висели над парком и садом и как будто рассматривали организованно отступающее европейское лето. На клумбе пылали гладиолусы, канны, белели астры. Вязы, яблони и орешник желтели чуть приметно.

Я спустилась на первый этаж. Какие-то ранние путешественники уже входили в отель. Дежурный портье встречал их дежурной улыбкой... По площадке, где стояли машины, медленно и важно, как знаменитость в окружении почитателей, двигался белый «опель-капитан». Перед чемпионатом отель интенсивно заселялся. Змейка машин ползла за «опелем».

Мы сегодня уедем. День проведем в Кёльне, посмотрим тренировку японцев. Поэтому я и поднялась так рано.

Ожидаемая когда-то размеренная жизнь не налаживалась в Дортмунде, но, пожалуй, в таком ритме дышалось легче.

Когда я вошла в ресторан, за первым столиком с флажком делегации СССР сидел только Гейнц Бюхнер. Наш переводчик встал и щелкнул каблуками. Это не очень-то вязалось с внешностью двадцатидвухлетнего, все время краснеющего рыжеватого студента. Но...

— Доброе утро, госпожа Латынина. Не правда ли, прекрасное утро?

— Доброе утро, Гейнц. Да, осени не чувствуется. Вы уже приехали? Рано же вы встаете.

— Да, я приехал,— подтвердил Гейнц.— Тот, кто рано встает, имеет весь день впереди.— Он посмотрел на меня и добавил: — Большой простор для различной деятельности. Не правда ли?

— Да, конечно,— согласилась я.

Он широко улыбнулся. Глаза его цвета спелого абрикоса излучали доброжелательность.

— Шеф вашей делегации господин Борисов вчера отправил меня домой рано. Он сказал: «Гейнц, у нас остаются не протокольные беседы и отнюдь не на немецком языке». И я уехал.

Я подумала, что мне совсем не обязательно знать это, но констатировала:

— Ему виднее.

— Как вы говорите? Да, понимаю. Хорошее выражение.

Он опять устремил на меня глаза, полные доброжелательности и стремления объяснить мне все как можно подробнее...

— Через минуту вам подадут кофе,— сообщил Гейнц.

После этого он сосредоточил все внимание на булочке. Он рассматривал ее, как инопланетное тело или блюдо из плавника акулы. Когда подали кофе, поднял глаза и сказал:

— Булочки свежие.

— Я в этом не сомневаюсь, Гейнц.

За неделю, которую мы прожили здесь, я уже привыкла к его стремлению подчеркнуть совершенство всего окружающего нас. Иногда это меня смешило. Иногда чуть раздражало.

В ресторан вошел Борисов. Он поздоровался и, еще не садясь за стол, заявил:

— А кофе крепкого мы опять не получим.

Гейнц улыбнулся сверхдоброжелательно, но возразил:

— Нормальный кофе. Видимо, господин Борисов, вы привыкли к чересчур крепкому.

— И госпожа Латынина. А вот Глах. Спросите у него.

Седой и немного обрюзгший американец Глах неплохо говорил по-русски. Мы не удивлялись этому, зная, что он родился в Одессе. В настоящей «черноморской», как любил повторять сам Глах, Одессе... Правда, он покинул знаменитый город пятьдесят с лишним лет назад. Но по-русски говорить не разучился.

Глах церемонно раскланялся со мной и сказал Борисову:

— А с вами мы не разлучались, Дмитрий Леонидович!

— Садитесь, Джордж. Точнее, почти не расставались. В три часа вы еще пытались меня убедить кое в чем.

Глах вздохнул, а затем улыбнулся, обнажив прекрасные молочно-белые искусственные зубы.

— О чем вы меня хотели спросить?

— О несущественном. Вам нравится кофе в этом ресторане?

Глах покачал головой.

— Во-первых, это существенно. Утренний кофе. Это чертовски важно. Простите, Лариса, чтобы вас убедить, я приведу слова из одной песни Вудри Гатри. Он мой земляк — калифорниец. Знаете, что он пел, когда началась война? Вот слова этой песни:

Да, брат, я прочел газету,
Как только проснулся ото сна...
Японцы разбомбили Пирл-Харбор,
И началась война,
Я не сварил себе кофе,
Я не сварил себе чай,
Сказал я: дядя Сэм...
Запиши меня, давай...

Глах поднял белый пухлый палец.

— Понимаете? Должна была начаться война, должны были разбомбить наш флот, чтобы американец не выпил утренний кофе или чай... Понимаете?

— Понимаю,— сказал Борисов, улыбаясь.

— А во-вторых... Я уже три года не пью кофе. Я пью чай. Желательно липтоновский. Поэтому я не участвую в вашей дискуссии. Спорьте себе сами. А то потом будете говорить об американской бесцеремонности...

— Везде-то вы видите подвох, Джордж,— продолжая улыбаться, заметил Борисов.

— Везде? — переспросил Глах.

— Вот в Кельн не хотите ехать.

— Да, не хочу. Но вы в этом случае ни при чем. Что мне делать в Кельне? Смотреть на японцев? Так они приедут сюда на первенство. Смотреть на собор? Я его видел десятки раз. Что же? Конечно, приятное общество. Но, знаете ли, я стал побаиваться автомобильных поездок. И зря вы улыбаетесь. Ох, уж эти

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

СТАРТА

ПОВЕСТЬ

поездки!.. В Штатах для тысяч людей они переходят в великий путь безмолвия.— Он опять поднял палец вверх и сказал чуть дрогнувшим голосом: — А у меня восемь внучат. И заметьте себе, пять девочек.

— Это замечательно иметь столько внучат,— одобрил Борисов.— Впрочем, многие почтенные американцы путешествуют вовсю.

— И я этим займусь. Пойду гулять по этому парку. Правда, это не Барнсдейл в нашем Анджелесе и не Голденгейт во Фриско... Но все же зелень, птицы. Ребятишки. И нет скрипа тормозов.

— Замечательно.

— Потом я отдохну от споров с вами. А вообще, господин Борисов, вы должны ценить меня. Спорить — тяжелое занятие. Только не считайте, что вы умеете это делать. Просто вы говорите не о том, что следует. Я вам говорю: вы сорвали матч в Лос-Анджелесе. А вы мне в ответ на это — про бомбардировки Хайфона. Я о гимнастике в Южной Африке — вы об апартеиде. Я вам о джентльменстве — вы мне о демократизации. Скажите, можем мы так столковаться?

Борисов почему-то посмотрел на меня, а затем сказал:

— Можем.

— Нет. Хотя вы в выигрыше. Все ваши речи без переводчика не стоят вам ни цента. Но вы не подозреваете, чем это кончится. Не подозреваете?

— Честно говоря, еще нет.

— Так вот... меня заменят. Вы считаете, что я боюсь подвоха, когда вы начинаете говорить о политике. Так явится настоящий политик. Что вы будете с ним делать?

Борисов пожал плечами.

— Да, да, будете говорить... Пока положение будет таким... Будем спорить мы, а когда нас сменят, будут спорить другие.

— Право же, стоит надеяться. И вы это понимаете, Джордж.

— Я давно уже многого не понимаю. Но, положим, дело не во мне...— со вздохом заметил Глах и старательно начал помешивать ложечкой в стакане.

За столиком справа появились двое. Один из них — седой высокий старик — нынешний президент международной федерации Рене Ойени. Второй — подвижной швейцарец Тассен — член руководящего комитета. По сравнению с Ойени он выглядел юношей. И не мудрено. Еще в тридцать четвертом году, когда Ойени стал президентом, ему исполнилось пятьдесят. Впрочем, тогда трудно было определить его возраст. Сухощавый, элегантный мужчина. Элегантный даже в смешном коротком пиджачке. Таким Ойени на фотографии тех далеких лет открывает чемпионат мира, где впервые участвовали женщины. Он сделал и следующий шаг: через четыре года женщины разыграли личные медали.

После этого уже почти тридцать лет президент был занят тем, что боролся против новшеств! «Мы сделали очень многое. Как говорит Поль Бурже, «все будущее заключено в настоящем». Терпение — и мы будем собирать прекрасные плоды. Они созревают. Хладнокровие, честь, мускулы — вот что надо сохранить»,— так любил повторять господин Ойени. Он произносил эти слова на конгрессах, заседаниях комитета и в узком кругу.

Люди, требовавшие перемен, раздражали его тем больше, чем меньше он имел возможностей отказывать им.

А отказывать и рассылать повелительные циркуляры из бело-зеленого особняка в Цюрихе становилось все труднее.

Представители федерации, которых Ойени с раздражением называл «восточными», были настойчивы. Они не хотели ждать «чудесных плодов». «Эти флаги, гимны, равное представительство. О боже, они все время втаскивают к нам политику»,— жаловался президент.

И вот пришло время, когда ему уже не собрать большинства. Он должен уйти. Сейчас, усталый и старый, Рене сидит за столиком вместе со своим возможным преемником.

Но это не король и не наследный принц. Филипп Тассен знает, что получает власть не по воле предшественника. Может быть, поэтому без должной почтительности он говорит:

— Ich empfehle Ihnen diesen Saft — er hat eine ausgezeichnete tonisierende Wirkung [1].

— Die Zukunft wird Sie tonisieren [2],— отвечает президент.

Блестящие голубые глаза, светящиеся на очень загорелом лице Тассена, напоминают о взгляде сиамского кота. А может быть, я пристрастна?

Тассен был дружелюбен почти со всеми. Несомненно, хорошо знал гимнастику. Любил ее. Охотно беседовал о необходимости преобразований на французском, немецком и английском языках. Но этот его взгляд... Казалось, голубые глаза ощупывают собеседника и говорят: «Все, что вы рассказываете мне, хорошо известно. Но ведь мне-то известно и то, что вы хотите утаить. А вы попробуйте узнать, что у меня на уме!»

Но сейчас он улыбался очень простодушно...

Я сидела в машине рядом с шофером Карлом («Вам почетное командорское место»). Сзади Борисов ругал Ойени.

— Типичный мюнхенец. Политические итоги войны для него — печальное недоразумение. А мы с этим согласиться не можем. Правда, Гейнц?

— О, да,— очень вежливым голосом подтвердил переводчик.

Наш шофер смотрел вперед, а когда нас обгоняли (что случалось не так уж редко), немного откидывал огромную голову. И окидывал уходящие машины мимолетным взглядом. Видимо, высокое профессиональное положение Карла исключало участие нашего черного «мерседеса» в дорожной гонке. В глазах шофера мелькало легкое презрение к этим «любителям за рулем». Он вел машину со скоростью, выверенной годами. А у этих гонщиков какой там приз впереди? Карл покачал головой. Они обгоняют его, друг друга, спешат. А зачем? Многие ли достигают цели? Вот и еще один. Он слегка нажал на тормоз слоноподобной стопой и, кивнув в сторону, видимо, только что перевернувшегося «форда», отчеканил:

— Die Hauptsache ist, rechtzeitig anzukommen. Dazu ist Eile durchaus nicht nötig [3].

Уже теперь нелепое, длинное туловище «форда», казалось, вздрагивало в агонии. Желтые сердитые жуки — полицейские мотоциклы — слетались к нему...

Я обернулась. На заднем сиденье Гейнц аккуратно (не задеть бы соседей) развел руками.

«Что же делать, раз большинство за меня. Право же, я не старался...»

И, глядя сейчас на Гейнца, я вспомнила наш утренний разговор...

— А вот и Николай Иванович,— громко заявил тогда Борисов.— Стало быть, экипаж в сборе, и можно ехать.

К нашему столику подошел тренер мужской команды Кожин. Чуть выше среднего роста, он ходил мягкой, скрадывающей походкой. Неизменно говорил тихо. И даже тогда, когда сообщал что-то неприятное, продолжал улыбаться чуть приметной улыбкой.

Глах наклонился ко мне и сказал доверительно:

— Вы должны, не стесняясь, потребовать от них, чтобы они не слишком гнали машину.

— Хорошо.

— Да, все-таки я не стандартный американец. Впрочем, одесситы любили ездить быстро... Годы, все дело в них.

— Что же, отправляемся? — спросил Борисов.— Машина здесь, Гейнц?

Гейнц порозовел и произнес:

— Разумеется, она прибыла в точно назначенный срок.

После этого он вышел из-за стола, видимо, очень довольный своим ответом.

— Забавный парень Гейнц,— сказал Дмитрий Леонидович.— Твердо убежден: все, что делается в Федеративной Республике Германии,— образец. И все еще надеется привить мне эту мысль. Ну а уж если не получится, напишет тысячный в своем университете реферат об алогизме славянского характера...

— Увы, без этого не обходится...

— Вряд ли хоть один шофер думает, что именно с ним произойдет несчастье,— проговорил Кожин своим ровным, тихим голосом.

Я отвернулась, чтобы не смотреть на него. С Николаем Ивановичем, наверное, никогда ничего не произойдет. На спидометре его машины стрелка ни разу не показала больше семидесяти. Умеренность и осторожность во всем. Человек-улитка. Но тренер хороший. Может так быть? Выходит, да. Вот в Кельне мы будем вместе с ним наблюдать тренировки японцев. Он — мужскую, я — женскую. Трехчасовое изучение. И оно для будущего полезно. А для этого чемпионата? Предположим, мы узнаем что-то новое. И что же? В нашей подготовке за три дня до начала соревнований ничего не изменится. Знать, каковы японские команды? В целом это не секрет. Частности?.. Вот в будущем они-то и важны. А сейчас главное — мы вернемся к своим, как люди знающие. И несколькими словами немного разрядим томительное ожидание. Это так кстати. Поможет девчонкам.

— ...Дорожное происшествие уже позабыто, госпожа Латынина? — осведомился Гейнц.

Я вздрогнула...

— Это? Да.

* * *

...И весной мы отправились в далекое путешествие. Семьдесят километров до Николаевки, где живет мамин брат — мой дядя. Почти неделя опасных дорог.

Последнее утро перехода. Мы ночуем у рощи. Спим на байковом одеяле, укрываемся ватным. Под головами котомка с бельем, желтой и красной кофточками. Все наше богатство.

Проснулись мы от холода и тревоги, окутывающей вместе с поднимающимся туманом. Солнце не спешило выходить из-за белесо-зеленых облаков. Туманились опушка и огромный овраг за ней. И чуть проглядывала вьющаяся по оврагу черная, в редких клочках зелени тропка.

---

[1] Рекомендую вам этот сок — прекрасно тонизирует.

[2] Вас будет тонизировать будущее.

[3] Главное — приехать вовремя. И для этого совсем не следует спешить.

Мама вглядывалась в нее и вздыхала. Она прикидывала, как мы пройдем по ней, как выйдем из оврага и сколько тогда останется идти по шляху до заветной хаты.

Я вздрогнула, потому что поняла: мы не будем завтракать и обедать.

А тревога наша оказалась не напрасной. Вдруг оказался рядом мужчина — среднего роста, давно не бритый... Да, именно что бородатый дед, но почему-то на старом сером ватнике командирский широкий ремень. Несколько крупных молодых шагов, и он очутился между нами и началом тропки. Проговорил застуженным голосом:

— Ну, товарищи женщины, только спокойно... Сюда ни шагу. Меня бояться нечего, а расселись вы рядом с минами.

Собственно, мы стояли. Только после этих слов побледневшая мама, схватив меня за руку, села...

Я спросила:

— Дедушка, это у вас командирский пояс?

— Ремень-то? Точно, девочка. Такую вот на сегодня имеем форму.

Затем он обратился к маме:

— Куда ведете эту любопытную?

— Идем в Николаевку.

— Так. Сейчас пройдете левее вдоль рощицы. На проселок... и еще левее. Разберетесь? Восемь километров и — Николаевка. Патрулей не должно быть... Запомните: обо мне ни слова. И девочке скажите.

Мама встала и ответила коротко и внушительно:

— Ясно.

— Тогда путь вам добрый.

— И вам,— тихо пожелала мама.

Он бесшумно скользнул между деревьями. Загомонили птицы. И хотя я знала уже, что такое мины, их щебетание очень заинтересовало меня.

К вечеру мы пришли в Николаевку. Мама отдохнула три дня и отправилась в обратный путь.

— Полицаи у нас — Охрименки. Они знают Полю, то есть маму твою,— рассудительно объяснил мне дядя Ваня,— скажут, жена красноармейца, и сама служила в Армии... А куда здесь спрячешься? В Херсоне без тебя она как-нибудь и проживет. А мы с тобою, значит, здесь проживем.

Я всхлипнула и кивнула.

* * *

...Мы въехали в Кельн и пересекли город, не останавливаясь у староготических и ультрамодернистских архитектурных достопримечательностей.

Около затененного большими деревьями здания высшей гимнастической школы наш «мерседес» застыл, и Карл важно тряхнул тройным подбородком.

Здесь не было людского потока. Позади остались витрины с огромными адидасовскими сумками и бутсами бегемотовых размеров. Фирма «Даслер» почему-то не проникла на эту изумрудно-зеленую улочку. Тихую и спокойную.

...По коридорам школы мы промчались, даже не успевая отвечать на приветствия и вопросы. Без помощи Гейнца нашли залы, где шли тренировки. Я поднялась на узенький балкончик. Отсюда видна была калейдоскопическая картина готовящейся команды. Она мне должна сказать, как бьется пульс... Большего я за эти три часа не узнаю... Лица крупным планом? Таинства спорта не в подсмотренной улыбке или гримасе. Это легкая добыча фотокорреспондентов. Пять из шести девушек основного состава японской команды были мне незнакомы. Гибкие, хорошо растянутые. Но по-прежнему им не хватает артистичности. И, пожалуй, в отличие от парней-японцев не хватает им смелости. А вот у шестой, давней моей знакомой Кейко Икеда, смелости предостаточно. Всегда! Двенадцать лет назад она была чемпионкой мира... Сколько раз она говорила: проиграю — уйду. И не уходила. Держится в колее?

Время бежало здесь незаметно. Внизу подскакивали пятнистые, черно-белые мячики-фигурки. Вторая фаза полета у всех недостаточна... Приземляются «в доскок»... (Почему у нас так называется точное приземление, не знаю.)

Прыжки кончились, и я потихонечку спустилась вниз... Надо же поговорить с Кейко. Однако это оказалось лишь смелой попыткой: переводчик, который знал русский, был в зале у мужчин. Мы просто обнялись и посмотрели друг на друга с тактичностью тридцатилетних женщин. И я отправилась в тот зал искать переводчика. Им оказался мой давний знакомый Кендзи Момита. Когда я видела его, то никак не могла отделаться от одной мысли — он секретный демонстратор какой-то могущественной фирмы. Фирмы, у которой скопились огромные запасы черно-белых товаров. И Кендзи добросовестно много лет доказывал: самое эффектное сочетание по-прежнему белое и черное. Белоснежные сорочки, светло-серые брюки, темно-синие и черные пиджаки, синие и черные галстуки, черные ботинки — менялся в них только фасон. Но цвет и сочетание неизменны.

Вот и сейчас черно-белый Кендзи, довершая эффект, ослепительно улыбается... Угольные волосы. Безукоризненный пробор. По совместительству он мог бы представить еще и парфюмерную фирму «Шисайдо».

Тренировка мужчин тоже кончилась, и Кожин о чем-то тихо рассказывал Борисову. Тот мерно кивал головой. «Что же и мне вот так шептать на ушко?» — с раздражением подумала я.

— Хотите пить, Лариса? — неожиданно спросил Борисов.— Кендзи знает здесь какой-то живительный источник.

Кендзи кивнул и сказал:

— Источник. Борисов-сан не меняется. По-прежнему любит пиво. Я помню. Но здесь не имеют ни «Асахи-бир», ни «Кирин-Бар», ни «Сапорро-бир».

— Ничего. Пиво Унион тоже нравится мне. Наверное, и кельнское подойдет. Найдем здесь светлое?

— Да, да, будем стараться,— протянул Момита.

В Токио он носил с собою томик Леонида Андреева на русском, а сейчас в его руках я увидела Чехова. Он перехватил мой взгляд и важно сказал:

— Да, да... Литература. Филология.

В маленьком буфетике, у маленькой пластико-никелированной стойки мужчины выпили по большому бокалу светлого пива. На мою долю достался освежающий «оранж-джус». Момита посмотрел на стойку, видимо, вспоминая что-то свое, но лишь протянул:

— Да, да... Са, а!

Тогда я попросила его помочь мне поговорить с Икедой. Мы прошли к круглому вестибюлю. Кейко уже ждала меня, свежевымытая, порозовевшая. Глаза ее блестели.

Мы присели на диванчик, и Момита, беспрестанно наклоняясь то ко мне, то к ней, начал переводить.

— Она спрашивает: будете ли вы, Лариса, выступать в Дортмунде? (И она и переводчик говорили «Рариса».)

— Да. В последний раз. Понимаете?

Кейко выслушала и улыбнулась одними губами. Глаза стали темнее, когда она заговорила.

— Она говорит: это и ее последнее выступление. На этот раз уже по-настоящему. Совершенно!

— Грустное расставание?

— Она говорит, что старается не думать об этом. Она думает сейчас о деле, которым займется.

Кейко чуть отодвинулась и на освободившемся участке диванчика стала что-то чертить влажным пальцем.

— Это ее дело будет приносить хороший доход,— очень серьезно пояснил Момита.

— Наверху один зал для гимнастики... И еще один, как это сказать, для специальной гимнастики. Для тучных людей. Понимаете, Лариса.

— Понимаю,— как можно бодрее ответила я.

— И еще комната игр. И еще две бани. Национальная и финская. Понимаете: для тех, у кого излишний вес...

— Целый комбинат... Что же, дело большое.

— Хорошее. Реклама уже дана. Она спрашивает: чем займетесь вы?

— Гимнастикой, Кейко. Гимнастикой. Скажите: я желаю ей большого успеха.

— Приедете вы зимой в Токио?

— Вот этого я сейчас сказать не могу.

Кейко посмотрела на часы и улыбнулась. Опять одними губами.

— Пока она еще живет по расписанию команды, и, к сожалению, ей надо идти.

— Как у вас это переводится, не знаю. Впрочем, не в первый раз по-русски я желаю ей в Дортмунде: «ни пуха ни пера». А она знает, что ответить.

Кейко выслушала и засмеялась еще громче.

— Она говорит, что не может привыкнуть к этой вашей традиции. Но она хорошо помнит другие ваши формулы. И желаем вам, Лариса, сделать все, что вы умеете.

— Спасибо.

Мы опять обнялись. Глаза ее озабоченные. Соревнованиями? Будущим делом? Гимнастикой для полных людей?

— Поговорим в Дортмунде?!

— Да, да, конечно,— ответил за Кейко Момита.

Борисов, Кожин и Гейнц ждали меня уже на улочке.

Николай Иванович теперь говорил громче, а Борисов кивал ему головой в такт.

— Вот поэтому я и говорю о шансах на личное первенство.

Борисов перестал кивать.

— И никаких — на командное?

— В этом кругу могу сказать — никаких.

Ах, эти гадания! Мне они претили. Особенно когда тренеры занимались прогнозированиями. Но, если трезво разобраться, без них, наверное, не обойтись.

— В этом кругу? — переспросил Борисов.— А ведь надо говорить о слабости команды совсем в другом кругу — широком. А, Николай Иванович?

Кожин сузил глаза и посмотрел сначала на меня. Потом он перевел взгляд на Борисова.

— Боюсь, что это звучит как предложение деморализовать команду, Дмитрий Леонидович!

— Ну вот уж сразу и «деморализовать»... А зачем же правду признавать по частям? Кому нужен очередной мираж: сильная у нас команда, а проигрываем, мол, из-за случайностей?

Глаза у Кожина стали скорбными.

— Вы думаете, легко признать: японцы диктуют моду там, где десять лет назад были нашими почтительными учениками? Легко, Дмитрий Леонидович? Возьмите даже психологический аспект!

— Согласен. Трудно. Но как же без этого признания мы будем правильно действовать?

— А признав, получим чудодейственный рецепт?

— Я тоже не верю в панацею. Однако от объективного анализа нельзя уходить.

— Вот вы говорите — объективный анализ. А в гимнастике что ни шаг, то субъективный подход. Ну, для убедительности свежий примерчик. Мы прикидываем, кто сегодня выиграет вольные... Сравниваем Меникелли и кого-то из японцев, предположим. Детализируем... Но позволит ли объективнейший подход учесть тех, кто стоит за Меникелли? Тех, кому сейчас золотая медаль этого гимнаста нужнее, чем ему самому. Тех, для кого это равно проблеме: развиваться большой гимнастике в Италии или нет. И вот на известном полуострове, а затем и здесь в движение приходят десятки людей...

«Франко Меникелли должен стать чемпионом». Эта идея может и материализоваться... При всех прочих равных мнение арбитра — мнение судей. Учитываем ли мы все это? Или видим лишь на помосте Меникелли, а вокруг нескольких экспансивных южан? В отчете, который я сдам завтра, об этом я писать не буду. Но от этого тоже не абстрагируешься на практике.

— Отчет-то мне завтра не нужен. А конъюнктура или микроконъюнктура. Ее надо знать.

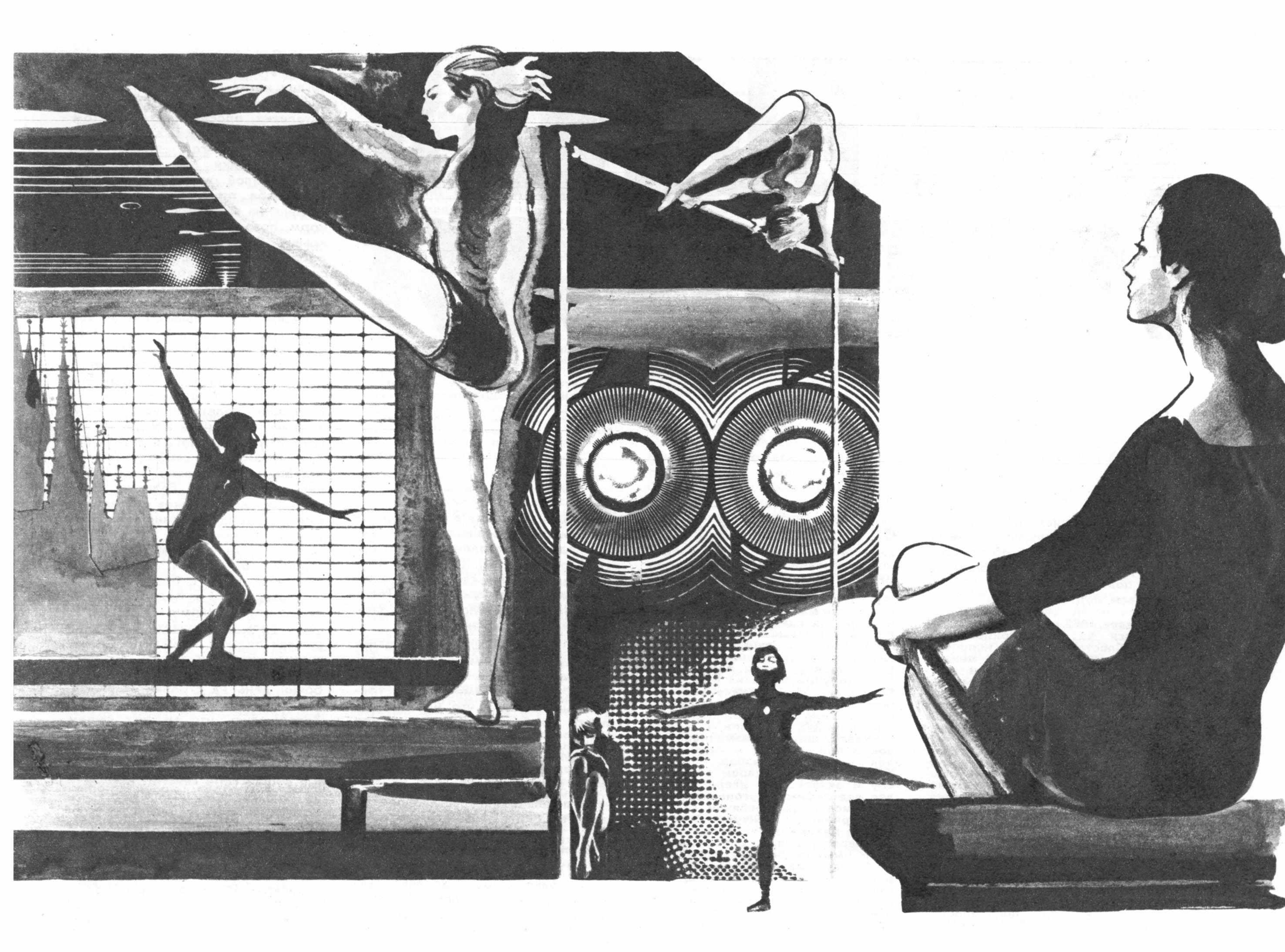
— Это уже спорно. А вот отчетик я все же завтра сдам. Валютный бензин не зря же мы жгли.

Борисов пожал плечами.

— Хотите помочь оправдываться? Вроде рановато.

— Кто же говорит — оправдываться! А вот вопросов может возникнуть немало. Ваш жест я понимаю: вот Кожин — перестраховщик. Нет. Просто опыт.

— Опыт — дело великое. Если есть охота

доспорить, с удовольствием — в Дортмунде. Гейнц, скажите, пожалуйста, Карл пообедал?

— О, разумеется, господин Борисов. Ему достаточно было тридцати минут.

— Да-да. Можно ехать?

Карл, важный, как чемпион, тяжеловес, открыл дверь. Казалось, пока мы были на тренировке, он еще больше преисполнился достоинства. Впрочем, кивал он нам радушно.

Побывать в Кельне и не посмотреть собор!.. Правда, осмотреть его за полтора часа, по существу, акт формальный. Все же отправная точка для того, чтобы Гейнц сообщил нам уже в машине дополнительные сведения. Сначала о долгой истории строительства, потом о рыцаре Ульрихе фон Гуттене.

Рассказывал он неплохо, только вставлял много междометий не к месту.

Кожин вежливо улыбался, когда речь шла о подвигах славного рыцаря. Мы уже должны были перейти к Лютеру и реформации, когда Борисов стал проявлять признаки беспокойства. Он задел Николая Ивановича локтем и громко сказал:

— На свете много есть вещей, мой друг Горацио, о которых мы и не подозреваем.

К чему здесь было цитировать Шекспира, я не поняла. Гейнц тоже. Разумеется, он замолчал. А Борисов стал поворачиваться в разные стороны.

То он откидывался к заднему стеклу, то, почти сталкиваясь со мною, норовил заглянуть в шоферское зеркальце. Минут через пять он заявил:

— Надо остановиться и купить фрукты на завтра.

— А в Дортмунде, Дмитрий Леонидович? — спросила я, подумав, что наш руководитель, который поучает других, не очень тактичный человек.

— Нет, нет. Михал Михалыч не пойдет. А я могу опоздать... Вон мы проехали лавочку. Давайте остановимся.

— Мы можем заехать в превосходный магазин.

— Нет. Скажите Карлу, чтобы он вернулся к лавке.

— Скажите, скажите, Гейнц,— повторил Кожин.

Через минуту мы развернулись и остановились метрах в пятидесяти от витрины с большим ананасом...

— Пойдем, Лариса, поможешь нам,— сказал Борисов.

— Сложное дело,— ответила я, с неохотой поднимаясь с сиденья.

Мы купили виноград, ананасы и запрещенные Михал Михалычем бананы (это для тренеров, пояснил Борисов). Получили большой пакет, сдачу и лучезарную улыбку дородной продавщицы... Как только мы вышли из лавки, Дмитрий Леонидович покачал головой.

— Забыли что-нибудь?

— Нашел!

— Что же?

— Давайте садиться... И продолжим пробег.

— Стоят? — спросил Кожин.

— А как же...

Мы уже сели в «мерседес», и я решительно повернулась, чтобы понять наконец, о чем же идет речь. Сзади за нами примостилась небольшая серенькая машина.

Ах, вот оно что!

— Сопровождают?

— Попробуем проверить,— ответил Борисов. И спросил у Гейнца.— Скажите, пожалуйста, универмаг поблизости есть?

— Разумеется.

— Вот и заедем. Купим кое-что.

Кожин покачал головой.

Да, приклеились. Обычно нас сопровождали не на машинах. В Риме по виа Маргутта. В Вене от вокзала до памятника Штраусу. Да мало ли где...

— Кто же наши спутники, Дмитрий Леонидович?

— Вот уж не знаю. Наверное, не полиция. И не служба безопасности. У господ из Пулаха есть дела серьезнее. Кто? Например, есть так называемое «представительство русских эмигрантов». Ну, эмиграция... «Скажи поклоны князю и княгине». Есть здесь и «украинские самостийники». И так далее... Во всяком случае, это не бандиты, принимающие Карла за миллионера-путешественника. Будем отгадывать. Правда, Гейнц?

— Вы считаете, господин Борисов, что эти люди следят за нами?

— Мягко говоря, у нас создалось такое впечатление.

— Мне кажется, это какое-то недоразумение. Потом мы можем ехать быстрее, чем они.

Борисов рассмеялся.

— То есть убежать? Конечно, это тоже метод устранять недоразумения. Но, кажется, он нам не подходит. Правда?

Кожин молчал, и поэтому я неожиданно громко произнесла:

— Совсем не подходит.

(Окончание следует.)

ВОРОБЬИНАЯ ИСТОРИЯ

А. СТАРКОВ

Жизнь повторяет свои сюжеты. Ну, привносит, понятно, какие-то коррективы, меняет обстановку, действующих лиц, а в общем-то схему повторяет.

Вот вам подтверждение.

В январе 1962 года я летал в Новосибирск по редакционному заданию. Собственно, сам испросил для себя командировку. У меня в привычке время от времени просматривать подшивки местных газет: в их информационной смеси нет-нет что-нибудь да выловишь. В тот раз клюнул... воробей. Из крошечной, десятистрочной заметки в новосибирской «Вечерке» под рубрикой «Происшествия». Факт любопытный, но с первого взгляда не более того. Отнюдь не событие, ради которого надо немедленно устремляться в командировку. К тому же номер газеты давний, летний еще, и оперативность потеряна. В наших редакционных планах были дела куда важнее, меня ждали иные маршруты. И все же во мне, где-то там, на невидимой жердочке, затрепыхался уже этот взъерошенный воробышек. Он не давал мне почему-то покоя, и хотя я еще никаких подробностей не знал, чудилось что-то значительное. В конце концов то, что мы называем журналистской интуицией, заставило меня предпочесть поездку в Новосибирск всем прочим...

Очерк, напечатанный в «Огоньке», так и назывался: «Воробей». Я сейчас — самую суть, почти протокольно.

В июльское воскресенье над глубокой ямой с битумом, завезенным на перевалочную базу строителей и еще не застывшим из-за жарко палившего солнца, кружились воробьиные стайки. Их привлекал запах смолы, но они не снижались, предчувствуя, наверно, опасность. Лишь один удалой воробьишка, презрев ее, ринулся вдруг вниз и тут же был наказан: увяз в густой, липкой, засасывающей массе. И пропасть бы птахе, если б не пробегавшие мимо мальчишки. Они увидели воробья через пролом в заборе склада.

— Надо вытащить! — сказал Валерка Кривощеков, ученик 2-го класса, октябренок.

— А как? — спросил Валеркин братишка Боря, ученик 4-го класса, пионер.— Как к нему подобраться, по смоле-то?

— Вот еще, пачкаться из-за паршивого воробья! — заявил их приятель Витя Фучко, ученик 3-го класса, пионер.

— Он вовсе не паршивый! — крикнул Валерка.— Он птица!

И бросился в пролом... Воробей застрял посередине ямы, метров пять до него. Валерка преодолел это расстояние в три прыжка. Воробышек, лежавший бочком, и шелохнуться уже не мог. Он только жалобно поглядывал одним своим карим глазом, другой был залеплен смолой. Нужно осторожно, тихонечко высвободить ему крылышки. Это удалось не без потерь: перышек поубавилось. Но что перья — жизнь дороже! Теперь — ножки. Левая как-то быстро отлепилась, а с правой повозился. Воробышек на свободе! А его спаситель увяз уже в битуме по колени. Неумолимая сила засасывает, затягивает снизу... Борька кинулся спасать братишку и тут же, у самого края ямы, увяз. Витя Фучко побежал за взрослыми. А день, как мы знаем, был воскресный: ни на самом складе, ни возле, ни у железной дороги — никого. Безлюдно кругом. Но вот показалась веселая компания из лесу. С гармошкой, песни поют. Впереди однорукий мужчина в белой рубашке, высокий, громче всех распевает. Услышав от запыхавшегося мальчика о беде на перевалочной, прыгнул с насыпи и побежал к складу, широко размахивая правой рукой, прижав к груди обрубок левой. Вот забор... Человек быстро, ловким ударом выбил доску и оказался во дворе. Он увидел два темных бугорка над черной смолой, две ребячьи головенки, торчащие из битума. До одной можно руками дотянуться, у самого «берега» она. А другая посередине ямы, подбородок ушел уже в битум, смола подбирается ко рту, сейчас она зальет губы, мальчишка, чувствуя это, крепко сжал их, он дышит носом, но минута-две — и тяжелая, густая масса сомкнется над его головой.

Человек не знал глубины ямы. Да он бы кинулся на выручку при любой глубине. Хотя и понимал, что в одиночку ему не вытащить мальчугана. Позже говорил мне, что надеялся на помощь людей, которые должны были подоспеть. А я полагаю, что в первый момент он об этом и не думал. Он бросился бы, и никого не поджидая. В тот миг, когда он совершал прыжок, мысль была одна: не дать смоле поглотить мальчишку. Он присел над ним и, тоже затягиваемый, засасываемый битумом, начал высвобождать Валеркину голову, начал разгребать смолу вокруг.

Нет, я больше не буду пересказывать этой истории. Она закончилась благополучно: прибежали люди, вытащили обоих братишек, помогли выбраться однорукому.

Я сорок лет езжу с корреспондентским блокнотом. Сколько разного народа встречено в пути! Чьи-то лица, голоса стерлись в памяти, а чьи-то неизгладимы в ней. Вот мальчугашку этого, октябренка Валерку Кривощекова, крикнувшего «Птица!» и ринувшегося спасать воробья, никогда не забуду. И рядом с ним — человека с одной рукой, которого я вам еще не назвал. Мне не нужно для этого заглядывать в записи, и так помню: Ящук Анатолий Климович. Контрольный мастер с завода. А на войне — разведчик. 1 руку потерял на минном поле.

Через двенадцать лет жизнь повторила новосибирский эпизод в начальной его стадии.

На этот раз ехать в командировку к месту происшествия мне было недалеко: троллейбусом с Бутырского вала до Колхозной площади. А первые сведения о случившемся я получил на 2-й Тверской-Ямской, в Московской секции охраны животных.

Это здесь, в СОЖе, раздался июньским вечером тревожный телефонный звонок. Он только раздался, а я уже именую его тревожным. Потому что иных здесь почти не бывает. Сюда, как по «ОЗ» о несчастных случаях с людьми, звонят о несчастьях и бедах с животными, в коих, как правило, повинны люди.

О лосенке, который забрел во двор в Сокольниках, слегка помял траву на газоне, а дворничиха запустила в него кирпичом, рассекла голову...

О собаке, которую хозяева, съехав с предназначенного к слому жилья, оставили в одиночестве, на цепи, без воды и пищи...

О воробьях, которых забавы ради приманили на горячий, не застывший еще битум...

Вот как было с воробьями.

...Щегловы, муж и жена, собирались в туристское путешествие. Олег подготовил мотоцикл, на котором они завтра выедут рано утром, починил надувную лодку, и теперь возился за столом с рыболовной снастью; Люся в соседней комнате укладывала рюкзак. Когда Олег чем-то занят, трудно отвлечь его. Вот и в долетавший в открытое окно птичий гомон не вслушивался, хотя любит его и с детства хорошо различает голоса птиц. Не вслушивался, занятый блесной, но какая-то внезапно возникшая жалостная нота все настойчивее и настойчивее пробивалась сквозь беззаботное воробьиное чириканье и заставила наконец Олега посмотреть в окно. Прямо перед глазами — строительная площадка. То есть уже не площадка, а почти готовый двенадцатиэтажный дом. А во дворе другая новостройка, поменьше, бойлерная для того дома, котельная. Олег, возвращаясь сегодня с работы, видел, как ее крышу заливали битумом, варом. Он еще не застыл, и над ним вьются птицы. Вьются, спиралями заходят, а не садятся. Понимают. Ох, садятся, кажется. Дурачки, дурачки, что вы делаете? Кыш, кыш! Да разве услышат отсюда... А что это еще за комки летят на крышу котельной? У Олега фотоаппарат с телевиком. Он глянул в телевик, проследил за полетом комочков и уперся взглядом в балкон третьего этажа дома-новостройки. Там стоял мужчина в белой рубахе и метал куски хлеба птахам на приманку. Именно на приманку, а не на прокорм, потому что метил точно на крышу бойлерной, в битум... Воробей в отличие от плавно спускающегося голубя камешком плюхается на посадку, лапки его мигом вязнут в смоле, он теряет равновесие, ванькой-встанькой кланяется, то хвостом, то головкой тыкаясь в липучую массу, пока окончательно не застревает в ней. Голубь хитрей, осторожней, опытней, он схватывает корм на бреющем полете, а если приземляется, мощные крылья помогают ему преодолеть вязкость битума и взмыть на свободу. Так что голуби не доставляли удовольствия человеку на балконе. Зато пленных воробышков Олег насчитал пятерку. И свистнул. Протяжно, пронзительно. Этот сигнал был ясен: хватит измываться над птицами. Бросавший хлеб вроде внял ему, ушел с балкона. И тут же возвратился с подкреплением, еще с двумя такими же метателями в белых рубашках. Они разрывали батон и, помахивая Олегу, гогоча, кидали и кидали хлебные куски воробьям на погибель... Рабочий день на стройке кончился, все разошлись, кроме этих троих. Задержались, что ли, под душем или в раздевалке. И теперь нашли себе забаву, благо никто не мешает. А жилец из дома напротив пущай себе свистит, от свиста не больно... Как было поступить Олегу? Он стал за занавеску, чтобы его не видели с балкона, и сфотографировал троицу. Снял также крышу с застрявшими воробьями, которых набралось уже с десяток. И позвонил в СОЖ...

— Я позвонил от отчаяния. Чтобы выплеснуть свое возмущение. Бежать на опустевшую стройку было бессмысленно. С кем там разговаривать, кому выражать негодование? «Шутники», израсходовав приманочные средства, смотались. Наверно, я еще успел бы перехватить их во дворе. А зачем? Выяснять личности? А они уже зафиксированы у меня на пленке... В СОЖ, в трубку, я прокричал что-то невнятное о случившемся, более эмоциональное, чем конкретное. Меня стали спокойно переспрашивать, показалось, что даже слишком спокойно, но потом понял, что в моей жизни это первый случай, а у них — служба, и одними эмоциями делу не поможешь. Спросили, в каком состоянии птицы и нельзя ли попытаться их спасти. Это был явный призыв к действию. Я мог бы и сам сообразить, что надо не телефонные разговоры сейчас разговаривать, а действовать. Я сказал, что все уточню, выясню и снова позвоню... Мы спустились с Люсей во двор. Нужно было влезть на крышу бойлерной. Строители забирались на нее внутренним лазом. Но сейчас котельная была закрыта, двери на висячем замке. Переносной лестницы во дворе не нашлось. Валялись доски. Выбрал какая подлиннее, приставил под наклоном. Двери были неплотно прикрыты. На полкосяка. Достаточно, чтобы уцепиться, ступить. Я взобрался по доске, которую

придерживала Люся, на косячок, оттолкнулся, ухватившись за цементный борт крыши, и перемахнул на нее. Рискованный прыжок? Ну, не очень. Я все-таки гимнаст немножко... Втащил за собой доску. Люся подала снизу еще одну. И сама хотела влезть, но я не разрешил, сорваться могла. Она сбегала домой, принесла ведро, лоскутков разных. Я передвигался по доскам, но битум уже поостыл и был мне не опасен. И для птиц уменьшился риск: вар схватило легкой корочкой. Пленных воробьев не прибавлялось. Я насчитал одиннадцать. Почти все желторотики, несмышленыши, только-только научившиеся летать и так жестоко поплатившиеся за свою неопытность, доверчивость. Над ними вились в тревоге родители, следили, как я вызволяю их птенцов. Стайками слетались к тому, над которым я склонялся, будто помочь хотели. Воробышков всосало прочно. Крылья, перышки еще удавалось как-то, пусть и с потерями, отодрать вместе со смолой. Лапки не поддавались, глубоко ушли в смолу, и словно крючком там подцепило, не пускало, дернешь — переломаешь их, совсем искалечишь птаху. Требовалось вспомогательное орудие. Я крикнул Люсе, чтобы сбегала за ножом. И вырезал, вырубал каждого воробьишку, как бы на подставке, на битумном постаменте. Люся принимала их у меня внизу и осторожно складывала в ведерко завернутыми в лоскутки, чтобы не склеивались друг с дружкой. С час, я думаю, провозились мы во дворе. Вернулись домой, и я снова позвонил в СОЖ. Доложил, что начальная часть операции «Воробьи» завершена. Один мертвый. Видно, первым приземлился, когда вар был еще горячим, как кипяток, клюнул, глотнул, и все внутри пережгло у бедняги. Десять неспособных летать птиц эвакуированы с крыши. Будем выхаживать. Мне сказали, что к нам направляются инспектора Офицерова и Клопкова.

...Слушаю Олега Серафимовича, и не покидает ощущение, что передо мной выросший, повзрослевший Валерка Кривощеков, новосибирский мальчишка. Правда, Щеглову — 33 года, а тому должно быть нынче 20, но они из одной человечьей породы. И маленький Олежка так же кинулся бы в пролом забора на выручку гибнущей птице, как взрослый Валерий наверняка полез бы на крышу выковыривать из битума воробышков.

Кстати, они почти земляки, эти два доброхота. Щеглов тоже по рождению сибиряк, красноярский мальчишка. С малых лет вошел в его жизнь лес, хотя семья жила в городе. Отец, лесоустроитель, каждое лето, уезжая в экспедицию, брал с собой в тайгу сына. И не только пение птиц, все связанное с лесом близко и любо Олегу с детства. Но и не оттеснило в нем городских привязанностей, мирно соседствует, вернее сказать, переплелось с его увлечением техникой, которое с того же детства, со школьных кружков. Вот и профессия избрана счастливо: он имеет одновременно дело и с зеленым шумом и с шумом машин. Окончен Лесотехнический институт. Специальность — механизация и энергетика лесной промышленности. Старший мастер в НИИ. Обязанности: испытание и внедрение новых конструкций. Сами понимаете, что это такое: из командировки в командировку...

— Прописан в Москве, а живет в лесу...— грустновато шутит прислушивающаяся к нашему разговору Люся.

Приди я к Щегловым на день позже, не застал бы Олега. Уезжает на Байкал, в Клюевский леспромхоз, на два месяца. Монтировать, испытывать, сдавать заказчику «Медведя», установку для обрубки сучьев.

— Самая канительная работа в лесу. Дерево срубить проще, чем очистить от ветвей. На ином их до двух сотен, намахаешься топором. А машина подхватила хлыст, и мигом голенький, без сучка, быстро и ловко. Непонятно, почему «Медведем» назвали, надо бы по какому-нибудь более поворотливому зверю окрестить...— Это мне объясняет Люся, и я спрашиваю ее:

— Лес и ваша специальность, Людмила Анатольевна?

— Нет, что вы. Я секретарь-машинистка, и в другом учреждении. Но, естественно, интересуюсь делом, которым занят муж.

— И даже ездила однажды со мной на Селенгу. Я — в командировку, Люся — в отпуск.

Журналистские маршруты ни разу не приводили меня на Байкал. И потому с завистью рассматриваю фотографии тех мест, сделанные Щегловым. Они развешаны по стенкам вперемежку с его рисунками, гравюрами, резьбой по дереву, чеканкой. Маленький художественный музей... Балерину с взметенными над головой руками Олег нашел в подмосковном лесу, разглядел в замшелой коряге, которую чуть тронул ножом, и она взлетела в танце. А этот китайский божок притаился до поры, до встречи с Олегом, в козьем роге. И изящная фарфоровая тарелка оказывается вовсе не фарфоровой — березовый срез, чей неповторимо причудливый рисунок проступил после полировки...

— Гляньте, что он берет с собой в двухмесячную командировку. Рюкзачок с самым необходимым для себя, и тут уж ревностно следит, чтобы я не сунула контрабандой чего-нибудь лишнего. И два этих огромных чемодана. Они пустые сейчас, а на обратном пути станут неподъемными. Набьет их корнями, костями, древесными спилами... И, конечно же, полный набор столярного и слесарного инструмента. Без этого даже в туристский рейс по Волге не поедет... Ну, не гляди на меня так, Олежка, я же правду говорю... Мы, знаете, нынешним летом всей семьей, с моими родителями, отправились на теплоходе «Клара Цеткин» по Волге. Москва — Астрахань — Москва. Вполне комфортабельное судно. Но где-то окно плохо закрывается, где-то замо́к заело. И наш Олег приступил к исполнению своих обязанностей, занялся ремонтом. Пассажиры прослышали, что в какой-то каюте открылась мастерская, и понесли в починку часы, фотоаппараты, транзисторные приемники. Один заплатить хотел, пулей вылетел из каюты... Я и мои родные отдыхали, радуясь этой возможности, а Олег... Олег считал, что он лучше нас отдыхает. Все 17 дней чинил, паял, строгал. И в боцманской команде работал: швабрил палубу, борт красил, кидал швартовы не хуже матроса. Разве что на руле не стоял, а продлись немного рейс, и к штурвалу поставили бы...

— Ладно, Людмила,— сказал Олег.— По-моему, ты исчерпала регламент. Человек интересуется воробьями, а тебя вон куда занесло... Мы сняли их, значит, с крыши, принесли домой и развернули воробьиный госпиталь. Некоторый опыт в этой части у нас уже был...

— Вот один спасенный когда-то... Там, в Сибири...— сказала Люся, показывая на не примеченный мною прежде портрет над письменным столом.

Знаю, что портрет, по любому словарю, «изображение человека», и все же это тоже портрет: гладенький, сытый, довольный жизнью воробышек. При элегантном «воротничке», с «галстуком» на грудке, что говорит о его принадлежности к сильному полу. А глазенки такие, будто фотограф крикнул: «Сейчас отсюда вылетит птичка!», и он, как все ребятишки в таких случаях, с любопытством уставился в аппарат. Ему хорошо, уютно на широкой мужской ладони. Он привык к ней, к ее теплу, к ее мягким, нежным движениям, когда его, подобранного вот этой же рукой на страшном сибирском морозе, выхаживали и холили всю долгую зиму...

— А был случай, через дымоход свалился к нам воробьишка. Вот сюда, в комнату. Дом старый, сохранилось дровяное отопление. Перевели на водяное, а дымоходы, забитые сажей, остались. Осенью, в ливень, искал тот воробей укрытия. Залетел в трубу,— она покосившаяся, дождь внутри не достает. Подсох, вздремнул на кирпичине и вниз скатился черным комочком. Мы сперва так и подумали, что комок сажи упал. Подняли, трепыхается. Ну, очистить его, отмыть было нехитрым делом.

— Везет вам на птиц,— сказал я.

— Фамилия такая,— сказал Щеглов.— Но на этот раз операция оказалась куда сложнее. Горячая смола — не залежалая сажа...

Раненых разместили по палатам, каждого в отдельную — кого в коробку из-под обуви, кого в поллитровую банку, кого в кастрюльку.

За столом собрался консилиум: Олег, Люся, Люсины родители Олимпиада Яковлевна и Анатолий Максимович Комляковы, инспектора из СОЖа Тамара Алексеевна Офицерова и Зоя Дмитриевна Клопкова. Не подумайте, что это какие-то службисты, официальные лица. Такие же доброхоты, как Валерка Кривощеков и Олег Щеглов. Клопкова, подобно Люсе, машинистка. Офицерова — техник, ее специальность — электронно-вычислительная аппаратура. И, наверно, по контрасту с «быстрыми» машинами — любовь к черепахам. У Офицеровой дома самый большой в Москве, после зоопарка, отряд черепах. Я читал ее переписку по разным черепашьим проблемам с Джеральдом Дарреллом, автором знаменитых книг «Зоопарк в моем багаже», «Земля шорохов». И читал симпатичные новеллы самой Тамары Алексеевны о жизни черепах.

Главное было подобрать растворитель для битума. Подобрать? Как будто у них имелся выбор и они располагали временем для этого... Час поздний, магазины закрыты, где раздобыть химию? У Олега — бензин для зажигалок. Это подойдет. Какие-то химикалии для гравировки, для чеканки — годятся ли? Наверняка нашлось бы подходящее у Анатолия Максимовича, он рисовальщик по тканям, вечно полощется в красителях, растворителях, но — на работе. Дома же разыскал только два флакона бутилацетата. Решили попробовать. Олег взял воробышка из обувной коробки. О том, что это воробей и вообще птица, а не свалявшийся смоляной ком, можно было догадаться лишь по торчащему из битума клюву. Внутри клювик и ноздренки над ним забиты варом. Осторожно, чтобы не повредить, не обломать, Олег разомкнул слепившиеся половинки клюва и, просунув в этот лазик заостренную спичку, кончиком ее подхватывал и вытягивал наружу капельки смолы. С ноздришками проще: промыл смоченной в бензине ваткой. То ли от запаха бензина, то ли, наоборот, от струи свежего воздуха воробей чихнул. И чирикнул в предвкушении полной свободы. И тут же вцепился клювиком в мякоть державшей его ладони, инстинктивно защищаясь от пронзившей его внезапно резкой боли. Но тот же инстинкт подсказал ему, что это боль спасительная, надо перетерпеть. И он стоически выдержал муку, которую причиняли капли растворителя, попадавшие на обожженное варом и местами оголенное от перьев тельце. Долготерпение вознаградилось, он почувствовал прежнюю, какой она была до посадки на зловещую крышу, легкость в ножках, а крылья сами собой взметнулись и понесли, понесли воробьишку... Нашли его под диваном и водворили в «палату для выздоравливающих» — в большую, просторную клетку. Судьба второго была печальней. Выхаживавшая его Тамара Алексеевна проделала все то, что и Олег со своим. Но он склонил головку на ладонь и с ладони не взлетел. Он был мертв. Тамара Алексеевна заплакала. Олег, утешая ее, сказал:

— Это был старый, заканчивавший свой век воробей...

— Все равно жаль!

Вот была бы смехота для троих метателей с балкона, когда б глянули на воробьиных заступников... Надо же, всю ночь напролет не спать, тревожиться, в смоле перемазаться, кислотой надышаться — и ради чего? Из-за паршивых пичуг? Протереть им каждое перышко, обгорелые крылья аккуратно подстричь, лапки — пенициллиновой мазью, напоить из пипеточки. Да их тьма вокруг, воробьев-то, все одинаковые, одним меньше, одним больше. Ну, не смех ли в самом деле? Смех до упаду... Впрочем, на товарищеском суде эти трое не смеялись. Их нашли по снимкам Щеглова. Не сразу, хотя фотографии получились четкие: два блондина и кудлатый брюнет, не мальчики, солидные, по виду отцы семейств. Кадры, как в кино: разламывают батон, бросают приманку, надрываются от хохота. А нашли их не сразу потому, что нынче дом возводят несколько строительных организаций: тресты, конторы, управления. Офицерова ходила с фотографиями по отделам кадров, и всюду, вглядываясь, говорили: «Что вы, это не наши». А в монтажном управлении № 8, что на улице Кедрова, с некоторой даже обидой добавили: «У нас таких и быть не может!» К поиску подключились люди, более опытные в этой области, и трое с балкона как раз в том управлении и обнаружились: два паркетчика и слесарь. Фамилии? Они названы в «Вечерней Москве» вместе с решением суда: выговор, штраф. Не хочу повторять имена. Что прибавится от повторения? И еще я подумал: мастеровой народ, не прощелыги какие-нибудь, и вдруг этакая жестокость. Несовместимо как-то. Совместилось. Обидно. Пошутили, говорят. Не дай бог, чтобы так шутили их дети...

...Рано утром, в полшестого, как и собирались, Олег и Люся выехали на мотоцикле со двора. Их сопровождал веселый, гомонливый птичий эскорт, главным образом воробьи. И среди них кучно державшаяся семерка, от которой сильно пахло бензином. Они летели пониже других и чирикали не так громко. Силенок у них хватило ненадолго: у поворота на Колхозную площадь присели на мостовую, чтобы передохнуть.

— А два остались на мамином попечении, им нужно было залечить лапки. К нашему возвращению «госпиталь» опустел. Но бесхвостики то и дело навещают нас. Вон, пожалуйста, легок на помине!

На подоконнике лихо подпрыгивал воробьишка с коротким, обрубленным хвостиком, со смоляными вкраплинками на перьях. Из тех, из спасенных.

— А на крышу бойлерной,— сказал Олег,— птицы не сядутся. Видно, слухом не только земля, но и небо полнится...

ОПЕРАЦИЯ „СОБОЛЬ“

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА.

— Как погода?

— Пуржит,— последовал отзыв на пароль.

— Как здоровье соболей?

— Отличное, все восемь здоровы.

Первым сделал прыжок нарушитель, заподозрив обман. Он неожиданно боком метнулся к охотнику, коротко взмахнул ножом...

Когда пограничники очутились около охотника, тот со стоном попытался подняться на локтях.

— Соболя?

— Не беспокойтесь, не уйдут наши соболя. И нарушители тоже.

...Так закончилась операция «Соболь», помешавшая иностранным разведчикам украсть и вывезти русских соболей за границу: соболеводство до сих пор остается монополией Советского Союза. Но наш рассказ о другой операции под тем же названием. Она не была столь стремительна и длилась более сорока лет.

* * *

Шел 1928 год, когда недалеко от Москвы, в Пушкине, решили организовать первый в стране зверосовхоз по разведению ценнейшей пушнины — мягкого золота. Соболь, песец, лиса, норка в течение сотен лет хищнически истреблялись и находились, по существу, на грани исчезновения.

Через год в совхозе появились семь самок соболей. Первая семерка оказалась далеко не «великолепной»: мех некрасивого песочного цвета, крупные пятна у горла, желтые, истершиеся зубы. Это понятно: соболь сильный, умный, гордый зверь и в капкан, как правило, попадает лишь старый да больной, тот, кто отчаялся сам добыть себе пищу.

Как обращаться со зверями? В каких «квартирах» они должны жить? Чем их кормить? Биология соболя была совершенно не изучена. И самое главное: оставалось неизвестным, когда у него наступает брачный период. В научной литературе не было описано ни одного случая размножения соболя в неволе.

Раскрыл тайну брачного периода соболя старейший русский охотовед, профессор Петр Александрович Мантейфель — в то время директор Московского зоопарка. Ему удалось получить в условиях неволи первых соболят.

Известный всей стране ученый близко к сердцу принял дела Пушкинского зверосовхоза, где работала тогда зеленая, неопытная молодежь. В 29-м году сюда пришла и комсомолка Антонина Портнова.

...Мы идем с Антониной Трофимовной Портновой вдоль клеток, откуда на нас смотрят любопытными черно-смолистыми бусинками глаз изящные пушистые зверьки. У некоторых блестящий мех словно запорошен легким снежком; у других — он иссиня-черный, без единого пятнышка. И так хочется погладить пушистую спинку, коснуться этой блестящей шелковистой шкурки, что я протягиваю руку.

— Нельзя,— предостерегает меня Антонина Трофимовна.— Останетесь без пальцев. Этот красавец — дикий зверь и очень хищный. А вот соболят можете взять на руки, они пока добрые.

Соболята действительно пока добрые, чуть косолапые, как медвежата, не то, что их изящные родители, но и они с удовольствием прикусывают мой палец.

— Антонина Трофимовна, почему вы выбрали именно эту специальность? — спрашиваю я.— Мне приходилось видеть, что в совхозе работают целые династии. Вот и ваша дочь Наташа — соболевод, бригадир, аспирантка ветеринарной академии. У вас тоже были в семье звероводы?

— Я детдомовка,— задумавшись, отвечает Портнова.— И все-таки знаю, звероводы у меня «в роду» были. Это мой школьный учитель, научивший нас, бывших беспризорников, любить все живое и восхищаться прекрасным; это руководитель кружка юннатов при Доме пионеров, где я занималась, это, наконец, дядя Петя, как все мы звали Петра Александровича Мантейфеля. Я ведь занималась еще в кружке при Московском зоопарке.

Вы обратили внимание, что выведенная нами порода пушкинского соболя не только обладает черным пушистым мехом, но и гораздо крупнее, чем дикий баргузинский соболь? — спрашивает она.— Кроме того, у наших соболей нет горловых пятен, которые так портят шкурку, да и мех на брюшке такой же пушистый, как на спинке.

— Сколько же в совхозе таких красавцев?

— Больше десяти тысяч.

Вот как разрослась первая семерка! Тут, в зверосовхозе «Пушкинский», с особой остротой понимаешь, какой уверенностью надо обладать, какой любовью к своему делу, чтобы начать эксперимент, который завершится через десятки лет.

Антонина Трофимовна возвращает меня в 1931 год. В тот год произошла научная сенсация, обошедшая печать всех стран. В зверосовхозе родились первые соболята.

Нет, не все тогда радовались успехам. Однажды утром в контору совхоза прибежала рыдающая дежурная: несколько куниц оказались отравлены. Почему? Дежурная обратила внимание, что в клетках у зверей валялись какие-то крошки. Это оказались куски сосисок. Анализ показал, что в сосисках находился стрихнин. Чья-то злая рука каждому животному подложила кусок мяса с ядом. Но соболь — зверь хитрый и осторожный — к лакомству не притронулся.

В 1935 году из Баргузинского заповедника привезли в совхоз несколько диких соболей. Их скрестили с лучшими экземплярами, уже выведенными на ферме. Так началась родословная пушкинского черного соболя.

Из года в год энтузиасты вели селекционную работу. Самый тщательный отбор, направленное скрещивание, опять отбор. Каждый этап эксперимента — годы. Наконец, в 50-х годах наметились генетические линии, но до вывода новой породы было еще очень далеко.

Вначале клетки зверей установили в лесу, кормили орехами, медом, живой птицей. Однако экономика, рентабельность ведения хозяйства тоже диктовали свои условия, и постепенно «квартиры» зверей стали поменьше, а пища разнообразнее. Кроме мяса, в меню появились яйца, молоко, витамины. Правильный, научно обоснованный уход повысил плодовитость, мех зверей стал более пушистым, красивым.

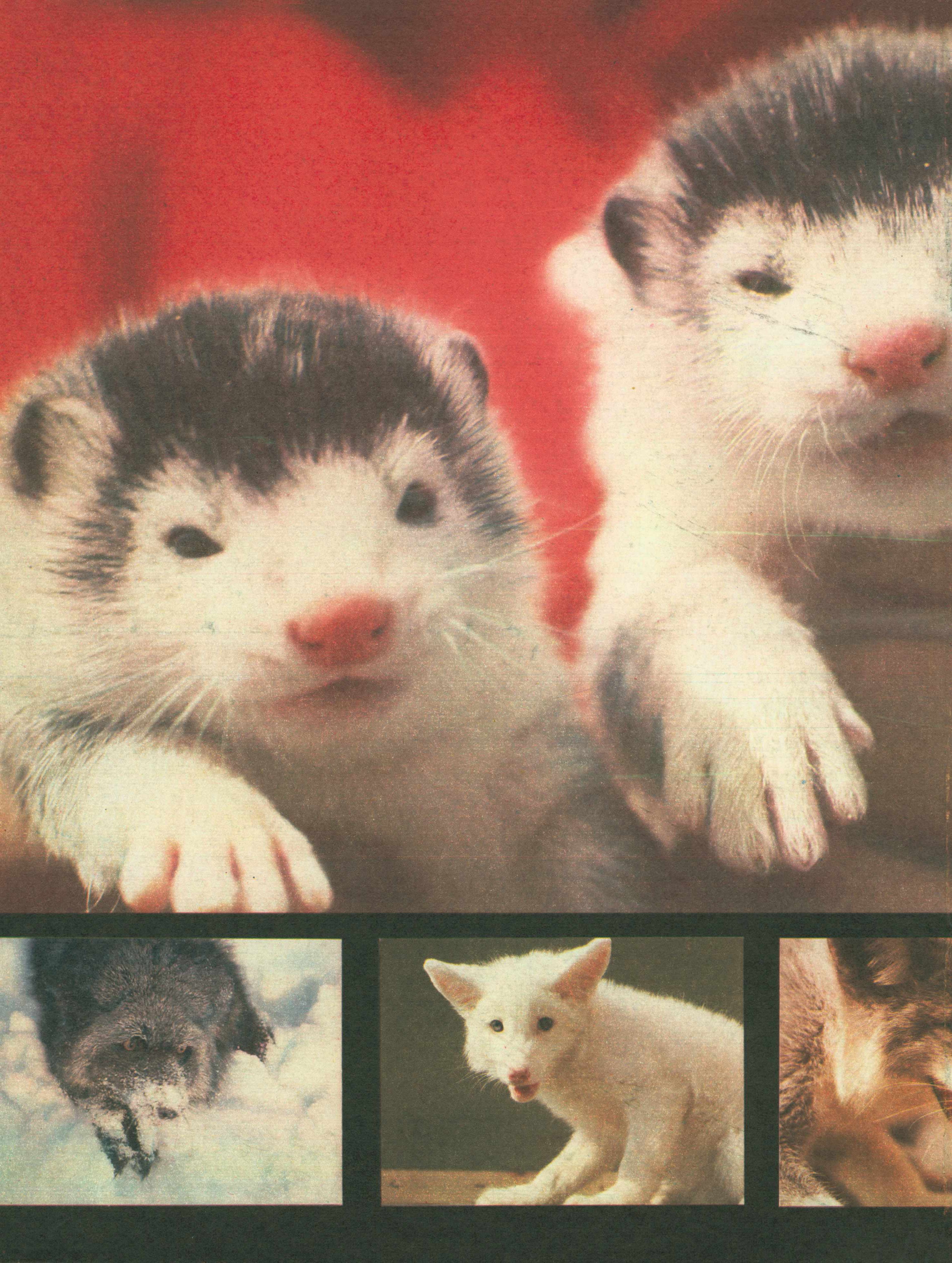
Завершилась операция «Соболь» совсем недавно. Новая порода черный пушкинский была утверждена Государственной комиссией.

Черный пушкинский соболь.

На развороте вкладки:

Питомцы зверосовхоза — норки, соболя, лисицы, песцы разных окрасок. В зимнее время, когда не хватает солнца, малышей облучают ультрафиолетовыми лучами.

Среди ее авторов — А. Т. Портнова, главный зоотехник совхоза Б. А. Куличков, старший научный сотрудник Ю. М. Докукин, бригадир соболеводческой бригады В. А. Мизгрева. Сорокалетний труд увенчался успехом. Теперь вопрос о том, может ли соболь размножаться на фермах, не подлежит дискуссии. Мех пушкинского соболя ценится на международном рынке дороже золота. Достаточно сказать, что шкурка его стоит на сотни долларов дороже великолепного баргузинского, самого лучшего в мире.

* * *

Возле здания правления висит карта Советского Союза. Кружками означены зверохозяйства. Соболиные фермы организованы в шести хозяйствах страны. На некоторых из этих ферм мне приходилось бывать, но нигде я не видела таких ухоженных, красивых зверей, такой чистоты, не встречала столь высоких результатов, как в совхозе «Пушкинский». Это единственный в стране совхоз, продукция которого имеет Знак качества. На пушкинских фермах можно увидеть норок тридцати различных окрасок. В минувшем году зверосовхоз получил сверх плана 13 тысяч щенков норки и в два раза превысил свои социалистические обязательства. Сотрудники совхоза награждены орденами. Высшей награды страны — ордена Ленина — удостоены главный зоотехник Б. А. Куличков, бригадир А. А. Чечель, директор совхоза С. С. Коченов.

В чем же секрет таких успехов? Я спрашиваю об этом первого секретаря Пушкинского горкома КПСС Евсея Григорьевича Аврусина.

— Прежде всего в том, что зверосовхоз стоит на прочной научной основе, — отвечает Евсей Григорьевич. — Здесь еще в тридцатые годы начинали работать многие известные звероводы, биологи, генетики. По существу, они положили начало научно-исследовательскому институту пушного хозяйства и кролиководства, возникшего на базе совхоза. А сейчас здесь создана первая в мире научно-исследовательская лаборатория по соболеводству, полностью укомплектованная исследователями, выросшими в совхозе. Поговорите с директором, он руководит этой лабораторией. У них много интересных планов.

Вы обратили внимание, что в зверосовхозе нет текучести кадров? — продолжает Евсей Григорьевич. — Молодежь уезжает учиться и почти всегда возвращается. Да вы, вероятно, и сами сталкивались с династиями пушкинских звероводов. Интересно, что совхоз даже не мог удовлетворить просьбы всех желающих, кто хотел бы поступить сюда работать. Почему это происходит? Может быть, потому, что профессия звеновода удивительно интересна, хотя и трудна, и еще потому, что в хозяйстве создана творческая атмосфера, поощряется инициатива, самостоятельная научная работа. А такая обстановка всегда привлекает молодежь.

...Научно-исследовательская лаборатория по соболеводству еще очень молода. Она создана в прошлом году. Поэтому меня, признаюсь, удивило, что находится она не в стадии организации, как это должно было бы быть, а уже серьезно работает. А ведь это первый опыт, подобных примеров нет в сельском хозяйстве.

На соболиной ферме я обратила внимание на небольшую, но хорошо оборудованную метеоплощадку. Метеостанция на звероводческой ферме? Зачем? Разве недостаточно, что постоянно передают сводку погоды по области? И какая связь между сводкой погоды и работой зверосовхоза?

Первый в жизни завтрак.

Оперирует В. С. Слугин.

Директор зверосовхоза С. С. Коченов и специалист совхоза Н. Б. Куличкова демонстрируют пушнину — ценнейшую продукцию хозяйства.

Оказывается, связь есть, и немалая. В природе существуют циклы, которые регулируют прирост поголовья зверей. Так происходит и в естественных условиях — в тайге и на фермах. От чего зависят эти циклы? Пока ученые не могут дать однозначный ответ. Не исключено, что зависят они в том числе и от солнечной радиации, космического излучения, температуры воздуха, влажности.

— Задача ученых, — говорит мне директор зверосовхоза Сысой Степанович Коченов, — проследить закономерности, нащупать неуловимые связи в природе. Это поможет делать долгосрочные прогнозы, заранее рассчитывать повышение и спад выхода молодняка.

Наш разговор с Сысоем Степановичем прерывается — в совхоз привезли стеклопластик удивительно красивых, ярких цветов. Я интересуюсь, зачем он нужен.

— Все ищем, из каких материалов и каких цветов рациональнее делать крыши шедов для наших зверей, — говорит директор. — До сих пор покрывали крыши черепицей или шифером. Сейчас построили для опыта со стеклянной крышей. Как будут чувствовать себя там звери? Какой цвет им больше по нраву? Не исключено, что освещенность, ультрафиолетовое облучение влияют на качество меха и плодовитость зверей.

В лаборатории ведутся опыты по ускорению созревания меха у соболей путем сокращения светового дня. Обычно мех у соболя становится красивым и прочным через семь с половиной месяцев. А может быть, можно ускорить процесс, сократив срок до шести или пяти месяцев? Представляете, какого экономического эффекта можно тогда добиться! Мех обычно созревает зимой, когда день короче. Вот почему ученые и стали изучать влияние сокращения светового дня на созреваемость меха.

Сотрудников лаборатории интересует, как влияет на качество меха и плодовитость животных питание. Этому вопросу посвящены работы кандидата биологических наук старшего научного сотрудника Э. Г. Снытко и кандидата сельскохозяйственных наук Ю. М. Докукина.

Однако не все безоблачно в работе сотрудников Пушкинского зверосовхоза. Директор делится со мной своими заботами. Не решен, например, вопрос с централизованным снабжением совхоза кормами. Пушные звери — хищники, требующие много ценных продуктов: мяса, молока, витаминов. Конечно, содержание этих зверей обходится дорого. Но ведь и шкурки их ценятся очень высоко, дают государству стабильную валюту.

Или, скажем, плохо налаживаются связи с заповедниками. Соболь, живущий на свободе в тайге, в заповедниках, и соболь, родившийся на ферме, — это два конца одной общей цепи, разрывать которую нельзя. И не надо противопоставлять соболей, родившихся на ферме и в тайге. И те и другие — бесценный подарок природы. В природе выживает самый сильный, самый здоровый зверь, самый умный, но далеко не всегда самый красивый. Поэтому дикий соболь, безусловно, должен улучшать породу, создаваемую на фермах, но и его самого тоже можно улучшить. Почему бы, например, не выпускать в заповедниках наиболее красивых соболей новой, пушкинской породы, чтобы они улучшили естественного баргузинского соболя, сделав его мех еще прекраснее?

* * *

— Сейчас у меня операция, побеседуем позже, — говорит главный ветеринарный врач Владимир Степанович Слугин. Он старательно моет руки, натягивает резиновые перчатки.

— Серьезная операция?

— Кесарево сечение.

Пациентка — самка песца уже лежит на операционном столе под наркозом. Ее серая остренькая мордочка резко выделяется на белоснежной марле. Вторые сутки она не может разродиться, требуется оперативное вмешательство хирурга.

Слугин работает четко, красиво, лаконично отдает приказания ассистентам.

— Принимай!

И вот черный щенок лежит на ладони. Его старательно растирают, пока не раздается слабый писк новорожденного.

А. Т. Портнова и ее дочь Наташа на соболиной ферме.

— Камфара! — говорит врач. — Готово!

Еще не очнувшуюся от наркоза самку песца выносят в изолятор, а малышей взвешивают, укутывают ватой. На другой день я уже видела их на ферме. Они ловко тянули козье молоко из бутылки с соской.

Кроме десяти тысяч соболей, в зверосовхозе разводят около 80 тысяч норок, семь тысяч лисиц, столько же песцов. И что удивительно, — на всех этих зверей в ветеринарной лаборатории заведены карточки, «краткая история болезни». Предки вписаны в карточку матери. Эта картотека помогает проследить любое заболевание, оставлять на племя идеально здоровых животных.

Каждое утро на фермах можно встретить людей в белых халатах, с чемоданчиками с синим крестом. Это сотрудники ветеринарной лаборатории. Они проводят медицинский осмотр.

Регулярно делаются прививки животным против самых разных заболеваний. И здесь совхоз тоже может похвастаться медицинскими новинками. Взять хотя бы аэрозольную иммунизацию против чумы.

Выглядит этот небольшой аппарат совсем просто. Цилиндр с вакциной, два распылителя. Аэрозольный генератор подносят к домику, где живет зверек, — секунда, и прививка сделана без иглы и шприца. Животное вдохнуло мельчайшие частицы вакцины, распыленной струей сжатого воздуха.

Новый метод не только экономичен, выгоден в санитарном отношении, но и повышает качество иммунитета. Дело в том, что заражение чумой происходит как раз через органы дыхания. Значит, и вакцина против чумы должна попадать в организм тем же естественным путем. Этот метод разработан институтом ветеринарной вирусологии и микробиологии, с помощью сотрудников Пушкинского зверосовхоза испытан и впервые нашел здесь столь широкое применение.

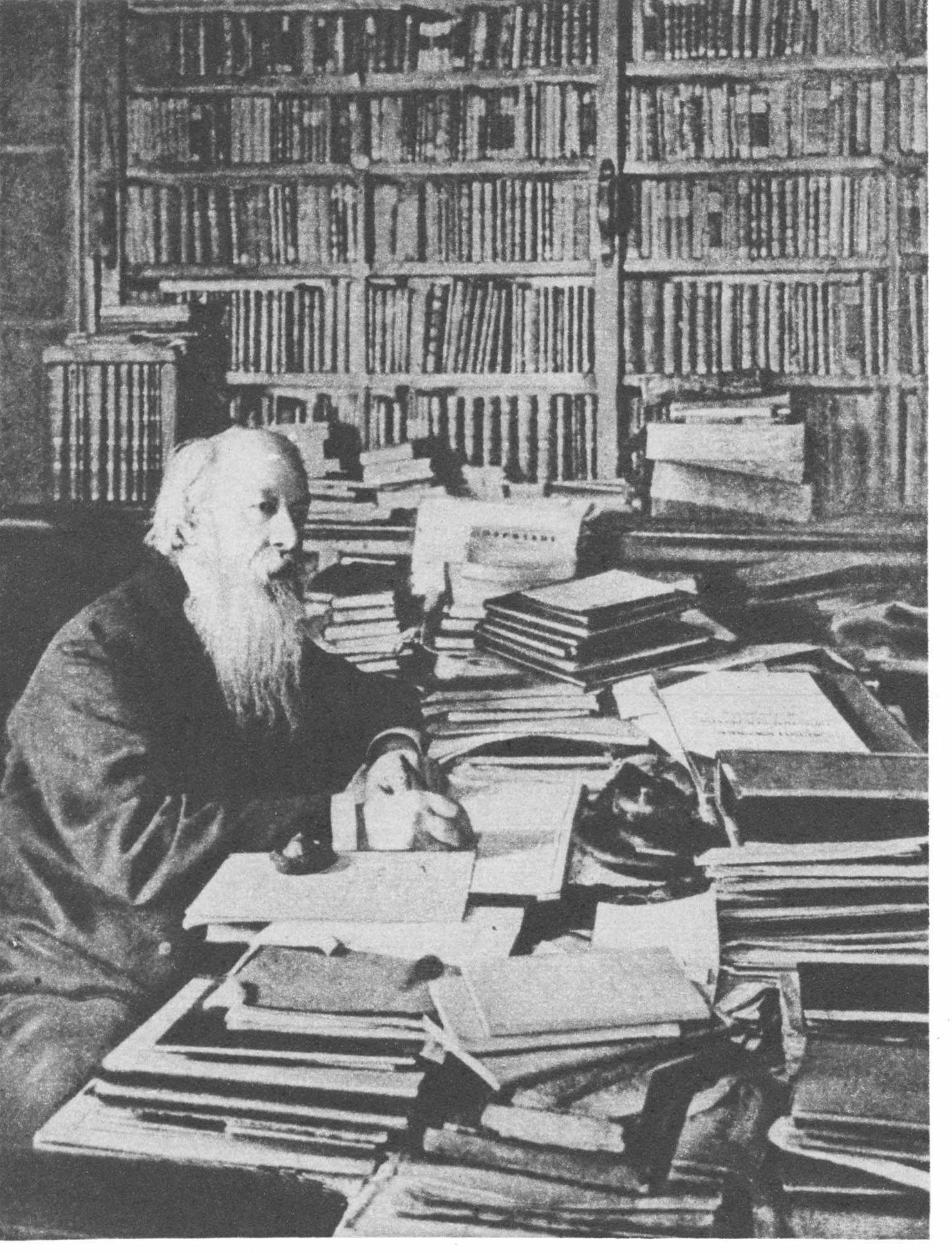
* * *

Породы норок самых различных окрасок, и черный пушкинский соболь уже прославились на мировом рынке. Над созданием каких пород пушных зверей работает лаборатория сегодня?

«Наша мечта вывести голубого соболя», — говорили мне работники совхоза. Сколько на это потребуется лет? Трудно сказать.

Да, биологический эксперимент — один из самых долгих и трудных. Надо уметь заглянуть на десятки лет вперед, по мельчайшим признакам представить себе животное еще не созданной породы и постепенно «лепить» его. И еще надо запастись терпением и ждать, ждать. Иногда даже человеческой жизни не хватает, чтобы начать и завершить биологический эксперимент.

Операция «черный соболь» блестяще удалась, осуществление операции «голубой соболь» еще впереди...

В. В. Стасов в Публичной библиотеке.

С Т

А. ЛЕБЕДЕВ

14 января 1974 года исполняется 150 лет со дня рождения крупнейшего русского художественного и музыкального критика — Владимира Васильевича Стасова.

Наследуя и развивая в новых условиях заложенные им традиции прогрессивной критики, советская художественная общественность широко отмечает этот юбилей, воздавая должное памяти выдающегося деятеля отечественной культуры.

Передовая Россия всегда высоко ценила Стасова. Герцен, с которым Владимир Васильевич был связан узами личной дружбы, выражал ему свою большую симпатию, Н. Г. Чернышевский испытывал к нему чувства «благодарности и уважения».

Старейший деятель большевистской партии М. В. Фофанова вспоминает, как отозвался о Стасове великий Ленин. В бурные дни кануна Октябрьской революции Владимир Ильич скрывался в петербургской квартире Фофановой, служившей ему последним подпольным убежищем. И там, прочитав журнал «Солнце России», посвященный памяти Стасова, Владимир Ильич говорил о замечательном критике, «как о личности выдающейся и обогатившей передовую русскую культуру».

Заслуга Стасова перед отечественной культурой имела поистине историческое значение. Своей музыкальной и художественной критической деятельностью он в огромной мере способствовал грандиозному расцвету русской музыки и русского изобразительного искусства. Этот расцвет, наметившийся еще в первой половине и середине прошлого столетия, окончательно определился во второй половине XIX — начале XX века.

...В. В. Стасов родился в 1824 году в Петербурге, в семье известного архитектора В. П. Стасова. Окончив училище правоведения, он служил чиновником в различных учреждениях. Но с юных лет Владимир Васильевич страстно интересовался искусством и музыкой. Этот глубокий интерес и определил в дальнейшем судьбу Стасова, его деятельность. Карьеру государственного чиновника, к которой готовило его училище правоведения, Стасов отверг довольно решительно. Ему были глубоко тягостны безликие чиновничьи обязанности, будь то в межевом департаменте сената, где приходилось заниматься земельными распрями и разбирательствами, или в министерстве юстиции. Случай помог ему порвать со всем этим.

В мае 1851 года Стасов принял предложение богача А. Демидова, ставшего в Италии князем Сан-Донато, поступить к нему на службу секретарем, подал в отставку и уехал в Италию.

Время, проведенное в этой стране, очень много дало будущему критику. Он в подлинниках изучал великие творения европейского искусства. И эти знания впоследствии долгие годы будут ему полезны тогда, когда он весь отдастся служению родному искусству.

Возвратившись на родину, Владимир Васильевич уже не мыслит своей деятельности вне судеб русского искусства и ищет пути для того, чтобы иметь возможность влиять на него. Поступив на службу в Публичную библиотеку, Стасов начинает выступать с критическими статьями по вопросам искусства.

В 1856 году в журнале «Современник» была напечатана статья Стасова «О голландской живописи», в которой он опровергает консервативные воззрения М. Дмитриева-Мамонова на голландскую реалистическую школу. Н. Г. Чернышевский, принявший к публикации стасовскую статью, рассказывая в письме к Некрасову о содержании XII номера журнала «Современник», так отозвался о ней: «В «Науках» —...небольшая статейка Стасова «О голландской живописи» — недурная». Это, казалось бы, весьма скупое слово одобрения вместе с тем говорит о многом. И главное о том, что уже с первых своих выступлений на художественно-критическом поприще Стасов встал в один строй с самым передовым отрядом русской общественной мысли — революционными демократами. И до конца своих дней он был горячим и неотступным приверженцем эстетических взглядов Белинского, Чернышевского, Герцена.

Расцвет критической деятельности Стасова падает на пореформенную эпоху. То было время, когда в России развернулась ожесточенная борьба демократических сил за прогрессивный путь развития страны. Эта борьба способствовала рождению нового искусства глубокой жизненной правды, питаемого демократическими идеалами, волнующего широкие массы и понятного им. Взлет отечественного искусства в пореформенный период был прямым следствием и выражением бурного развития русского освободительного движения, нарастания в России революционной ситуации.

Стасов стоял у колыбели мятежного искусства критического реализма, утверждавшего демократическую идейность и народность, он неустанно помогал развитию, победе, расцвету этого искусства. Горячий поклонник и страстный пропагандист творений М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, П. А. Федотова, А. А. Иванова — гениев передового искусства предыдущей эпохи, великий критик во второй половине XIX и начале XX столетия выступил идейным руководителем, защитником и популяризатором творчества художников-передвижников, композиторов «Могучей кучки» и музыкантов «Беляевского кружка». В статьях, письмах, беседах он ставил перед художниками-передвижниками и композиторами-«кучкистами» все новые, более и более сложные творческие задачи, вел их вперед, побуждал к постоянному совершенствованию, повышению идейно-художественного уровня творчества, знакомил с достижениями мировой культуры, с передовыми идеями эпохи. Воспитывая в художниках патриотизм, верность демократическим идеалам, он предостерегал их от самоуспокоенности и самодовольства, от ложных дорог, мелких и ничтожных целей творчества. Стасов первым, с глубоким убеждением и талантом народного трибуна утверждал великое значение лучших произведений В. Г. Перова, И. Н. Крамского, И. Е. Репина, В. И. Сурикова, В. Е. Маковского, В. В. Верещагина, И. М. Прянишникова, И. И. Шишкина, А. К. Саврасова, В. М. Максимова, В. А. Серова, М. И. Глинки, М. А. Балакирева, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, А. П. Бородина, Ц. А. Кюи, А. К. Глазунова, А. Н. Скрябина и многих, многих других. Стасов самоотверженно помогал своим друзьям — художникам и композиторам в их творческом труде, давая советы, участвуя в разработке сюжетов и сценариев произведений, подбирая биографические, иконографические, архивно-исторические, литературоведческие материалы. Владимир Васильевич боролся за исполнение в концертах и на оперной сцене произведений новой русской музыки, сражался с царской цензурой, калечившей творения отечественных композиторов, выступал с обличением властей, снимавших с репертуара и запрещавших оперы Глинки, Мусоргского, Даргомыжского. Он пробивал дорогу на театральную сцену произведениям передовых русских композиторов.

Расчищая пути развития новому искусству, Стасов подверг беспощадному разгрому господствовавшие устаревшие, обветшавшие, но чрезвычайно живучие идеалистические эстетические взгляды и представления. Он обличал ничтожность и пустоту идеализирующего искусства ложного классицизма, которому покровительствовало самодержавие. Борясь с принципами, эстетикой и искусством ложного классицизма, критик-демократ обрушивал свои критические громы против главного центра этого искусства — царской Академии художеств.

АСОВ

В свое время, в конце XVIII и первой половине XIX века, Академия сыграла большую положительную роль в развитии отечественного искусства. Но в пореформенный период она отгораживала искусство от жизни, от народных интересов и передовых идей. Она стала задерживать и тормозить развитие реалистического демократического искусства, цепляясь за устаревшие, возникшие еще в крепостнические времена эстетические нормы, порядки, взгляды. Стасов выступал против принижения искусства до роли усладителя и развлекателя господствующих сословий, против подражательности и безыдейности творчества, против низкопоклонства перед иностранщиной, декадентско-формалистических и натуралистических извращений, против лозунга «искусство для искусства». Он говорил, что искусство для художника-реалиста должно быть не «чистописанием» и «каллиграфией», а воплем души, страстным и вдохновенным выражением переполняющих его чувств и мыслей, конечным выводом из долгих сознательных дум. «Весь... океан русских людей, жизни, характеров, отношений, несчастья, невыносимой тягости, приниженности, зажатых ртов — всего этого,— с возмущением писал Стасов о художниках, которые не замечали и не хотели видеть жизни и бедствий народа,— словно никогда не бывало на свете, словно это вовсе до искусства и не касается!» И горячо приветствовал выдающийся критик те таланты русского искусства, которые отдавались «щемящему чувству негодования и боли», которые «наполняют свои картины и статуи не одним выражением сытого любованья и праздного довольства, не одними сибаритскими восторгами от всего существующего, но и негодованием, презрением, болью и отвращением к тому, что им больно, что их возмущает, что их мучит», которые «были и сердцем, и душой, и всем существом своим с остальным народом... болели его угнетением и несчастьем, следили жадным взором за всем, что тогда делалось, за всеми людьми, событиями, и... несли свою собственную жизнь на спасение отечества от врагов». «Нет ничего выше, сильнее и важнее,— говорил он,— как те места их произведения, где стоит фигура народа во всей правде, во всей неподкрашенности, во всей суровости».

Требования Стасова к новой музыке в значительной мере выражены словами А. С. Даргомыжского, которые критик высоко ценил и неоднократно цитировал: «Рутинный взгляд их (т. е. большого числа любителей музыки и рецензентов.— Прим. **А. Л.**) ищет льстивых для слуха мелодий, за которыми я не гонюсь. Я не намерен снизводить для них музыку до забавы. Хочу, чтоб звук прямо **выражал** слово. Хочу правды».

Итак, Стасов отводил искусству высокую и почетную общественную задачу идейно-эстетического воспитания масс в духе демократических идеалов, ратовал за «тенденциозное», то есть идейное, последовательно демократическое искусство, которое живет интересами трудового народа, болеет его горем, выражает его думы и стремления, решительно защищает его. Единственно только и нужным для своего и будущего времени он считал искусство, «которое воспроизводит живую действительность, живого человека, истинный мир».

Следуя завету Н. Г. Чернышевского, выдающийся критик с железной последовательностью и неутомимостью на протяжении более полувека выдвигал перед художниками задачу вынесения в своих произведениях «приговора» явлениям и событиям действительности. Он ставил перед художниками задачу правдивого изображения красоты, мудрости и силы простого трудового народа, выражения его сокровенных дум и чаяний, показа его освободительной борьбы, возвеличения его героических заступников. Он звал к беспощадному обличению буржуазно-крепостнических порядков, калечивших народ, к осуждению угнетателей народа. Так он боролся за то, чтобы поставить задачи развития нового русского искусства, новой музыки в прямую связь с жизненными интересами трудового народа своей эпохи, с задачами прогрессивного исторического развития России и потребностями русского демократического освободительного движения. И когда родные Стасова попытались кратко определить самую суть всей его гигантской и необычайно кипучей деятельности словами, что он «проповедует свободу», критик воскликнул: «Это сущая правда, и это самый первый «член» моего «Символа Веры»! А в письме к дочери от 4 марта 1889 года он написал: «...Я весь в работе и в деятельности для России и будущего времени».

Страстно борясь за отражение в искусстве русской действительности, русской жизни, Стасов был чужд национальной ограниченности и «квасного» патриотизма. Он приветствовал обращение русских художников к событиям и зарубежной жизни, если она была хорошо изучена и волновала их. Великолепно зная высшие достижения мирового искусства, он их высоко ценил и призывал художников учиться на них. Особенно любил он Рембрандта, Гальса, Веласкеса, Рубенса, Гойю, Курбе, Мункачи, Матейко, Баха, Бетховена, Моцарта, Берлиоза, Листа...

Стасов в течение всей жизни ратовал и за совершенствование формы искусства. Мудро и современно звучат стасовские слова: «Искусство есть такое важное, такое серьезное и нужное для нашей жизни дело, что любоваться только красивостями форм, линий и красок — безумно и преступно; довольствоваться только рассмотрениями мастерства производства и определениями одной лишь этой ценности — непозволительно и нелепо. Конечно, истинное произведение искусства должно заключать в себе полное мастерство, полное владение формой, полную свободу в употреблении средств искусства: истина форм должна стоять на одной высоте с истиной содержания, но никоим образом ни та, ни другая отдельная сторона не должна преобладать в ущерб другой».

Воплощенные в творениях художника верность жизненной правде, глубокое проникновение в общественные отношения и человеческую психологию, вдохновленность идеями борьбы за социальную справедливость и демократические идеалы, совершенная художественная форма, адекватная содержанию, являлись для критика признаками высокого искусства. Владея таким верным критерием оценки, Стасов сумел выделить среди тысяч произведений и поднять в глазах общественного мнения сотни действительно великих и значительных созданий, выдержавших испытание временем. Пестуемое и поднимаемое Стасовым искусство критического реализма имело в России огромное идейно-эстетическое воспитательное значение, оно раскрывало глаза на самодержавную действительность.

Статьи Владимира Васильевича обращались не только к художникам и музыкантам, но и к широчайшим массам читающей публики. Художественная критика была для Стасова средством беспощадного осуждения самодержавных порядков. И он выступал воспитателем передовой читающей публики, он будил чувство гражданского долга, совесть людей, революционизировал сознание масс. Если Стасов требовал от художников вынесения «приговора» изображаемым ими событиям жизни, то и сам он в своих художественно-критических статьях постоянно выносил такой «приговор». Разбирая художественные произведения или анализируя события художественной жизни, он, отталкиваясь от этого, давал свою, демократическую **оценку** явлениям общественного строя. Стасов рассматривает картину или скульптуру часто таким образом, как будто перед ним предстает сама реальная действительность, живая жизнь, а не ее изображение. Это усиливало публицистический пафос критических выступлений Владимира Васильевича, умножало силу воздействия его «приговоров».

Анализируя картину Г. Г. Мясоедова «Засуха», Стасов писал:

«...Пустынное поле с потрескавшейся землей и неумолимо раскаленным небом. Почва изныла от бездождья, бедные люди — тоже. Эти работяги, которые только своим полем и живы, совсем наконец выбились из сил, всякую бодрость и надежду потеряли, пошли, сложились своими медными пятаками и позвали попа — молебен служить на поле... По их лбам и щекам, по их бороде и платью яркими пятнами и длинными полосами лежит солнце, иные тоже должны щуриться и морщиться от этого несносного солнца..., но какие выражения повсюду, какие глаза, какие истомленные лица, какая бедность и нужда, какая горячность на потухающих лицах сморщенных старух, какое мужественное, даже среди крайней беды, выражение у этих мужиков с бронзовыми мускулами, какие великолепные головы рядом с усталыми фигурами, какие красивые молодые женщины... какие характерные нищие и слепцы, со своими бельмами и поводырями! Вся картина — один стон и вопль наболевшей души».

О картине Н. В. Неврева «Торг», изображающей продажу помещиком крепостной женщины, мы читаем у Стасова: «Посмотришь единую секунду на эту картину, и русская история теснится тебе в душу; долгие столетия и бесчисленные поколения, замученные, неотмщенные и поруганные, проносятся перед воображением».

О главном персонаже картины П. А. Федотова «Свежий кавалер» критик писал: «Взгляните этому чиновнику в лицо. Перед Вами понаторелая, одеревенелая натура, продажный взяточник, бездушный раб своего начальника, ни о чем уже более не мыслящий, кроме того, что даст ему денег и крестик в петлицу. Он свиреп и безжалостен, он утопит кого и что хотите — и ни одна складочка на его лице... не дрогнет. Злость, чванство, бездушие, боготворение ордена, как наивысшего и безапелляционного аргумента, вконец опошлившаяся жизнь — все это присутствует на этом лице, в этой позе и фигуре закоренелого чиновника...»

В замечательной статье «Итоги нашей портретной выставки» в связи с устроенной в начале XX века в Петербурге экспозицией портретов русских деятелей Стасов обвинил ее устроителей в том, что они показали массу царских портретов, «ничем не оправдываемую, малоинтересную и ничего не объясняющую», множество портретов князей и графов, которые ничего не сделали для России, в то время как на выставке отсутствовали портреты деятелей освободительного движения,— «наших народных трибунов и проповедников народной правды» — Радищева, декабристов, Герцена.

Под столь же могучей стасовской защитой была новая русская музыка. «У нас,— писал критик,— существует настоящее гонение на русские оперы. Надо полагать, что для наших казенных театров нет никакой надобности в талантливых русских операх. Их там преследуют. Их там презирают... Но каково было сносить все подобное тем, кто понимает цену своему отечеству, своему народному творчеству, кто дорожит своею национальностью и ее истинным искусством! Каково смотреть

на обезьян и прихвостников лжеевропейства, по-свойски распоряжающихся тем, чего не понимают?» О М. П. Мусоргском и его операх Стасов говорил: «А когда, несмотря на все беспощадные трудности жизни, все-таки создавал крупные, великие произведения, которыми, конечно, будет гордиться будущая Россия, всякий раз, со стороны власть имущих в музыкальных делах наших, употребляемы были всевозможные усилия для того, чтобы задавить эти произведения, не дать им выглянуть на свет».

Какое смелое обличение самодержавных порядков и властей, какой протест против несправедливости, невежества и подлости звучит в словах Стасова, сказанных по поводу мучительной и страдальческой судьбы Мусоргского:

«И так прошла вся его жизнь. Какая печальная участь лучших художников в нашем отечестве! Все они должны бесчеловечно настрадаться, пока живы. Исключений почти нет».

В связи с увольнением Н. А. Римского-Корсакова из Петербургской консерватории в 1905 году Стасов гневно писал: «Глинку разные «распорядители» сглодали и замучили, Даргомыжского — сглодали и замучили, Мусоргского и Бородина — тоже, Балакирева — тоже; теперь дошло дело до Римского-Корсакова. Какое отвращение! Какой стыд!»

Влияние статей Стасова было большим прежде всего потому, что они опирались на самую передовую в домарксистский период материалистическую эстетическую теорию русских революционных просветителей.

Широким кругам русской публики импонировал демократизм взглядов Стасова, его стремление приблизить искусство к народу и содействовать тому, чтобы оно было рупором народных интересов.

Передовая идейная направленность творчества сочеталась у Стасова с талантом, могучей энергией, страстной убежденностью и колоссальной эрудицией. Стасов являлся одним из образованнейших людей эпохи. Свободно владея несколькими языками, он тщательно следил за всей мировой литературой, великолепно изучил европейские музеи, превосходно знал театр, историю русской и европейской музыки. Мало кто мог сравниться с ним в знании европейской гравюры. Его деятельность была оценена многими отечественными и зарубежными научными и художественными обществами. Российская Академия наук избрала его своим почетным членом, а Академия художеств — «почетным вольным общником». Наряду с боевым демократизмом, научной основательностью статьи критика подкупали своей удивительной живостью, ярким, образным литературным изложением, искрами юмора.

Изучая лабораторию критической деятельности Стасова, нельзя не сказать о его блестящем полемическом мастерстве, способности уничтожающе высмеять рассуждения противника, об убедительности его аргументации. Споря, например, с порицателями репинского «Протодьякона», который казался им грубым, Стасов язвительно говорил о них, что они «жаловались на выбранную натуру, находили оригинал противным, отталкивающим, уверяли, что ни за что не хотели бы, чтобы подобный «отвратительный» субъект висел у них перед глазами, в их кабинете. Уморительные люди! Точно вся живопись на то только и существует, чтобы висеть у них на стене в кабинете! Но... если так, то надо уже зараз повыкидать вон из музеев сотни гениальных картин величайших нидерландцев XVII века, тоже «отвратительных»; а если что отталкивает здоровое чувство, что в самом деле противно, то это разве те картины с голыми нимфами, паточными и «грациозными», которых ни один из всех этих охранителей истинного искусства не задумался бы повесить у себя на веки веков на стене кабинета. Вот что им нужно. Прилизанная ложь и ничтожество никому не противны, одна только здоровая правда страшна и негодна».

Покровительственно-снисходительное признание иностранной печатью успехов нового русского реалистического искусства выражалось обычно в том, что тех или иных русских художников признавали близкими французской или английской художественной школе. Стасов зло высмеивал этот прием зарубежных критиков, наклеивающих иностранные ярлыки на русское искусство. «И в самом деле,— иронизировал он,— как это вдруг пустить гулять по свету новых выскочек так просто, без дядьки, без батожка? Все лучше, для порядка, к кому-нибудь да их пристроить».

«Неужели радоваться таким результатам? — восклицал критик.— Какое счастье, какое восхищение! Сами иностранцы нас похвалили! Сами французы и англичане нашли, что мы умеем держать кисть в руках, наносить краски на холсты, чертить руки и ноги. Что за неизреченная милость с их стороны, что за честь! Неужели целому народу меньше стыдно, когда его так хвалят, чем отдельному человеку то, когда про него скажут: о! Да он меньше глуп, чем мы думали! И еще этим хвастаться и гордиться?»,— высмеивал Стасов тех, кто с гордостью ссылался на покровительственные отзывы некоторых иностранцев о показе русского искусства на Лондонской всемирной выставке 1862 года (показе крайне неудачном в смысле отбора чисто академических произведений и плохой их экспозиции).

Когда в опере Мусоргского «Борис Годунов» дирекция императорских театров выбросила пятый акт со сценой народного восстания, который Стасов считал значительнейшим, критик обличал инициаторов этого «усекновения».

«У Мусоргского,— писал Стасов,— был пятый акт в его опере — венец всего создания, выше и глубже всего по концепции, по национальности, по оригинальному творчеству, по силе мысли — так поскорее долой его, этот ненавистный акт, которого мы, дескать, не понимаем по нашим кухонным привычкам, который до того выходит по своей самобытности и новизне из театральных привычек! Что за дело, что тут выражена с изумительным талантом вся «Русь пододонная», поднявшаяся на ноги со своею мощью, со своим суровым, диким, но великолепным порывом в минуту навалившегося на нее всяческого гнета; что за дело, что тут с чудным вдохновением и мастерством представлены разнородные исторические элементы тогдашней Руси, взрытой до самого сердца и издавшей стон ужаса и просыпающейся силы; что за дело до всего, что Мусоргскому удалось тут представить,— вон его, вон его, этот пятый акт, он слишком талантлив!»

Стасов внес огромный вклад в сокровищницу русского искусства также и тем, что создал капитальные монографические исследования о Глинке, Даргомыжском, Бородине, Серове, Иванове, Ге, Шварце, Верещагине, Репине, Васнецове, Антокольском и других, собрал и издал материалы, статьи, письма многих из них. Немалое число выдающихся произведений русских композиторов сохранилось и дошло до нас только благодаря стасовскому энтузиазму в деле собирательства документов и материалов русского искусства. Стасов помог собрать и опубликовать также эпистолярное наследие Берлиоза и Листа. Он страстно пропагандировал искусство этих выдающихся композиторов.

Обращаясь к Стасову, М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов, А. К. Лядов, И. Н. Крамской, В. Е. Маковский, В. Д. Поленов, И. И. Шишкин, Н. А. Ярошенко в теплых душевных словах выражали ему свою глубочайшую благодарность за то, что он сделал для развития и пропаганды их творчества, свою оценку его роли в развитии отечественного искусства: «Вы, как блестящий светоч, указывали нам путь и своим горячим словом всегда воодушевляли нас в стремлениях к правде, добру и красоте». А. М. Горький, М. П. Мусоргский, М. М. Антокольский, Д. И. Менделеев оставили полные самой горячей симпатии отзывы о деятельности и личности выдающегося критика. «Как подымаюсь, как воодушевляюсь с

В. Стасов в кругу друзей на даче в Старожиловке (И. Я. Гинцбург, В. В. Стасов, Ф. И. Шаляпин и А. К. Глазунов).

В. Стасов, М. Горький и И. Репин в Куоккала.

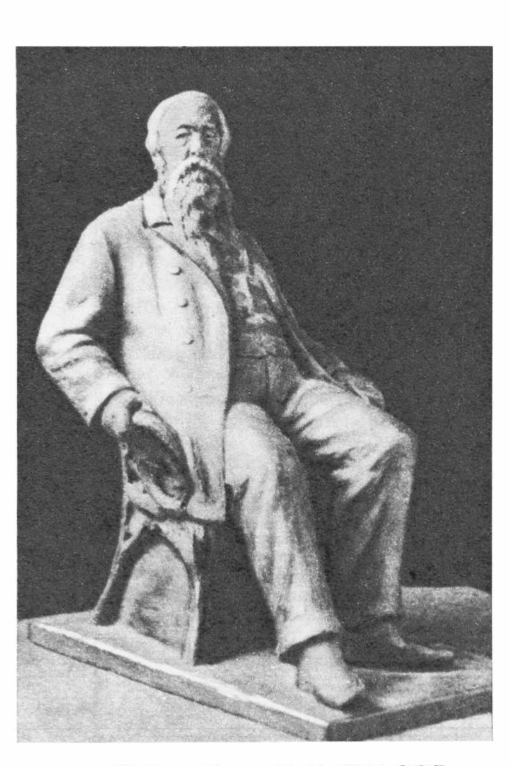

каждым Вашим письмом, с каждой Вашей статьей, книгой!!!» — писал Стасову великий Репин, и называл Стасова вождем новой русской реалистической художественной культуры. «Всегда, как только на пути моем встречались трудности и я нуждался в добром совете,— говорил Ф. И. Шаляпин,— я шел к Стасову, как к отцу. Иногда даже нарочно приезжал из Москвы, поговорить с ним, и не было случая, чтобы Владимир Васильевич не помог мне». М. М. Антокольский в одном из писем к Стасову говорил: «Я горжусь дружбой такого великого гражданина, как Вы, носившего в себе такую великую душу, души которого хватает на всех и все, что дорого русскому искусству и человеческому вообще». Русские художники (особенно Репин) создали многочисленные портреты Стасова, композиторы посвятили ему свои произведения: Мусоргский — оперу «Хованщина», сюиту «Картинки с выставки», романсы «Озорник», «Жук» и другие, Балакирев — музыку к «Королю Лиру» и т. п.

Процесс развития нового русского искусства был невероятно мучительным, поскольку царское правительство сознательно душило ростки новой прогрессивной художественной мысли и творчества. Да это и понятно. Ведь новое демократическое искусство было направлено своим острием против существовавших в России варварских общественных порядков. Деятельность В. В. Стасова вызывала гнев правивших кругов, озлобление членов императорской фамилии, ненависть реакционной и либеральной прессы. Выдающегося критика арестовывали, подвергали обыску, его корреспонденцию перлюстрировали. Но Стасов был непоколебим в своих позициях и до конца жизни оставался верным демократическим убеждениям.

С середины 1890-х годов освободительное движение в нашей стране вступило в новый, пролетарский период своего развития. Сохраняя демократические убеждения, Владимир Васильевич с глубоким интересом и симпатией следил за пролетарским революционным движением, сочувствовал ему, восхищался парижскими коммунарами. Он выписывал и читал ленинскую «Искру», всячески поддерживал свою племянницу— большевичку Е. Д. Стасову и ее соратников. Владимир Васильевич выдвинул кандидатуру М. Горького в состав членов Российской Академии наук.

Нельзя не преклоняться перед тем, что, будучи уже глубоким стариком, на закате своих дней, Стасов не только принял, но и восторженно одобрил произведения Н. А. Касаткина, С. В. Иванова, в которых нашли выражение идеи пролетарской революции. Он взял под защиту подвергавшегося гонениям М. Горького. Со страстной убежденностью он писал тогда, что Горький в своем творчестве «затрагивал глубочайшие душевные и жизненные вопросы современной России и выносил на свет великие новые сокровища русского духа и русской натуры», что его творчество наполняет «вечная мечта о счастье и несравненной великой будущности человечества», что он продолжатель славных традиций русской литературы. Стасов настойчиво советовал Репину написать картину, в которой были бы изображены как светочи родины не только деятели дворянского и разночинского периодов революционного движения, но и пролетарские революционеры, социал-демократы.

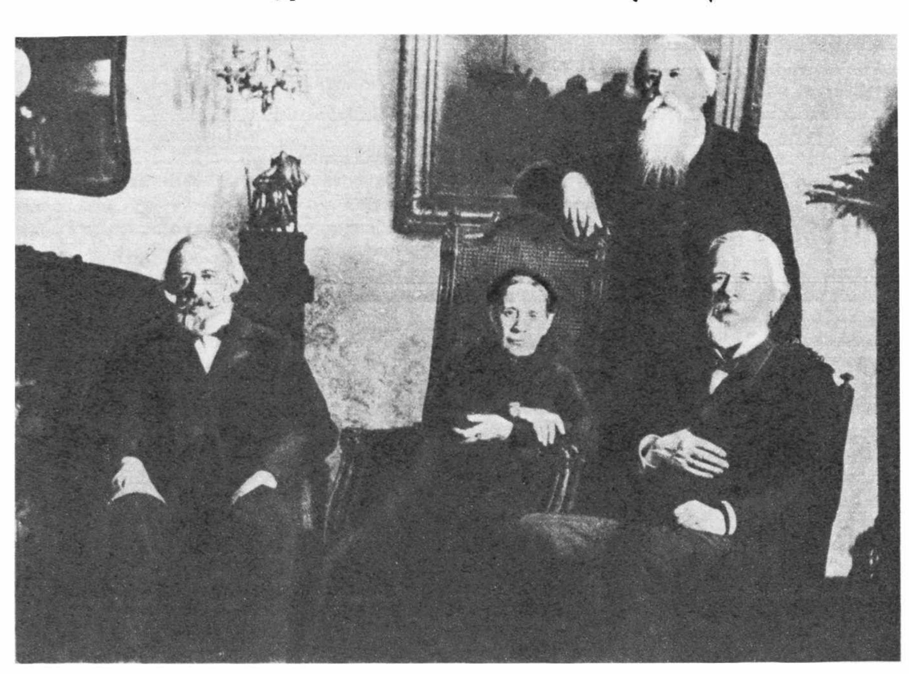

И. Гинцбург. В. В. СТАСОВ. Статуэтка.

В. В. Стасов у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Семья Стасовых: А. В. Стасов (слева), Н. В. Стасова, Д. В. Стасов и В. В. Стасов (стоит).

Деятельность В. В. Стасова как художественного и музыкального критика, содействовавшего развитию передовой отечественной культуры, является ярким образцом искусствоведческого и музыковедческого труда. И советские критики могут найти в этой деятельности для себя много полезного и ценного. Дело не только в глубокой принципиальности Стасова, демократизме его взглядов, верности его общих методологических, эстетических позиций, страстности их защиты. Изучение и развитие самих методов, способов, приемов критики, несомненно, могут обогатить творческий арсенал наших критиков. Примечателен стасовский анализ художественного произведения, который начинается с содержания, рассматриваемого как ведущее начало, и переходит к зависимой от него форме, а оценка вытекает из сопоставления изображения жизни с самой реальной действительностью и находится в прямой зависимости от глубины и правдивости постижения ее художником. Поучителен и подход Стасова к художнику, забота о развитии его мировоззрения, о воспитании и укреплении в нем патриотизма, демократических убеждений. Признавая большие заслуги Стасова, нельзя не отметить и наличия у него некоторых ошибочных представлений. Однако эти ошибки несоизмеримо малы в сравнении с положительным вкладом, внесенным Стасовым в отечественную культуру.

Память о Стасове — выдающемся воспитателе, мудром наставнике, талантливом пропагандисте и защитнике русских художников и музыкантов-демократов навсегда останется в сознании и душе народа, как и память о неотделимых от него гениях русской национальной культуры — Перове, Репине, Сурикове, Мусоргском, Бородине, Римском-Корсакове, Шаляпине...

«Гонец» и «Зов» — это две части триптиха, объединенного общим названием «Зов». Первая часть триптиха «Урочный час» была опубликована в журнале «Огонек» (№ 32, 1971 г.).

З

ГОНЕЦ

1

Когда вечерней и ночной порой
Я снова бьюсь над непослушным словом,
И ум обманут призрачной игрой,
И мгла вокруг сгущается сурово,
Мне кажется — и это не впервой —
Я различаю голос Льва Толстого.
Он эхом отзывается в тиши:
— Коль можешь не писать, так не пиши.

2

Ты, право, ратоборствуешь напрасно
С самим собой, когда внутри гроза.
И зря кого-то уверяешь страстно,
Что, дескать, вот такая полоса,
А поначалу было так прекрасно.
Уж открывались сами небеса.
И грезил ты уж наяву о чуде.
Но этот гомон! Но галдеж! Но люди!

3

Скользит в руках прерывистая нить.
И все вокруг и глухо и незряче.
Как уловить, как нить соединить
И как понять, что неудача значит?
Ремесленник лишь жаждет обвинить,
Свалить хоть на кого-то неудачи.
Когда б не шум, когда бы не среда,
Тогда бы он... А что бы он тогда?

4

И неужели отзвук убежденья
И в самом деле в глубину проник,
Что сокровенный труд и вдохновенье —
Игрушка сил и чуждых и чужих
И что, конечно, лишь уединенье
Тебе подарит просветленный миг,
И в синеве, заворожившей веси,
Ты обретешь и вправду равновесье.

5

Тогда уж лучше верить в волшебство
И кем-то продиктованные строки,
Коль ты сейчас не ведаешь того,
Что сам в себе ты все несешь истоки,
Коль силу сердца, духа твоего
Растрачиваешь только на упреки,
Коль так зависит твой смятенный дух
Лишь от того, что обступает вдруг.

6

Опять твои колеблются устои,
И мысли пропадают в пустоте,
И раздраженный этой суетою,
Привыкший даже к этой суете,
Объединить ты хочешь красотою,
Соединить ты хочешь в красоте,
Врачуя, призывая, утешая...
Кого? Людей, которые мешают.

7

Зачем искать заветные места
С их тишиной и далью неизменной,
Когда опять твоя же суета
Вторгаться будет в мир твой сокровенный.
Ты жаждешь красоты. А красота —
Гармония твоя со всей вселенной
И единенье с миром и людьми
(Прости уж мысль банальную) в любви.

8

Ни в чем в другом, а только в этом,
в этом —
Ее простой и радостный секрет.
Есть в красоте торжественность завета.
Есть праздничность. Но праздности в ней
нет.
Она поклон нахлынувшему свету.
Она воскресший внутренний твой свет,
Что растворяет без остатка, разом
Твой вечно сомневающийся разум.

9

Не правда ли, ты помнишь этот пыл?
Тебе доступно было это чувство.
Ты все забыл. Ты сам себя забыл.
Одно осталось: преданность искусству.
Ты слился с ним. Ты сам искусством был.
А мысли где ж, толпившиеся густо?
Ты разве помнил в вихре и труде
О нервах и о прочей ерунде?

10

Что ж. Не спеша обсудим и рассудим:
Мы прежние с тобою иль не те.
В сто раз к себе еще пристрастней будем,
Коль подошли к решительной черте.
Ты красоту несешь сегодня людям?
Или себя ты ищешь в красоте?
И слово «Я» торжественно-сурово
Перед картиной воздвигаешь снова?

11

Неужто ты единственный? Творец,
Сам по себе взлетевший так высоко?
Неужто ты не чуешь наконец
Стремительно несущихся потоков?
Поэт, творец. Да это же гонец
И проводник невидимого тока!
И в этом смысл твой самый главный весь:
Гонец, несущий радостную весть!

12

Отбрось, как обветшавшие предметы,
Все представленья старые свои.
Ты лишь звено великой эстафеты.
Так не прерви движенье, не прерви!
Художники, ваятели, поэты,
Мы все, мы все — проводники любви,
Что в тишине и непрестанном гуде
Идет сегодня от людей и к людям.

13

И велика энергия ее!
Но если задержал ты откровенье,
Помедлил чуть, принялся за свое:
Мол, настроенье, нету вдохновенья —
То, может быть, ушло в небытие
Неповторимой красоты мгновенье.
Не выдумка все это и не вздор:
Ты хуже, чем обыкновенный вор!

14

Что было б с миром, если б колдовали
Да сталкивали токи провода?
Не для тебя энергию давали —
Пойми ты это раз и навсегда.
Через тебя ее передавали.
А ты...— как только видимость труда —
Лишил людей (моя, мол, воля это!)
Звучащего безмолвия и света.

15

Над высотою неподвижных гор
Пересеклись незримые орбиты.
Творцу открыт сверкающий простор,
И все дороги для него открыты,
Но лишь тогда, когда не застят взор
Ему его печали и обиды
И он под гнетом тяжести былой
Не бьется между небом и землей.

16

А если ты во власти опасенья
И в постоянной внутренней борьбе,
И вновь смятенье, как землетрясенье,
Перевернуло все в твоей судьбе,
Одно тебе даровано спасенье:
Забыть, забыть, не помнить о себе,
А помнить лишь о душах, для которых
Ты весть несешь, минуя все заторы.

17

И если снова что-то отвлекло,
И если что-то помешало снова,
Не уходи мечтами далеко,
А к каждой мысли отнесись сурово.
Ведь затемнить — признаться — так легко
Прозрачное и трепетное слово!
И затруднить дыхание стихов,
Как говорится, пара пустяков.

18

И в синеве, безмолвной, просветленной,
Тогда лишь песня вырвется вперед
И, призывая отблеск отдаленный,
Заполонит собою небосвод,
И обретет надежду устремленный,
И всяк ее услышавший поймет,
Когда в тебе самом же отзвучало
Все то, что сердце мучило сначала.

19

А цель у нас воистину одна:
Чтоб, ощутив дыхание свободы,
Стряхнула вдруг оцепененье сна
Душа вселенной и душа природы,
Чтоб воскресали в красках полотна
Земная твердь, и небеса, и воды,
Чтоб через мысли и слова твои
В мир проникало таинство любви.

20

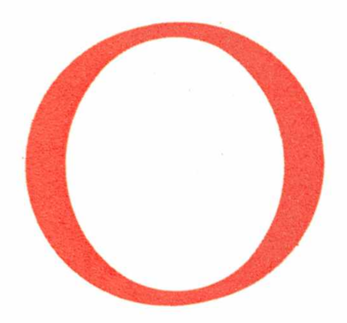
С заглавной буквы пишешь ты:
«Искусство».
Ты говоришь, что в суматохе дней
Ты предан столь искусству, что уж чувства
Не остается больше для людей.
Но если так, то как же в сердце пусто!
А ты со всей техничностью своей —
Гробокопатель музыки и слова.
И нет тебе названия иного!

21

А истина твоя и не нужна,
Она ничьи не приглушит тревоги.
Куда как важно подана она,
С таким лицом значительным и строгим,
Как будто вся земля теперь должна
Бросаться, как тебя завидит, в ноги,
А ты — всему начало и венец,
И благодетель людям и отец.

22

Как самому от слов своих не горько?
Как поучать, как обличать не лень?

В

Валентин СИДОРОВ

И деревце кривое на пригорке,
С унылым видом вторгшееся в день,
Не выпрямляй. А ты подставь подпорки,
Чтоб и оно давало тоже тень,
Чтоб и оно хотя бы на минуту
Могло прохладу подарить кому-то.

23

А ты лишь в свой уверовал успех,
Себя готовясь утвердить навеки.
Но в грешном мире тот грешнее всех,
Кто позабыл сияющие вехи
И в грешнике увидел только грех
И не увидел света в человеке.
И, поучая день-деньской других,
Он потерял, а вовсе не достиг.

24

О боже мой, совсем не ради славы
Живут на свете и аккорд и стих.
Они, как воды, и они, как травы.
Они живут и дышат для других.
И были правы египтяне, правы,
Когда они художников своих
(С пристрастием легенды допросите)
Объединяли словом «Воскреситель».

25

На нас с тобой, на всех в конце концов
Ложится отблеск древнего завета,
И ты с людьми соединен кольцом
Ликующего праздничного света.
Ты сам назвался радостным гонцом.
Не забывай же ни на миг об этом
Ни в тишине, ни в гаме, ни в толпе,
И все ответит радостно тебе.

26

Ты видишь вновь, как, рассекая темень,
Чертя узоры в тайной глубине,
Листвы и веток смутное сплетенье
Так чудно отражается в окне.
И «воскресите!» восклицают тени,
И голоса, неведомые мне,
Незыблемость безмолвия колыша,
Ты слышишь их? Или ты их не слышишь?

27

Молчание торжественно, как медь.
А ты, виня и сокрушенно каясь,
Все продолжаешь о себе скорбеть.
Но, в собственном смятенье задыхаясь,
Кричать лишь может, но не может петь
На все и вся обрушившийся хаос.
И ты пойми движение души:
Ты можешь не писать? Так не пиши!

ЗОВ

1

Спокойно спит далекая Равенна,
Принявшая величественный прах.
Благословенна тишина вселенной,
Благословенно небо в облаках.
Но трижды ныне будь благословенно
Мгновение, прорезавшее мрак
И колебанья тока в атмосфере,
Чтоб выхватить лик Данте Алигьери.

2

Наполнен снова воздух голубой
Терцинами торжественного склада.
И гаснет отсвет смутный и слепой,
И замирает шорох звездопада.
И мы вступаем следом за тобой
В круги тобой расчисленного Ада.
Незримый мир предельно ощутим,
Воображеньем созданный твоим.

3

Вот я твержу опять: воображенье.
Одно оно. И больше ничего.
Но если так, то отчего движенья
Мы замедляем вдруг? И отчего
(Каким огнем какого напряженья)
Обожжено суровое чело?
А этот взгляд, исполненный страданья,
Как будто в нем — вся тяжесть мирозданья.

4

Великой правдой лишь велик поэт,
А правда не бывает отвлеченной.
И потому фантастики здесь нет.
А рой чертей, огнем разгоряченный,
А призраки, туманящие свет,—
Все это символ, в строки заключенный,
Того, что мы в душе своей таим,
Того, что мы в неведенье творим.

5

О внутреннее наше мирозданье,
Сплетенье нам неведомых дорог!
Какое нам готовишь испытанье?
Какой должны мы выполнить урок?
Но разве надо, как велит преданье,
Переступать таинственный порог,
Спускаться в ад, в клокочущие сферы,
Чтоб ощутить тлетворный запах серы?

6

Нет, если ты воистину готов
Всей силой сердца и всей силой духа
Познать всю цепь невидимых миров,
В твоей душе замкнувшуюся глухо,
Иди в себя, как в глубь идут веков,
Что б ни сулили встреча и разлука,
Что б ни сгущалось на твоем пути,
Иди, как Дант. Бестрепетно. Иди.

7

...Замельтешили призрачные тени,
И мрак свое справляет торжество.
Шипенье гадов, смрадный запах тленья,
И ты готов воскликнуть: «Колдовство!»
Но это лишь обличия смятенья,
Гримасы масок страха твоего.
И над тобой витают отраженья
Унынья твоего и раздраженья.

8

И сердце обрывается в груди.
О как реальны эти отраженья!
Они сейчас как будто во плоти.
Размеренны и холодны движенья.
Но ты в глаза их только погляди —
Какое там застыло выраженье!
Твои созданья яростной толпой
Грядут сейчас расправиться с тобой!

9

...Но вовремя меняется орбита,
И в отдаленье зыбкий звук потух,
И то, что было от тебя сокрыто,
Разверзлось бездной безнадежной вдруг.
Нависли мысли, словно сталактиты.
И никого. Безмолвие вокруг.
Недвижное, звенящее бесстрастно
Безмолвье леденящего пространства.

10

И цепенеет напряженный взгляд
И в высоте, завороженный, стынет.
И эхо, отраженное стократ,
Стихает в беспредельности пустыни.
Воспоминанья скорбные глядят
Глазницами безжизненно пустыми.
И в синеву, где даже слепнет свет,
Вмерзает твой навечно силуэт.

11

Деревья грустно ветви опустили.
Ценой каких невероятных мук,
Ценой каких неведомых усилий
Кто разомкнет непостижимый круг?
Никто, никто. Ни небо, ни Вергилий.
Но только ты и собственный твой дух,
Хранящий в дни смиренья и величья
Спасительную мысль о Беатриче...

12

Конечно, я и понимаю сам:
Любое произвольно толкованье.
Порою в книге вдохновенной нам
Важней, чем суть, застывшее названье.
Что ж, если так, не доверяй словам,
Разрушившим былое основанье.
Твой Дант другой, совсем другой. И все ж
И Ад и Рай ты сам в себе несешь!

13

И ты себя не спрячешь за стеною,
Не разграничишь четкою чертой:
Вот это я, а это остальное,
Далекое, как некий звук пустой.
Но разве то, что именуют мною,
Один лишь зримый облик? Нет, постой!
А мысль моя! А завихренность чувства!
Куда их денет логика Прокруста?

14

О как трудна гармония миров!
Она никак, никак нам не дается.
И безответным остается зов
(Лишь болью в сердце слово отдается).
И, ощутив дыхание веков,
Душа твоя в смущении мятется.
Но сам себя я утешаю вслух:
В здоровом теле, мол, здоровый дух!

15

Условием железным, непременным
Ограждены мы как бы от забот.
Но не в укор будь сказано спортсменам:
Меня порой сомнение берет.
А если быть совсем уж откровенным —
Мне кажется, что все наоборот.
И, приближая дальнее безмолвье,
Здоровый дух дарует нам здоровье.

16

И если быть правдивым до конца,
То по себе сужу я непреложно,
Как часто звенья скорбного кольца
Заведомо придуманы и ложны.
И сокрушает души и сердца
Механикой таинственной и сложной
Твой главный враг, твой самый главный враг —
Твое же себялюбие и страх.

17

И для тебя обманчивая пристань —

Всю землю вдруг объемлющая тишь.
С величьем и терпением артиста
Ты скорбь в себе заботливо растишь.
(О приступ язвы! О сердечный приступ!)
И ты меня, конечно, не простишь,
Коль назову точней все это ныне:
Припадком страха, приступом уныныя!

18

На все сомненья лишь один ответ:
Искать вину на стороне напрасно.
Ты сам темнишь свой затаенный свет,
Когда без колебаний, громогласно
Ты снова жизни заявляешь: «Нет!»
И неспроста решительно и властно,
Как будто ждал он этот миг и час,
Дух отрицанья наполняет нас.

19

В часы неотвратимого смятенья
Любое отрицание темно.
Но есть одно. В нем все сгустились тени.
В нем все в мертвящий мрак погружено.
Мне кажется, что я нашел сравненье:
Столб соляной, из библии оно,
Которому (простите откровенность),
Как ладан черту, жизнь и современность.

20

О сколько их рассеяно кругом,
Твердящих: «Нет!» Их легион. И все же
Не сразу, правда, а потом, потом
Я убеждался, как они похожи.
В домах их — пыль, и плесень, и разгром.
И в мыслях — тоже. И в желаньях — тоже.
Всегда, всегда — и грязь и суета,
Как будто их пугает красота.

21

Как будто доставляет наслажденье
Им этот чад, клокочущий их быт.
И воздух здесь дрожит от раздраженья,
Кипит от накопившихся обид.
Незримое почуя напряженье,
Все светлое давно уж норовит
Их миновать и слиться с синевою,
И радость их обходит стороною.

22

Я каюсь перед жизнью — виноват,
Что слушал их с таким душевным жаром,
И раем оборачивался ад,
И в нем ничто меня не устрашало,
Что их акробатический уклад
Мне даже чем-то нравился, пожалуй,
Что я и мой неискушенный стих
Молчаньем, но поддерживали их.

23

И не хотел я видеть почему-то,
Витая мыслью в дальних облаках,
Что ими движет каждую минуту
Все тот же страх, невероятный страх.
Страх перед жизнью, захлестнувшей круто,
Доставшийся в наследство полумрак.
Страх перед ней, что почитает долгом
Ломать, крушить незыблемые догмы.

24

Но, слава богу, трепетная связь
Все ощутимей в сердце, все сильнее!
О тени проходящие! Без вас
И солнце ярче и простор синее!
И жизнь вершится, светом становясь.
Что нас сегодня разделяет с нею?
Вся скорбь твоя и страхи — ерунда,
Когда кричишь ликующее «Да!»

25

Не безобидно это, а опасно:
Лишь собираться с духом, выжидать.
В недвижном ожидании напрасно
Все возлагать на тишь и благодать.
Ты должен жить насыщенно и страстно,
А это означает: утверждать!
И утверждать немедля и пристрастно,
Чтоб слово «да!» заполнило пространство.

26

Не доверяй скорбящим голосам:
Не по плечу тебе все это, дескать.
Неужто ты не замечаешь сам,
Что «не могу!» звучит сейчас по-детски
И что восходит прямо к небесам
Твой дерзкий возглас, радостный
и дерзкий?
Назло сомненьям и назло врагу
Пусть эхо вторит нам: «Превозмогу!»

27

Что может быть нелепей и капризней
Нетерпеливой суеты моей?
Да не помыслим мы об укоризне,
И в круговерти замелькавших дней
Не бойтесь жизни. Доверяйте жизни.
Что б ни случилось, верьте только ей.
Глаголет небо и твердят деревья:
Отбросьте предрассудок недоверья!

28

Всей силой сердца доверяйте ей.
Пусть радость жизни только вами движет.
Она умнее всех учителей,
Она мудрее самых мудрых книжек.
Пусть скоростью космической своей
Она тебя стремительно пронижет.
Она к тебе божественно щедра,
И «завтра» не похоже на «вчера»!

29

Доверьтесь ей. Не на день и не на год.
Навек доверьтесь. Но избави бог
Искать спасенья от трудов и тягот,
Искать спасенья от своих тревог.
Все будет. Все. И мрачно тени лягут.
Нагрянут беды в наступивший срок.
Но творчество, а с ним и вдохновенье
Вас не покинут даже на мгновенье.

30

Ты возражаешь: дескать, пустяки.
Не всем-де участь суждена поэта.
Но разве догматичны и строги
Сверкающие звездами заветы?
А жизнь сама — и проза и стихи.
И музыка. И больше, чем все это.
Ты ей отдай и дух и бытие,
Чтоб стать дыханьем радостным ее!

31

Не властно неподвижное забвенье
С его оцепенелостью немой
Над творчеством. Здесь каждое мгновенье
Уже мгновенье вечности самой.
А если так, то больше нет сомненья:
Ты сам хозяин над своей судьбой,
И нарастает в сердце постепенно
Творящее звучание вселенной.

32

А день любой лишь красоту таит.
А в дне любом лишь видеть радость стоит.
На фоне неба тень твоих обид —
Нелепое, далекое, пустое!
А сила дня лишь в том и состоит,
Чтоб ты сливался с этой красотою,
Чтоб захлестнуло это волшебство,
Не угнетая сердца твоего!

33

Пусть небосвод прозрачный и высокий
Меня опять, как в детстве, растворит.
Доверьтесь жизни. Наступили сроки.
Проникни сердцем в пульс ее и ритм,
И ты уже не будешь одиноким,
И жизнь сама в тебе заговорит.
Заговорит с тобой. А это значит:
Путь восхожденья наконец-то начат.

ТРУДНОЕ ПОЗНАНИЕ МИРА

Повесть Виктора Муратова «Мы убегали на фронт» в основе своей автобиографична. В мальчишеские годы и сам будущий журналист и литератор по собственной воле отправился на фронт, стал воспитанником одной из воинских частей. Повествование ведется от первого лица — от имени мальчишки Артема Перегудова, военная судьба которого во многом совпадает с жизненным путем самого автора. Вот почему достоверность большинства сценок и деталей повести едва ли вызовет сомнение у читателя.

Однако, на мой взгляд, автор порой словно бы сомневается в этом: у него возникает желание употребить как можно больше частных деталей и подробностей, чтобы рассказ Артема о его дорожных приключениях вместе с дружком Ваней Сабуренко выглядел безоговорочно убедительным. Особенно это заметно в первых трех главах, где речь идет о длинной дороге из городка, в котором жили дружки, через Ростов в Новочеркасское суворовское училище, куда они приехали не вовремя, а потом о зачислении их учениками в музыкальный взвод, откуда они и собираются бежать на фронт, ибо занятия музыкой во время войны им кажутся пустым делом. Несколько «перегруженными» эти главы выглядят и из-за частых побочных отступлений — воспоминаний Артема о былых путешествиях со своей семьей...

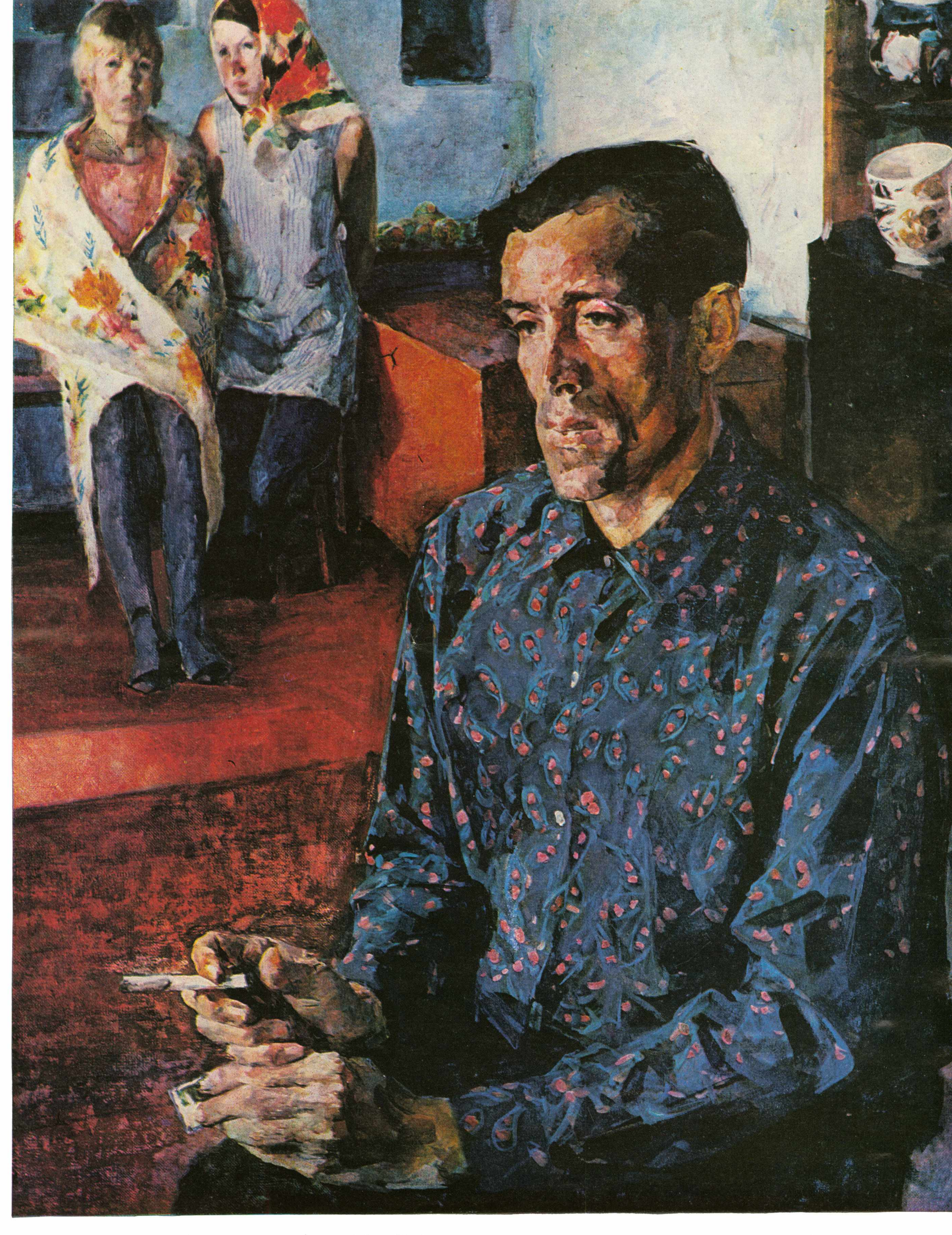
Но даже и в этих первых частях начинает вырисовываться одна из главенствующих тем повести, получающая в дальнейшем довольно впечатляющее развитие. Два двенадцатилетних мальчугана, детство у которых отняла война, пробираясь по разбитым дорогам вслед за уходящим на запад фронтом, испытывают голод и лишения, вбирают в память и сердце горечь разрухи, изуродовавшей родную землю, становятся свидетелями сложных судеб многих и многих людей разных поколений: вот так — трудно, но накрепко познают они жизнь, которая в ту пору не баловала и малолетних, а лишь закаляла их души. Наверное, этим пареньнам только за один последний военный год довелось повидать и перечувствовать столько, сколько иным благополучным молодым людям не удастся испытать и за всю жизнь. За несколько месяцев они пересекли часть России, побывали и за границей.

А вместе с трудным познанием мира приходит и узнавание душевных качеств самых разных людей, с коими довелось столкнуться ребятам. Примечательно, что перед ними в большинстве случаев проходят люди отзывчивые и добрые, ибо грозные испытания — и это автор подчеркивает не раз — отчетливо обнаружили лучшие свойства характера советского человека и солдата. И Артема и Ваню повсюду не только называют, но и самым настоящим образом считают своими сынками и лихой кавалерист Третяк, и военный журналист Пожарский, и Артемов земляк Петр Зозуля... И если порой встречаются ребятам люди с не очень-то доброй душой, то они теряются и исчезают среди общей человечности советских воинов-победителей.

Думается, что повесть Виктора Муратова, адресованная юным читателям, найдет отклик в их сердцах и многому их научит, ибо и познавательная ценность этой вещи не вызывает сомнений.

Олег ЗВЕРЕВ

Виктор Муратов «Мы убегали на фронт», повесть. М., Военное издательство.

А. Вычугжанин (Иркутск). МЕХАНИЗАТОР ИЛЬЯ ПАХОМОВ.

Художественная выставка «По родной стране».

К. Ломыкин (Одесса). ГОРОД СТРОИТСЯ.

Выставка произведений художников Украины.

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ ЛИТОВСКОЙ

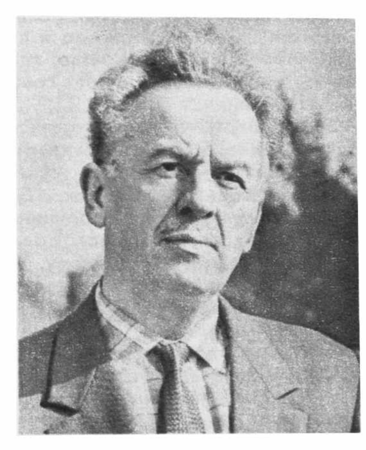
Пейзажи Литвы на первый взгляд кажутся спокойными: невысокие холмы, луга, перелески, ровные пространства незамутненных озер... Но сколько грозных событий видели эти края, сколько бурь пронеслось над литовской землей, щедро увенчанной ныне памятниками огненных лет!

Как его родная земля, был внешне спокойным и Теофилис Тильвитис — неторопливые движения, скупые жесты, ровная белизна лица, цвет которого напоминал старинный мрамор, светлая рыжинка аккуратно подстриженных усов... Мне впервые довелось увидеть его в 1956 году на семинаре Ильи Сельвинского во время Всесоюзного совещания молодых писателей: обсуждалось творчество выпустившего свою первую книгу Альгимантаса Балтакиса, и народный поэт Литвы пришел на семинар, чтобы дать доброе напутствие своему младшему собрату. Он говорил медленно, словно взвешивая слова, и ритм его речи мне напомнил эпическую плавность поэмы «На земле литовской», к тому времени широко прославившей имя Тильвитиса... Потом я встречался с поэтом на Волге, где в годы войны формировалась литовская дивизия и куда много лет спустя приехала делегация писателей Литвы, многие из которых были ветеранами этого соединения...

Тильвитис задумчиво оглядывал волжские края, чем-то, может быть, напоминавшие ему берега родного Немана...

Над Неманом нависли
Фашистские штыки,
Тогда на Волге встали
Литовские полки.
И дайна зазвучала
Над ширью волжских круч...

Под звуки литовской дайны прошла вся жизнь Тильвитиса: дайна пела в деревенском доме у трех озер, где он родился, ее напевы сопровождали его в дни, когда

юношей он подался в Каунас и когда проходил через нелегкие жизненные испытания, гневно бичуя в своих сатирах и пародиях буржуазных правителей тогдашней Литвы и их прислужников в декадентской литературе... Жившая, как верный камертон, в сердце поэта народная дайна заставляла его с горечью и презрением писать о таких, как герой поэмы «Дичюс» — крестьянский парень, оторвавшийся от народа и забывший о его нуждах ради карьеры и светских успехов... Нет, не по пути с Дичюсом было главному герою поэзии Тильвитиса — пахарю, бедняку, труженику,— будь то Пятрас из его поэтической хроники «Пахари», охватившей двадцать пять лет истории Литвы, или Калежис, прозванный Уснинисом, из поэмы «На земле литовской»... Направляемый чутьем выхода из народа, Тильвитис неуклонно шел к единственно верной для него позиции борца за народное счастье, писателя-реалиста, стойко миновав соблазны символизма и футуризма, приземленного бытописательства и мелкотравчатого юмора...

Возрождение Советской власти в Литве Тильвитис встретил зрелым мастером и сразу же включился в строительство социалистической культуры.

О милые мои! Теперь иным
все будет.
Все эти земли, что охватит глаз,
Возвращены простым литовским
людям,
И счастье нам земля родная
даст! —

уверенно восклицал поэт, посетив своих деревенских земляков в памятном 1940 году. В черные дни фашистской оккупации, пройдя тюрьму и концлагерь, Тильвитис скрывался в деревне, работая в поле, занимаясь привычным с детства крестьянским трудом. Там созревали строки будущих стихов и поэм, с дивной силой громко зазвучавших, когда над освобожденной Литвой взвилось знамя Победы. Познавший на собственном опыте судьбу литовского пахаря, певец земли литовской с высокой убежденностью призывал обратиться к новым горизонтам: в период ожесточенной классовой борьбы в литовской деревне Тильвитис на передовом посту, он ездит по стране, скорбно склоняя головы перед могилами людей, замученных «упырями»,— так поэт назвал банды националистов и клерикалов. Его весомое слово раздается не только с поэтических эстрад, но и с трибун собраний, он становится коммунистом. Именно в эти годы завершает поэт работу над поэмой «На земле литовской», ставшей замечательным творением советской литературы, где на судьбе крестьянской семьи показаны пути народа к правде, к победе над своими извечными врагами... Поэма, удостоенная Государственной премии, продолжает традиции классиков литовской поэзии Донелайтиса и Майрониса, и в то же время она как бы мост к новому движению литовской литературы, к освещению жгучих современных тем: она предвосхищает и «Братскую поэму» Межелайтиса и «Кровь и пепел» Марцинкявичюса... Сочные картины народной жизни перемежаются в ней с лирическими строфами, в которых слышны боль и тревога поэта и его неизбывная любовь к «земле распятий, хуторов, болот», которую Тильвитис страстно желал видеть цветущей и счастливой... Сын Литвы, он ощущал себя гражданином великой Страны Советов: в послевоенные годы Тильвитис много ездил по Волге и Кавказу, побывал на Украине... Все громче в его стихах голос поэта-бойца, патриота и глашатая дружбы народов. Памяти старого своего друга, погибшего от рук фашистов поэта Витаутаса Монтвилы, посвятил Тильвитис поэму «За песню платят жизнью». Он и сам хорошо знал, что песня, настоящая песня, требует от художника всех сил, всей жизни. И с этим сознанием он и уходил из жизни в 1969 году, оставив народу песню... И народ принял и признал песню поэта, ибо в ней воплотились краски и голоса родной литовской земли, думы и надежды народа:

Отчизна, сказок золотых
страна!!
Таурáгнай мой, Балтис, Илгис
и Утенá.
Озера по утрам синеют,
словно очи,
И, словно свечи, брезжат
в дымке ночи...
Березы на холме, процеженные
ветром,
Вы верою в расцвет
моей отчизны светлой
Мне душу наполняли
с малых лет...
И этой верой жив я
как поэт!

Л. ШЕРЕШЕВСКИЙ

СЧАСТЛИВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

У этой книги былинный зачин: «Кубань начинается с поля — раздольного и неоглядного». Это символично: знакомство с краем начинается со знаменитой кубанской нивы, дающей народу нашему замечательную пшеницу, а за нивой видятся станицы, города, реки, горы, леса, моря — вся советская Кубань!

Именно так, «Советская Кубань», назвал свою книгу (М., «Колос», 1973 г.) депутат Верховного Совета СССР, известный партийный и государственный деятель Г. С. Золотухин, удостоенный недавно звания Героя Социалистического Труда.

Край кубанский в народе называют по-разному — житница российская, пшеничное царство, жемчужина России. И, если знаешь, сколь весом вклад этой сравнительно небольшой территории в народное хозяйство Российской Федерации, то любые слова не покажутся высокопарными, преувеличенными. Судите сами: на долю краснодарцев приходится 7 — 8 процентов зерна, 6 процентов яиц, 6 — мяса, 21 — подсолнечника, 27 — плодов. Недра края хранят до 60 различных полезных ископаемых. Выращивается около ста видов сельскохозяйственных и технических культур. Всемирно известны не только кубанская пшеница, кубанский рис, кубанский чай, но и замечательные заповедники, охотничьи угодья, лечебные местности, места отдыха. Город-герой, крупный промышленный центр Новороссийск — важнейший порт РСФСР на Черном море. Город-курорт Сочи по праву считается одним из самых больших и благоустроенных курортов мира. Краснодарское водохранилище («Кубанское море», как его все называют) объемом более чем три миллиарда кубометров — крупнейшее водохранилище юга России.

Рожденная Советской властью промышленность Кубани (газ, нефть, цемент, машиностроение, химическая, лесообрабатывающая, легкая, текстильная и др.) сейчас выпускает продукции больше, чем вся промышленность дореволюционной России.

История края и пути развития народного хозяйства, расцвет колхозной и совхозной экономики подробно освещены автором. Рядом с географическим экскурсом в книге удачно соседствуют раздумья, с публицистическими отступлениями и портретами знатных людей труда отлично монтируются исследования на экономические темы, с живой зарисовкой — серьезный разговор о сельском строительстве.

Один журналист метко назвал книгу Г. С. Золотухина «Кубанской энциклопедией» — так велик материал ее, так необычайно широк охват тем.

Те, кто знает Кубань и ее замечательных тружеников, вновь встретятся на страницах книги с прославленными хлеборобами, механизаторами, рабочими, учеными М. Клепиковым, В. Первицким, А. Череповой, П. Лукьяненко, В. Пустовойтом, М. Хаджиновым, Г. Галеевым, Т. Бабенко, Т. Поляничевым и многими другими. Те же из читателей, кто познакомится с Кубанью и ее людьми, так близко впервые, узнают много интересного о жизни кубанцев, об их работе, о борьбе за урожай, о промышленных успехах.

Фашисты за время оккупации Кубани нанесли ей, как они хвастливо говорили, незаживающие раны. По расчетам гитлеровцев, разрушенный ими край мог восстановить свой сельскохозяйственный и промышленный потенциал лишь через десять — пятнадцать лет. Но труженикам края понадобилось на это всего несколько лет, а в 1970 году объем промышленного производства превзошел довоенный, 1940 год в десять раз!

Много страниц уделено в книге преображению кубанского села. Особенно ярок пример станицы Платнировской (Кореновский район, колхоз имени Кирова), которая была заложена еще в 1794 году первыми из переселившихся с Запорожской сечи казаками. Сейчас эта станица не только одна из благоустроеннейших в крае (все виды коммунальных удобств, свои внутренние автобусные маршруты и т. д.), но и один из важных центров культуры. У платнировцев отличный клуб, не уступающий по своему оборудованию лучшим городским дворцам культуры, свой ансамбль песни и пляски, который пользуется большой популярностью в крае, свои художественные выставки, библиотеки, кинотеатры...

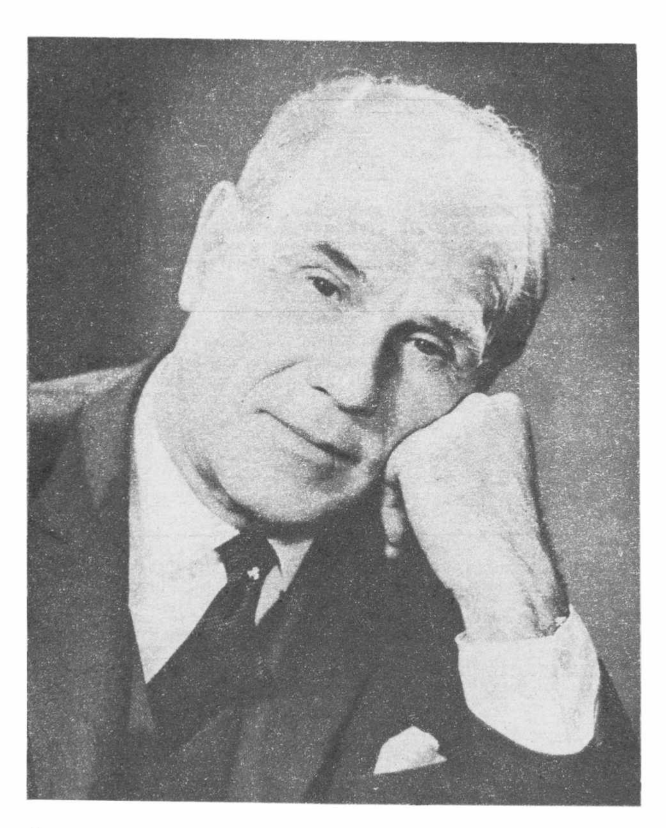
И таких населенных пунктов, которые не по дням, а по часам меняют свой облик, на Кубани сотни.

Автор хорошо показывает эволюцию Адыгейской автономной области, входящей в Краснодарский край: от абсолютной неграмотности и полнейшего обнищания, граничащего с вымиранием в дореволюционные годы,— к небывалому расцвету национальной культуры, экономики. С большой теплотой Г. С. Золотухин рассказывает о социалистической Адыгее, о ее свершениях, о ее людях.

«Как в капле воды,— пишет автор,— отражается целый мир, так на примере обновленной и преображенной социализмом Кубани прослеживается славный путь всей Советской страны».

О Кубани написано много книг. Новая книга Г. С. Золотухина, несомненно, будет с удовлетворением встречена читателями потому, что она ярко и доказательно рассказывает о самоотверженном и замечательном труде кубанцев, в котором рождаются их великолепные победы.

Борис ПРИВАЛОВ

БАБОЧКИН

О. КОРНЕВА

Если бы больше ничего не было сыграно, не было поставлено, не было воплощено и жил бы в нашей памяти лишь начдив Василий Иванович Чапаев, то и тогда Борис Бабочкин вошел бы в историю советского искусства. Вошел бы так же дерзко и талантливо, как его герой в историю нашей страны.

Сейчас, по прошествии сорока лет, нелепо говорить о пресловутом «счастливом случае», который якобы помогает актеру проявить себя; хотя в тот раз, когда братья Васильевы пригласили молодого Бабочкина сниматься в роли Петьки,— счастливый случай, как говорится, имел место... Но было ли просто «случаем», просто актерской «удачей», если одержимость ролью Чапаева, влюбленность в личность Чапаева родили такое творческое прозрение, которое заставило всех признать, что именно он, Бабочкин, и есть единственно возможный претендент на воплощение образа начдива на экране?.. Конечно, нет! Не просто «случай», не просто «везение» помогли актеру создать гармоничный, цельный, очень ясный и в то же время очень сложный характер народного героя.

Уже тогда можно было говорить, что творческая направленность артиста, его профессиональный поиск определяются заинтересованностью в судьбе страны, в судьбе народа, так как были уже сыграны, скажем, Братишка в «Шторме», Сысоев в «Первой конной»...

А теперь все мы понимаем, что пятидесятилетняя жизнь в искусстве народного артиста Советского Союза Бориса Андреевича Бабочкина — блистательный пример состоявшейся судьбы.

От вершины к вершине последовательно раскрывался этот народный и потому многогранный, большой талант актера, режиссера, воспитателя молодежи, общественного деятеля... Все это грани. Отделить их одну от другой, отдать предпочтение чему-либо нельзя. Они связаны нерасторжимо и взаимно обогащают мастерство, влияют на него, способствуют совершенствованию.

Бабочкину — актеру и режиссеру принадлежит честь «открытия» горьковских пьес, ранее считавшихся «несценичными». Так, «Дачники», поставленные Бабочкиным в ленинградском Большом драматическом театре в 1939 году, стали событием в истории советского театра; это был новаторский, смелый, романтически окрыленный спектакль, где Бабочкин играл Власа. Играл так, что герой его становился центром спектакля. И сейчас — лишь только взглянешь на фотографию актера в этой роли, на широкополую темную шляпу, косоворотку и пиджак внакидку, характерно сжатые руки,— и тут же вспомнишь серовский портрет молодого Максима Горького, чья драматургия столь органично близка Бабочкину на протяжении всей его творческой жизни; она проникнута горьковской романтикой, непримиримостью жизненных позиций, сложностью характеров, героев,— каждого из них Бабочкин знает досконально... И не случайно он через двадцать с лишним лет вернется к «Дачникам» — уже на сцене Малого театра. Вернется, чтобы с позиций современности объявить борьбу лживому миру мещанства и приспособленчества, пошлой сытости, духовной скудости... И центр спектакля переместится на фигуру Суслова. Это самый яркий антипод Власа. И здесь пафос отрицания теперь сгустится до гиперболического обобщения... Серое, скучное, стертое лицо, раздрызганные жесты, нудные интонации, сменяющиеся истеричной, захлебывающейся злобой,— таков этот воинствующий, фиглярствующий Суслов, исходящий ненавистью ко всему, что ему мешает,— ко всему новому, свежему... Этот Суслов — поистине крупнейшее социальное, равно как и художественное явление.

На сцене Малого театра Бабочкиным поставлены такие пьесы Горького, как «Фальшивая монета», «Достигаев и другие». И опять об этих спектаклях можно говорить как о спектаклях актерских, ярких, ансамблевых. Решение их новаторское, острое, современное... Принадлежит Бабочкину открытие на сцене Малого театра и чеховской драматургии. До постановки им «Иванова» Чехов на сцене Малого не шел. И опять многие актеры, занятые в этом спектакле, обязаны режиссеру своим успехом.

Сложность, многогранность характера всегда привлекают Бабочкина. Но сама сложность эта на редкость неодинакова в его воплощении. Это и умный, циничный, аморальный Клаверов, и заранее разочарованный в любом осуществлении своих мыслей Иванов, и мятущийся художник Аадам, и волевой командир Огнев...

Бабочкин уверен, что народный характер — это при всей гармоничности и цельности характер сложный. Самая же сложность эта рождена глубиной души, богатством чувства, своеобразием взгляда на жизнь, талантливостью человека из народа. Поэтому-то Бабочкин-режиссер, Бабочкин-актер всегда ведет нас путями нехожеными.

Казалось бы, мы уж привыкли к неожиданностям в творчестве Бабочкина, мы ждем их от него. И все же — вот новое, удивительно счастливое проявление таланта — роли Бабочкина на голубом экране, где он открыл нам внутренний мир таких разных людей, как знаменитый ученый, профессор Николай Степанович в «Скучной истории» А. Чехова и старый деревенский плотник Олеша Смолин в «Плотницких рассказах» В. Белова... Кто из них более дорог актеру? Чей сложный внутренний мир представлен богаче?.. Никто не ответит на этот вопрос, ибо разное качество сложности вскрыто актером так тонко и донесено до зрителей так бережно и проникновенно, что оба героя живут в нас,— живут по-разному, заставляя думать о них и сострадать им...

Когда юный Бабочкин приехал из провинции в Москву, он мечтал о «новом прекрасном театре будущего»... Он человек счастливой судьбы: всю свою жизнь он строит этот театр. Строит активно, страстно, утверждая красоту и смысл жизни Человека на земле. В этом — призвание, в этом и позиция актера, режиссера, коммуниста, одного из крупнейших деятелей советской культуры.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

«ЦВЕТЫ»

Их никто не знакомил: они сами встретились. Можно сказать — случай. Не то что у профессионалов, когда — еще до образования ансамбля — известен примерный уровень мастерства и способностей каждого из участников. Нет, у них все было иначе. Да и не предполагали они еще совсем недавно, что будет такое: ансамбль, пластинка, выпущенная фирмой «Мелодия»!.. Жили, даже не зная о существовании друг друга. Стас Намин учился на филологическом в университете, Саша Лосев заканчивал институт радиоэлектроники и автоматики... а Юра Фокин готовился к поступлению в музыкальное училище...

Короче, они самоучки. Вечерами слушали пластинки, бренчали на своих инструментах, родители вздыхали: «Пусть уж так — лучше, чем по улицам шататься»... Никто ни о каких лаврах и не помышлял! Да и сейчас, собственно, нет у них никаких лавров. Есть увлечение, есть общее дело. Но, конечно, все участники ансамбля «Цветы» надеются, что успехи — в будущем.

Пока только Сергей Дьячков среди них имеет музыкальное образование: он ездил на Север в фольклорные экспедиции, собирал и записывал старинные народные песни. Он-то и нашел репертуарную основу будущего ансамбля, который стремится приблизить народную музыку к восприятию современников,— дать ей новую окраску с позиций нынешнего дня, бережно сохранив истинно народные, национальные традиции.

Выбор молодым ансамблем именно такой цели заслуживает одобрения и поддержки, как заслуживает поддержки вообще стремление молодежи к серьезному, пусть непрофессиональному занятию искусством.

«Цветы» только-только еще начинают. Каждый их шаг вперед очень труден, и каждая победа особенно дорога. Упрямо и увлеченно они ищут **свое** лицо, взрослеют творчески и человечески.

Н. КОЖЕВНИКОВА

Фото А. Бочинина.

Мартти ЛАРНИ

СЕКС НА ИСПОВЕДИ

Мой учитель Сократ однажды сказал, что по мере наполнения желудка мозг человека пустеет. Иными словами, Сократ хотел сказать, что человеку, занятому творчеством, необходимо жить с постоянным ощущением голода. На основе длительной практики многие писатели убедились в правильности этой мысли. В частности, финские литературоведы неоднократно указывали, что национальный писатель Финляндии Алексис Киви умер от голода. В настоящее время службы социального обеспечения в какой-то степени проявляют заботу о том, чтобы писатели не умирали от голода. Если же они страдают неутолимой жаждой по утрам, то это уже другая проблема...

Небольшое чувство голода заставляет писателя бодрствовать, в его голове могут даже рождаться плодотворные мысли и полезные обществу идеи. Но если писателя не интересует творческое мышление, то он может все свои силы и время бросить на выколачивание денег. Иезуиты когда-то говорили, что цель оправдывает средства. Некоторые буржуазные современные писатели руководствуются этим же принципом. На западном книжном рынке стали преуспевать писатели, принявшие кредо иезуитов: добывание денег оправдывает средства. Особенно продуктивным средством является полный отказ от художественного творчества и переход к конвейерному изготовлению ходового товара — порнографии.

Известный финский рабочий писатель, мастер реалистического романа Тойво Пекканен однажды сказал, что порнографическую литературу может писать любой, так как для этого не требуется ни художественного таланта, ни чувства стиля, ни социальной ответственности, а лишь жажда сенсаций и неиссякаемое влечение к изделиям монетного двора. Я не слышал, какие факторы заставили итальянских писателей Норберто Валентини и Клару ди Меглион выпустить совместную книгу «Секс на исповеди». Книга вышла в свет в марте прошлого года и была распродана за пару дней. Сейчас ее можно приобрести только на «черном рынке» за поднявшуюся, как на дрожжах, цену. Ватикан угрожает отлучить от католической церкви всех, кто будет уличен в распространении книги, как это уже сделано с ее авторами.

В основе книги — 600 исповедей, записанных на магнитофонную пленку. Сбор материала у Клары и Норберто занял продолжительное время. Девица Клара ди Меглион свидетельствует в своей книге, что некоторые священнослужители были на исповедях, откровенно говоря, «болезненно заинтересованы в порнографии». Они праведно верили, что пришедшая на исповедь девица Клара — квалифицированная профессиональная проститутка, пришедшая отвести душу на исповеди. Одного священнослужителя обуяла такая жажда знаний, что он просил содействия девицы ди Меглион в приобретении фотографий и статей с подробным описанием всех порнографических тонкостей. Бедняжка священник и не подозревал, что как у Норберто Валентини, так и у Клары ди Меглион были под одеждой хорошо замаскированные микромагнитофоны, которые сохранили для истории всю беседу.

Промежутки между магнитофонными записями сочинители залили содержимым своих мозговых котелков и заварили такую кашу, которой втайне наслаждается весь Рим. Представитель Ватикана заявил, что сей труд является «апофеозом грязной порнографии и вонючего натурализма, авторы которого отлучены от церкви». По мнению же Валентини, из церкви должны быть изганы и те священники, которых во время исповедания больше интересовали вопросы порнографии и секса, нежели библейские заповеди.

Сплетня летит в нашу эпоху быстрее звука и распространяется, как корь. Иногда сплетни получают официальное подтверждение, после чего они перестают интересовать коголибо. Полчаса тому назад я услышал свежую сплетню и спешу сейчас, в свою очередь, распространить ее дальше.

Удачный бизнес Норберто Валентини и Клары ди Меглион, принесший им славу и деньги, вдохновил предприимчивых людей. Так, один французский джентльмен срочно бросил свою работу, решив стать писателем. Он твердо верил в свой литературный талант, не написав еще ни одной строки. В творческом порыве он приобрел необходимые писателю инструменты: карманный магнитофон и мантию католического священника. Магнитофон был приобретен в кредит, а одежда взята напрокат из костюмерной театра (другого оснащения сегодняшнему писателю и не нужно). Итак, он был готов к новому ремеслу.

Миновала полночь, и новоявленный писатель вышел на улицу, чтобы окунуться в парижскую ночь, о специфике которой так много написано, а еще больше сказано. Магнитофон был готов к увековечению сенсационного материала для новой книги, когда писатель заговорил с молодой женщиной.

— Девушка, простите за беспокойство. Вы проститутка?

Женщина широко улыбнулась, разглядывая под уличным фонарем священника.

— А что, я так выгляжу?

— По внешнему виду нельзя делать выводов. Я просто подумал так, увидев вас, одиноко стоящую в такое время на улице.

— Вы ошиблись. Я возвращаюсь с работы. Работаю в ночном клубе танцовщицей стриптиза, а здесь поджидаю одного друга.

— Да благословит вас бог,— сказал священник и пошел дальше.

Пройдя перекресток, священник остановил молодую женщину, которая старательно пудрилась, а увидев священнослужителя, подморгнула и усмехнулась:

— Ты смотри, батюшка тоже вышел свежим воздухом подышать.

— Да, голубушка, ты права,— ответил священник.— А не могу ли я тебе задать прямой вопрос?

— Если попросите подаяния для своего прихода, то не по адресу попали. Я предпочитаю помогать бедным не через церковь.

— Что вы, я не прошу у вас денег, скорее наоборот. Хочу только узнать, проститутка ли вы?

— Нет. Я танцовщица стриптиза и возвращаюсь с работы. Тут поджидаю одного знакомого, который проводит меня домой.

— Да благословит вас бог,— сказал священник и продолжил свой путь.

Остановившись у какого-то ресторана, он посмотрел на часы. Было уже три. Тут же рядом оказалась молодая женщина, которая лукаво прощебетала:

— А ресторан уже закрыт.

— Похоже на правду. Кстати, дорогая девушка, отчего в столь поздний час вы одна на улице? Вы что, проститутка?

Женщина легонько шлепнула священника по щеке и весело ответила:

— Если вас интересует моя профессия, то, пожалуйста, я ее не скрываю. Я танцовщица стриптиза из ночного клуба, меньше часа назад закончила работу.

— Да благословит вас бог,— ответил священник и, расстроенный, отправился продолжать свой ночной обход.

Вблизи входа в метро он остановился и посмотрел вокруг. Профессия преуспевающего писателя стала тяготить его. Несмотря на хорошие средства производства (магнитофон и мантия), даже вступление для задуманного произведения не было готово. Мелькнула мысль о возвращении к профессии бухгалтера. Он повернулся, чтобы уйти, как вдруг наткнулся на молодую женщину, которая, не вынимая изо рта сигареты, красила губы, не обращая внимания на священника.

— Не сочтите за дерзость, барышня,— сказал священник.— Вы что, тоже танцовщица стриптиза?

Женщина сунула помаду в сумочку, бросила взгляд по сторонам и ответила:

— До этого еще не докатилась. Я проститутка.

Священник залез поспешно во внутренний карман, включил магнитофон и начал завязывать знакомство.

— Это очень интересно,— начал он.— Ну, как успехи?

— Неважно, даже очень плохо,— ответила женщина.— Танцовщицы стриптиза заполнили рынок...

По лицу священнослужителя разлилась довольная улыбка. Он уже видел впереди блистательную писательскую карьеру. Первая глава его секс-эпопеи началась многообещающе, деньги и слава были уже близки. Он бросил на девушку всепрощающий взгляд исповедальщика и сказал:

— Дорогая барышня, поведайте мне трудности вашей профессии в настоящее время, особенно вопросы неэтичной конкуренции на данном поприще. Могу ли я, дочь моя, проводить вас до дому, или же вы предпочитаете зайти ко мне?

Бросив на священника почти жалеющий взгляд, женщина ответила:

— Я не нуждаюсь в вашем обществе. Старыми средствами невозможно преуспеть даже в неэтичной конкуренции...

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вы лучше выключите свой магнитофон в кармане. И не думайте, что то, что удалось в Риме, пройдет у нас, в Париже. А поскольку вы не верите предупреждениям Ватикана, то я предупреждаю вас снова.

Сказав это, она размахнулась, ударила священника сумочкой и убежала.

Так разбились мечты начинающего писателя об успехе, известности и деньгах. Подавленным и уставшим он вернулся домой, выбросил на помойку свой учебник «Секс на исповеди» и принял решение вернуться к прежней профессии.

г. Хельсинки.

(АПН специально для «Огонька».)

Урок ведет преподаватель кафедры легкой атлетики М. Г. Кириченко.

САМЫЙ ВО

Он вырос на берегу Амура. Солнце с восхода и до заката отражается в его огромных зеркальных окнах, и от этого, кажется, само здание излучает свет и тепло жизни. Каждое утро к его парадному спешат студенты, и в портфелях у них не только книжки, но и аккуратно уложенные белые халаты, спортивные костюмы, гимнастические тапочки и боксерские перчатки...

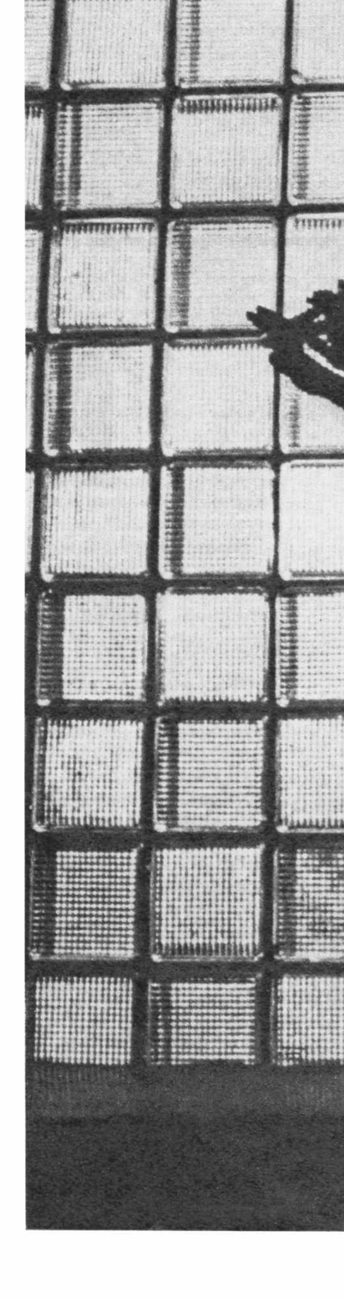
— В большой семье спортивных вузов наш Хабаровский институт, наверное, моложе всех: возраст у него еще «дошкольный»,— сказал Юрий Васильевич Зятьковский, заведующий кафедрой спортивных игр.— Мы стараемся не отставать от нашего «дедушки» — Московского Центрального ордена Ленина института физической культуры.

На одиннадцати институтских кафедрах студенты слушают лекции по анатомии, физиологии, истории, литературе, иностранному языку и другим обычным вузовским дисциплинам. Но кроме них, занимаются еще и в бассейне и в гимнастическом зале, на беговых дорожках и на лыжне. Студенты готовятся стать преподавателями физвоспитания.

...В гимнастическом зале мы встретились с мастером спорта Ниной Мельниковой.

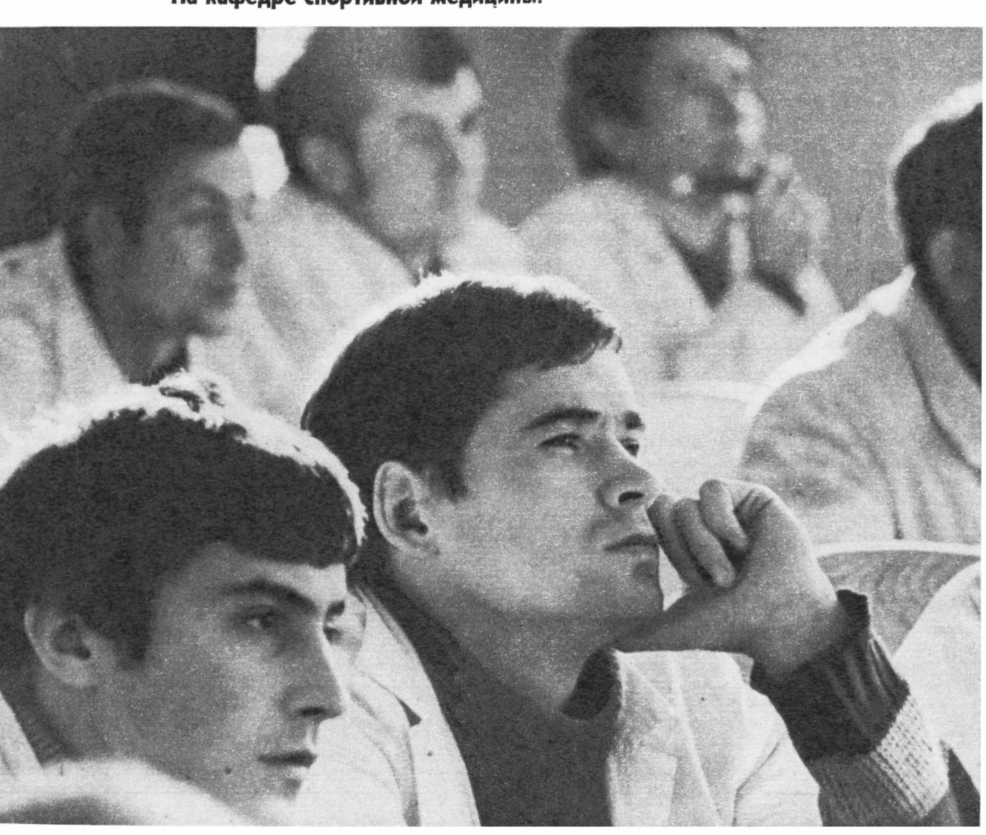
— Я поступила в институт в прошлом году. Первый курс закончила хорошо, с одной четверкой. Специализируюсь по гимнастике и плаванию. Художественная гимнастика — моя любовь. Ею я занимаюсь с шестого класса. Трудно, но в спорте легко не бывает. Спорт— всегда труд. Одно движение, которое и живет-то в комбинации какую-то долю секунды, требует многих нелегких часов тренировки. После института я мечтаю работать тренером, учить этому прекрасному виду спорта.

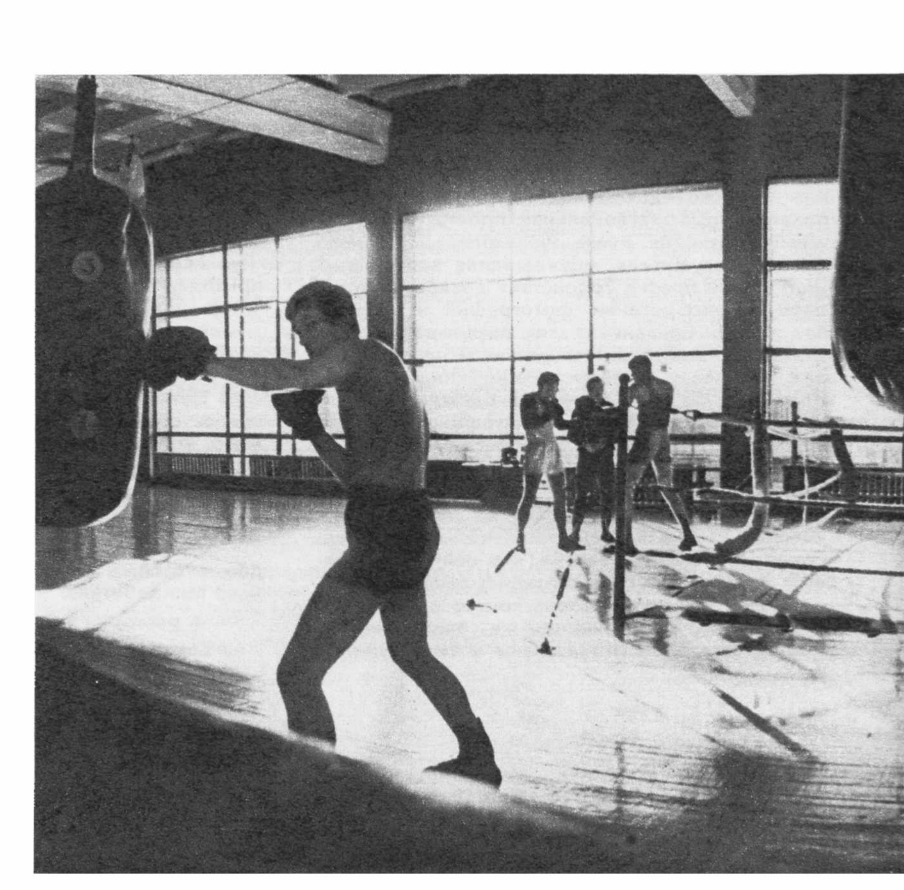
В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора.

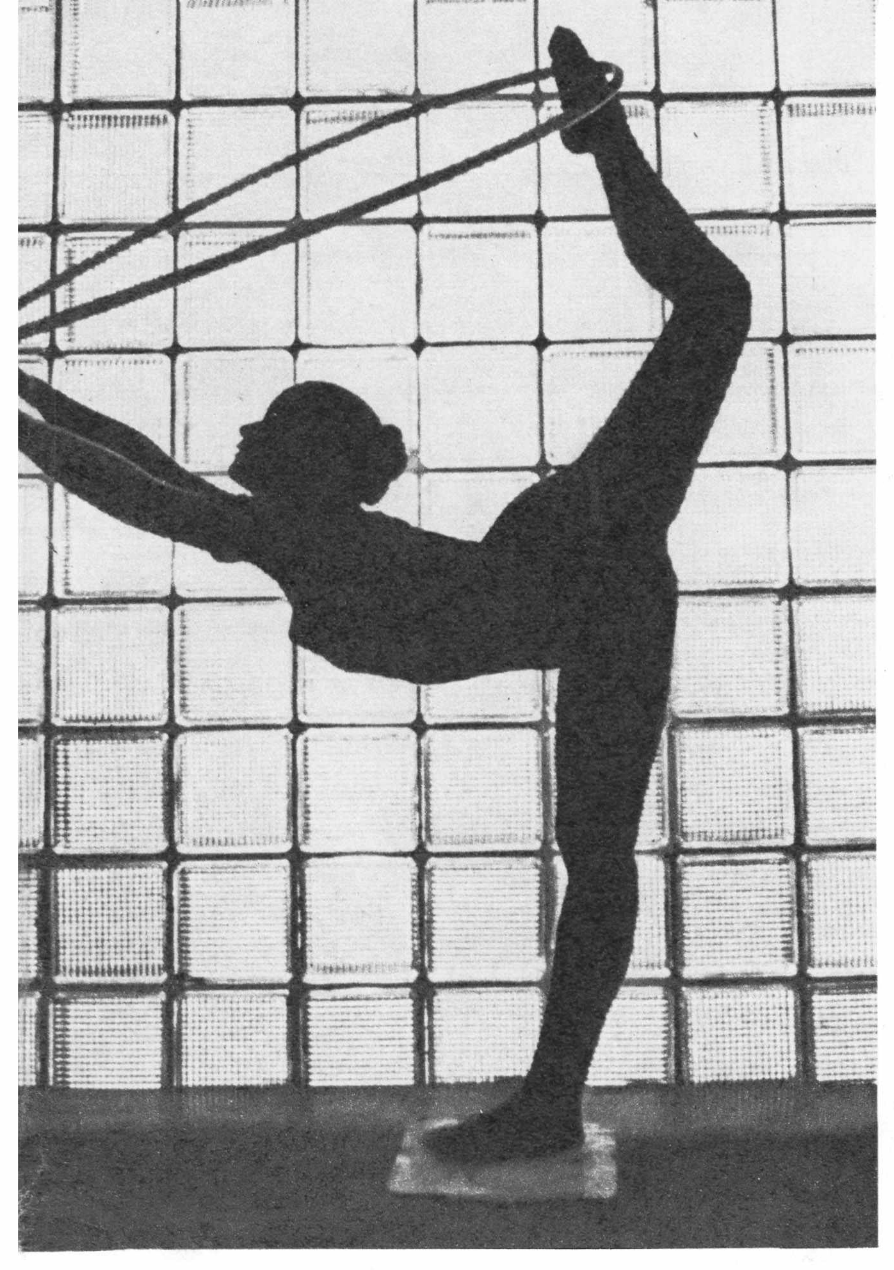

На кафедре спортивной медицины.

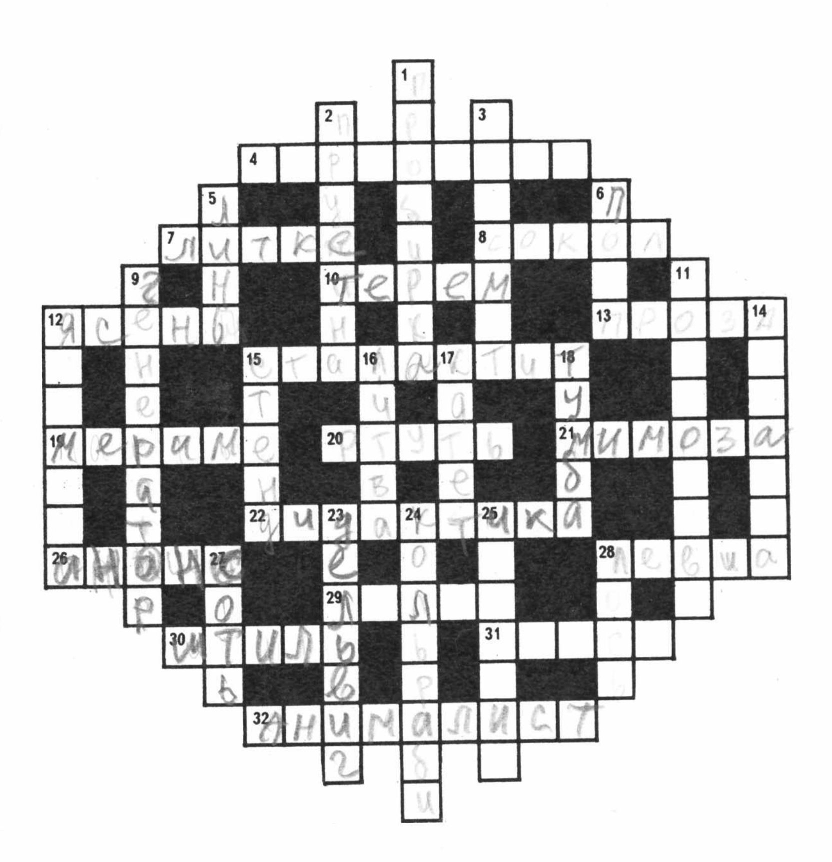

Нина Мельникова на тренировке.

СТОЧНЫЙ

В боксерском зале.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 7. Русский мореплаватель. 8. Птица семейства ястребиных. 10. Дом в Древней Руси. 12. Лиственное дерево. 13. Род художественной литературы. 15. Известковый нарост на своде пещеры. 19. Французский писатель XIX века. 20. Жидкий металл. 21. Южное растение. 22. Часть педагогики. 26 Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 28. Герой сказа Н. С. Лескова. 29. Город во Франции. 30. Затишье, безветрие. 31. Малая планета. 32. Художник, изображающий животных.

По вертикали: 1. Лабораторная посуда. 2. Приспособление для спуска курка в огнестрельном оружии. 3. Породообразующий минерал. 5. Пресноводная рыба. 6. Прибрежное водное пространство для стоянки судов. 9. Машина для преобразования механической энергии в электрическую. 11. Огромная ископаемая ящерица. 12. Приток Дуная. 14. Рассказ А. П. Чехова. 15. Щит для экспонатов. 16. Союзная республика. 17. Сторона прямоугольного треугольника. 18. Низкий столбик у тротуара или дороги. 23. Поэт, друг А. С. Пушкина. 24. Разновидность капусты. 25. Советский авиаконструктор. 27. Роман Л. М. Леонова. 28. Парнокопытное животное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 5. «Аристократы». 8. Малави. 9. «Очаков». 11. Лобан. 14. Манок. 16. Гротеск. 19. Посад. 20. «Пуритане». 21. Единорог. 22. Ампир. 24. Ракетка. 25. Лилия. 29. Брамс. 31. «Жигули». 32. Ожешко. 33. Сизоворонка.

По вертикали: 1. Карпаты. 2. Готланд. 3. Эсхил. 4. Орион. 6. Манто. 7. Мокко. 10. Сказуемое. 12. Батисфера. 13. Глаголица. 15. Катер. 17. Риека. 18. Снейк. 19. Пенал. 23. Индий. 26. Илька. 27. Крушина. 28. Елецкий. 29. Бином. 30. Сопот.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: И. Репин. Портрет В. В. Стасова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В лесу под Костромой.

Фото Б. Кузьмина.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/XII — 73 г. А00501. Подп. к печ. 8/I — 74 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 194. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1598.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА
и Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Начальник управления Московской городской телефонной сети В. Л. Точин.

Интервью «Огонька»

Сегодня в гостях у читателей «Огонька» работники Московской городской телефонной сети. О только что завершившемся годе, о плане года наступившего рассказывает начальник сети Виталий Леонтьевич ТОЧИН.

— По-моему, время для беседы выбрано удачно,— замечает он. — Судите сами, недавно московские связисты установили аппарат полуторамиллионному московскому абоненту. Им стал Н. В. Климачев, горный спасатель по профессии. А этому приятному событию предшествовало еще одно, более значительное.

За пять лет телефонная сеть расширится на 650 тысяч номеров, а задание на 1973 год было определено 125 тысячами. Но мы — весь коллектив московских телефонистов — сумели досрочно завершить год и уже в первой половине ноября докладывали: задание выполнено. Большую помощь в этом нам оказали горком партии и Мосгорисполком, Министерство связи СССР.

Плодотворно были использованы и оставшиеся до конца года дни и недели. К 125 тысячам телефонов добавилось еще 20 тысяч. Завершается монтаж и отладка оборудования новых автоматических телефонных станций общей емкостью на 140 тысяч номеров — это наш задел на наступивший год. План 1974 года рассмотрен и утвержден. Но мы взвесили возможности, посоветовались с коллективами телефонных узлов и станций, и в результате родился встречный план. Им определено: 130 тысяч телефонов установить к 20 декабря. А затем займемся пятью тысячами сверхплановых. Пятилетний план установки телефонов мы завершим к 105-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Словом, о дальнейшей судьбе телефонизации Москвы мы думаем повседневно и принимаем все меры, чтобы в каждой квартире москвичей поскорее был телефон. Вот только нас нередко подводят строители — не вовремя, с недоделками сдают здания АТС. Хоть и праздничное у нас интервью, новогоднее, но, как говорится,

И СПРАВКА И С

из песни слова не выкинешь, что есть, то есть. Очень уж это острый вопрос. Ведь под открытым небом сложнейшую аппаратуру АТС не смонтируешь.

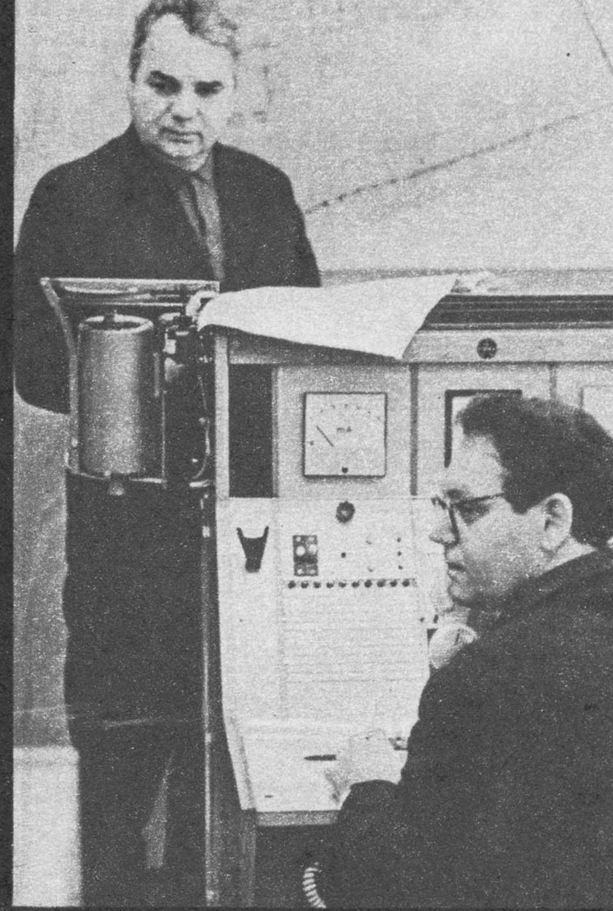
— Для каких столичных районов наступивший год будет особенно «урожайным» на телефоны?

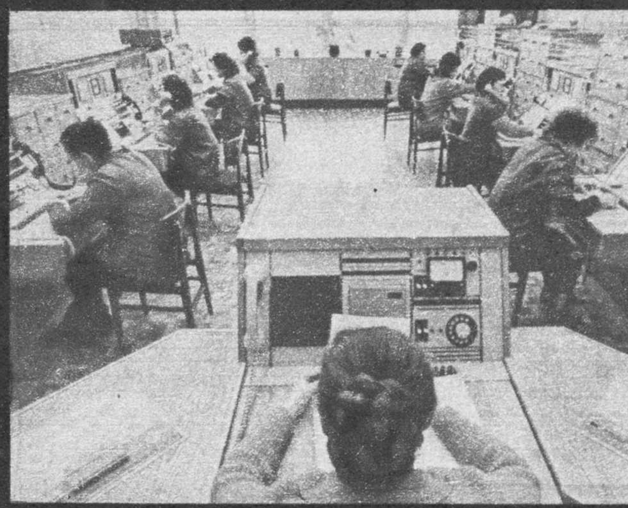
— В Выхине появится 20 тысяч новых абонентов. Столько же — в Измайлове. По 10 тысяч аппаратов установят в Дегунине, в районе Преображенской площади, Новогиреево, Гайвороново, улица Докукина — тоже адреса небольших телефонных «премьер».

Более 80 процентов вводимых мощностей передаются для установки квартирных телефонов. Остальное — предприятиям, учреждениям. Примерно такая же пропорция (изменения возможны только в сторону увеличения квартирных) сохранится и на последующие годы.

— И все-таки телефонов мало...

— Один из путей увеличения их числа — спаривание, когда два аппарата устанавливаются на одной паре проводов. Работа эта идет не первый год, но некоторые москвичи никак не привыкнут к этому. Замечу, что за рубежом такой способ телефонизации ведется гораздо шире. Во многих странах на одну пару ставят даже несколько аппаратов. По-моему, это деловой подход. Многолетние наблюдения показали, что по каждому домашнему телефону в сутки в среднем говорят не более получаса. А двадцать три часа тридцать минут готовая к работе, отлаженная аппаратура и линии связи простаивают. По-хозяйски ли это! Но коль скоро спаренный аппарат не всем кажется удобным, связисты работают и над этой проблемой. Создана и запускается в серийное производство высокочастотная аппаратура, позволяющая обладателям спаренных телефонов говорить даже между собой; словом, как говорят связисты, ввести «режим самостоятельных аппаратов». Надо только установить специальную приставку. Правда, пока она стоит

Начальник Тушинского телефонного узла В. В. Петров и начальник централизованного бюро ремонта И. С. Пассов.

Централизованное бюро ремонта.

Татьяна Обухова, одна из 09.

КАЗКА...

довольно дорого. Но ведь это — только начало производства...

— Немало говорят о перспективах различных форм телефонного сервиса. Нельзя ли и здесь заглянуть в завтрашний день?

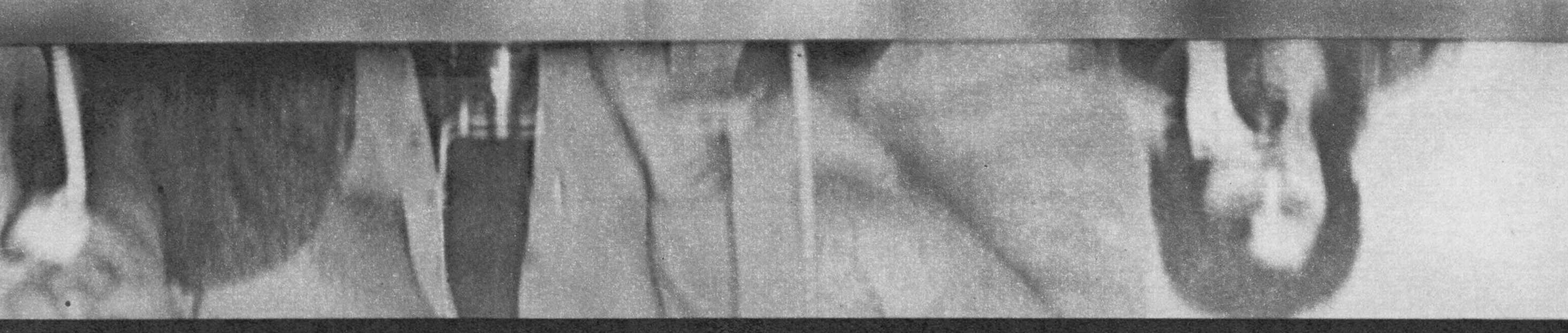
— Почему завтрашний! Кое-что делается уже сегодня. Набрав номер 229-99-00, вы сможете получить практически любую справку о работе телефонной сети столицы. На Ленинском, Ленинградском, Миусском и Тушинском телефонных узлах работают бюро добрых услуг — вы можете позвонить сюда, и по вашей телефонной заявке в кредит произведут замену телефонного аппарата, поставят удлиненный шнур, дополнительные розетки...

В прошлом году в опытном порядке созданы централизованные бюро ремонта, что позволило значительно повысить культуру обслуживания населения и ускорить устранение повреждений. В 1974 году таких централизованных ремонтных бюро появится еще больше. И если вы увидели неработающим уличный телефон-автомат, снимите, пожалуйста, трубку, наберите 09, сообщите об этом...

В начале нынешнего года войдет в строй первая очередь службы, которую мы так и назвали — «сервис». Позвонив ее работникам — первое время это можно будет сделать только из специальных телефонов-автоматов, — вы сможете получить справку о погоде (не только в Москве, но и, скажем, в городе, куда едете в командировку или на отдых), о зрелищных мероприятиях, о службах бытовых организаций, о работе транспорта. Поначалу телефонные аппараты сервиса будут стоять преимущественно около вокзалов, на почтамтах, в крупных магазинах. Через некоторое время владельцы домашних телефонов тоже смогут за дополнительную оплату получить любую справку и даже послушать... сказку.

(В связи с этим — об одном курьезном случае. Он произошел в Ленинграде, где подобная сервисная служба уже работает. Одному абоненту прислали весьма солидный счет. Ошибка! Стали выяснять. И оказалось, что его дочь, узнав номер «сказочного» телефона, звонила туда и просила: «Расскажите новую сказку». А счетчик накручивал копейки и гривенники. Говорится об этом потому, что и к москвичам придет «телефонная» сказка...)

Эта плата станет, как нам кажется, стимулятором лаконичности. Ведь год от года москвичи делаются все более разговорчивыми. Несколько лет назад средняя продолжительность телефонной беседы составляла 110 секунд. Сейчас она выросла более чем втрое! А это приводит к перегрузкам телефонных станций, которые, как известно, «не резиновые»; они могут предоставить одновременное ведение точно определенного

Служба 09.

количества разговоров. Позвольте тут же напомнить об одной работе психологов и социологов, доказавших, что длинные телефонные разговоры способствуют выработке таких качеств, как речевая нечеткость, как неделовитость фразы.

— И последнее, о чем мне хотелось бы сказать, — завершает беседу В. Л. Точин,— новинки нашей техники. Недавно на городских улицах появились новые автоматы. Они не только надежнее, но и удобнее. По такому аппарату можно звонить, используя как двухкопеечную, так и две однокопеечные монеты. В 1973 году таких телефонов-автоматов установлено 4 тысячи штук, а в нынешнем это количество утроится.

Начальник смены Павел Погодин.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663